Е. В. де-Роберти
профессора Новаго Брюссельскаго университета.

Новая постановка основныхъ вопросовъ СОЦІОЛОГІИ.

Переводъ съ французскаго А. Н. И—ой. Съ двумя критическими статьями профессоровъ де-Греефа и Блонделя и рѣчью Е. В. де-Роберти о „Задачахъ соціологіи“ (произн. на открытіи Психо-Неврологическаго Института въ Петербургѣ).

Е. В. де-Роберти
профессора Новаго Брюссельскаго университета.

Новая постановка основныхъ вопросовъ СОЦІОЛОГІИ.

Переводъ съ французскаго А. Н. И—ой. Съ двумя критическими статьями профессоровъ де-Греефа и Блонделя и рѣчью Е. В. де-Роберти о „Задачахъ соціологіи“ (произн. на открытіи Психо-Неврологическаго Института въ Петербургѣ).

Пров. 1955
Библиотека ООН
070
40

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА.—1909.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ Россіи и на родномъ языкѣ появились лишь наиболѣе раннія сочиненія Евгенія Валентиновича де-Роберти: *Политико-экономическіе этюды* (СПБ. 1869), *Соціологія* (СПБ. 1880) и *Прошедшее философіи* (Москва, два тома, 1886). Но первыя двѣ книги скоро были внесены въ нашъ *Index librorum prohibitorum*, а послѣдняя, по требованію О.-П. Св. Синода Побѣдоносцева, предана уничтоженію; и все написанное авторомъ должно было впредь подвергаться двойной цензурѣ, свѣтской и духовной. Тогда Е. В. перенесъ свою научную дѣятельность за границу. Здѣсь, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, печатались, уже на французскомъ языкѣ, наиболѣе капитальные труды его по философіи, философской критикѣ, соціологіи и этикѣ [1]).

---

[1]) Вотъ краткій перечень главнѣйшихъ изъ нихъ: по философіи: *L'ancienne et la nouvelle Philosophie* (1887), *L'Inconnaissable, sa métaphysique, sa psychologie* (1889), *La Philosophie du Siècle* (1891), *Agnosticisme* (1892), *La Recherche de l'unité* (1893); по философской критикѣ: *Auguste Comte et Herbert Spencer* (1894), *Frédéric Nietzsche* (1902); по соціологіи и этикѣ: *La Sociologie* (1881), *L'Ethique: Le Bien et le Mal* (1895), *Le Psychisme social* (1897), *Les Fondements de l'Ethique* (1898), *Constitution de l'Ethique* (1900), *Nouveau Programme de sociologie* (1904), *Sociologie de l'action* (1908).

Работы эти не замедлили доставить ихъ автору въ западно-европейской философіи и наукѣ широкую и почетную извѣстность. Въ современной философіи Е. В. принадлежитъ заслуга оригинальной разработки главныхъ тезисовъ *нео-позитивизма*; а въ современной соціологіи онъ является не только однимъ изъ первыхъ по времени піонеровъ молодой науки, но и главою школы, отстаивающей автономію соціологіи противъ стремленій слить ее съ біологіей или психологіей и борящейся въ настоящее время на два фронта: съ приверженцами такъ называемаго «психологизма» (историческаго идеализма), и съ послѣдователями такъ называемаго «прагматизма» (историческаго матеріализма). Въ 1894 г. Е. В. былъ приглашенъ Новымъ Брюссельскимъ университетомъ на каѳедру «общей соціологіи и этики», а въ 1901 г. онъ, вмѣстѣ съ проф. М. М. Ковалевскимъ, И. И. Мечниковымъ и Ю. С. Гамбаровымъ основалъ и открылъ въ Парижѣ Русскую Высшую Школу общественныхъ наукъ; здѣсь онъ также читалъ курсы по философіи и соціологіи [1]).

Въ предлагаемой читателямъ въ переводѣ на русскій языкъ книгѣ, авторъ подводитъ итоги бо́льшей части своихъ прежнихъ работъ по соціологіи,—обстоятельство, которое и направило нашъ

---

[1]) Дѣятельность Е. В. въ Русской Высшей Школѣ имѣла своимъ послѣдствіемъ состоявшееся по докладу министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, въ сентябрѣ 1903 г., Высочайшее повелѣніе, запрещавшее русскому ученому жить за границей и вызывавшее его немедленно въ Россію; но уже въ іюнѣ 1904 г. оставшемуся въ Парижѣ профессору было объявлено посломъ Нелидовымъ новое Высочайшее повелѣніе, отмѣнявшее первое.

выборъ именно на этотъ трудъ. Но послѣдній, сверхъ того, вполнѣ отвѣчаетъ заглавію, данному его русскому переводу: онъ переноситъ рѣшеніе основныхъ вопросовъ зарождающейся науки въ совершенно новую «плоскость» (какъ теперь выражаются). На эту сторону дѣла западная критика и обратила особенное вниманіе. И въ общихъ, и въ спеціальныхъ журналахъ теоріи автора подверглись живому и подробному обсужденію. Съ цѣлью ознакомить читателя съ нѣкоторыми выводами и взглядами европейской критики, а также съ цѣлью облегчить чтеніе довольно схематически и отвлеченно написанной книги, мы предпослали ея тексту переводъ двухъ посвященныхъ ея разбору статей (на которыя мы нашли указаніе въ «Вѣстникѣ Самообразованія», № 49). Одна изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстнаго соціолога Де-Греефа, а другая — французскому ученому Блонделю. Сверхъ того, самъ авторъ (просмотрѣвшій, по нашей просьбѣ, переводъ) любезно предоставилъ въ наше распоряженіе свою рѣчь о *Задачахъ Соціологіи*, произнесенную на торжественномъ открытіи Психо - Неврологическаго Института въ Петербургѣ 3-го февраля 1908 года. Составленная популярно, рѣчь эта можетъ служить полезнымъ введеніемъ въ предлагаемую книгу.

Произведенія Є. де-Роберти [1]).

Задача, которую де-Роберти себѣ поставилъ и которую онъ преслѣдуетъ съ энергіей и настойчивостью, придающими его трудамъ замѣчательное единство, одновременно философская и соціологическая. И по мѣрѣ своего развитія въ этихъ двухъ направленіяхъ, мысль его становится все болѣе глубокой и болѣе опредѣленной.

Уже въ раннемъ трудѣ своемъ, въ Соціологіи, онъ оспариваетъ многія положенія Конта. И расколъ этотъ дѣлается еще замѣтнѣе въ Старой и Новой Философіи и въ Философіи Вѣка; но съ особенною силою онъ проявляется въ Непознаваемомъ, въ Агностицизмѣ и въ Поискѣ единства. Два тома философской критики, посвященные Конту, Спенсеру и Ницше, еще болѣе выясняютъ эти принципіальныя разногласія.

Нѣсколько позднѣе де-Роберти развиваетъ основы своей системы нравственности въ трехъ уже вышедшихъ томахъ: Этика, Начала нравственности, Обоснованіе Этики, которые, повидимому, вскорѣ будутъ дополнены еще трудомъ подъ

---

[1]) G. De-Greef: L'Oeuvre d'Eugène de Roberty, въ Mercure de France, май 1904 г.

заглавіемъ: Нравственность, искусство и человѣческое поведеніе.

Въ настоящее время философъ даетъ намъ въ полномъ ея объемѣ ту соціологическую концепцію, главныя черты которой онъ намѣтилъ уже въ Соціальномъ психизмѣ; тѣмъ не менѣе, его научная осторожность такъ велика, что онъ предлагаетъ намъ свою систему скорѣе какъ простую программу, имѣющую цѣлью урегулировать будущія изслѣдованія, чѣмъ какъ окончательно сложившуюся доктрину.

Задача, которую ставитъ себѣ нашъ знаменитый товарищъ, состоитъ въ томъ, чтобы поднять эмпирическое познаніе соціальныхъ фактовъ на высоту точной теоріи и такимъ путемъ измѣнить въ корнѣ, раціонализировать различныя технологіи, непосредственно управляющія практическою дѣятельностью человѣка, его поведеніемъ. Всемірная исторія расъ, народовъ и государствъ представляется ему огромнымъ соціологическимъ опытомъ. Но почему послѣдній принесъ такъ мало пользы людямъ? Не потому ли, что между этимъ опытомъ, съ одной стороны, и направленіемъ, намѣренно придаваемымъ общественнымъ дѣламъ,—съ другой, никогда не было тѣсной связи, единства и согласованности? И вотъ, наконецъ, почувствовалась потребность заполнить пробѣлъ, создать спеціальную науку объ обществѣ. Къ несчастію, несмотря на свои частичные успѣхи, соціологія, отожествляя общественныя явленія либо съ ихъ органическими корнями, либо съ ихъ психологическимъ расцвѣтомъ, не могла выйти изъ области болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ. Явилась острая нужда въ пересмотрѣ вопроса.

Авторъ преслѣдуетъ троякую цѣль: построить основную гипотезу, которая, по его мнѣнію, всего лучше объяснила бы внутреннюю природу соціальнаго явленія; указать на методъ, наиболѣе пригодный для изученія фактовъ этого порядка; и, наконецъ, вывести общій законъ, управляющій всѣмъ ходомъ ихъ развитія.

«Надорганическое» явленіе есть результатъ жизненной дифференціаціи, захватывающей лишь ограниченную часть обширной области жизни и совершающейся въ однихъ случаяхъ инстинктивно, но крайне устойчиво, какъ у животныхъ вообще, а въ другихъ—только въ слабой степени инстинктивно, а преимущественно уже сознательно, какъ въ человѣческомъ родѣ.

Жизненная дифференціація противополагаетъ біологическое *я* подобному ему *другому*. Отсюда постоянное взаимодѣйствіе и разнообразныя отношенія между обоими терминами. Это взаимодѣйствіе стремится ярко преобразовать различные ряды сталкивающихся другъ съ другомъ сознаній; и въ результатѣ взаимнаго проникновенія, сочетанія и ассоціаціи сознаній, возникаетъ коллективная психологія. Біологическая множественность мало-по-малу стушевывается, уступая мѣсто все болѣе и болѣе тѣсному и связному соціальному единству: образуется коллективная психика, изъ глубокихъ нѣдръ которой выходитъ, пробивается на свѣтъ «соціальная особь», «моральная личность», микрокосмъ вселенной.

Итакъ, надорганическое явленіе слѣдуетъ за явленіемъ біологическимъ; но оно предшествуетъ явленію психологическому. Послѣднее возможно только

въ соціальной средѣ, т.-е. уже всегда послѣ взаимнаго проникновенія другъ въ друга и взаимнаго оплодотворенія другъ другомъ различныхъ сознаній. Конечно, настанетъ, быть-можетъ, день, когда соціальное явленіе сведется безъ остатка къ своимъ органическимъ корнямъ; но раньше того органическая жизнь сама будетъ сведена къ химическимъ элементамъ, а эти послѣдніе—къ еще болѣе простой формѣ міровой энергіи. До наступленія этой поры соціологія должна стать автономной, подобно другимъ наукамъ; ибо она является самобытнымъ превращеніемъ или переходомъ органической множественности (родъ, племя) въ болѣе высокое единство (община, городъ, государство и т. д.), совершающимся одновременно и параллельно съ другимъ переходомъ или превращеніемъ, органическаго единства (эгоизмъ, паразитизмъ) въ соціальную множественность (альтруизмъ, кооперація, солидарность).

Изъ этихъ предпосылокъ авторъ выводитъ заключеніе, что такъ называемая «нравственность» составляетъ глубокую основу соціологіи; де-Роберти такимъ образомъ расходится какъ съ органической школой, такъ и съ школой психологической. Послѣдняя хотя и охотно признаетъ фактъ психологическаго взаимодѣйствія, но не допускаетъ реальности новаго вида всеобщаго бытія, — міра общественнаго; въ ея глазахъ соціальное есть только одна изъ сторонъ духовнаго, соціологія есть лишь одна изъ главъ психологіи. Но соціальное явленіе уже потому не составляетъ простого слѣдствія явленія психологическаго, что оно всегда обусловливаетъ послѣднее и даетъ ему возможность достигнуть высокой ступени развитія. Причина соціальнаго

явленія можетъ заключаться лишь въ немъ самомъ, и ее нельзя назвать иначе, какъ общественностью (socialité).

«Общественность» должна изучаться сначала на массѣ фактовъ и процессовъ психическихъ, а затѣмъ на массѣ фактовъ и процессовъ историческихъ, въ которыхъ выражается духовная жизнь прошедшихъ или современныхъ поколѣній. Первый видъ изслѣдованія обнимаетъ начальныя стадіи общественности, то психофизическое взаимодѣйствіе, которымъ надорганическое явленіе отличается отъ органическаго; второй обнимаетъ факты научные, факты религіозные или философскіе, наконецъ, факты практическіе, какъ техническіе, такъ и экономическіе, юридическіе и политическіе.

Соціологъ смотритъ на индивидуальныя психическія переживанія, какъ на явленія, тѣсно связанныя съ цѣлями, по отношенію къ которымъ они играютъ роль причинъ или «побужденій»; отсюда и все значеніе ихъ для насъ, какъ факторовъ общественной эволюціи и правилъ или нормъ, регулирующихъ наше поведеніе.

Въ современномъ состояніи соціологіи, первенствующее мѣсто въ ней безспорно принадлежитъ индуктивному методу. Но если вѣрно то, что всякое слѣдствіе необходимо превращается въ побужденіе или «мотивъ», объясняющій слѣдствіе (или въ такъ называемую конечную причину), то индуктивный методъ приходится дополнить другимъ методомъ, которому можно дать названіе телеологическаго или «финалистическаго». Пользуясь послѣднимъ, надо пытаться расположить соціальные факты въ обширный рядъ, гдѣ слѣдствія замѣнили бы собою при-

чины, а позднѣйшія событія стали бы на мѣсто болѣе раннихъ, являясь въ нашихъ глазахъ цѣлями, осуществить которыя мы стремимся, употребляя, въ видѣ средствъ, ихъ дѣйствительныя причины.

Въ этомъ вопросѣ ученіе почтеннаго философа расходится и съ доктриною Огюста Конта и съ основными взглядами психологической школы; и въ результатѣ получается классификація, охватывающая всѣ явленія духовной жизни: науку, философію, искусство, практическое дѣйствіе или поведеніе. Всѣ соціальныя переживанія сводятся къ этимъ четыремъ факторамъ, играющимъ одновременно роль и конечныхъ причинъ (или мотивовъ), и слѣдствій этихъ переживаній. «Цѣлеисходный» методъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ значеніе вспомогательнаго пріема, строго подчиненнаго методу индуктивному; это какъ бы «замаскированная индукція», оборачивающая порядокъ, въ которомъ явленія слѣдуютъ другъ за другомъ, съ намѣреніемъ облегчить ихъ истолкованіе; это какъ бы исторія навыворотъ, въ которой мы отъ современныхъ послѣдствій прошлыхъ событій постепенно восходимъ къ этимъ событіямъ, разсматриваемымъ какъ нѣчто, уже данное въ ихъ собственныхъ результатахъ, ставшихъ цѣлью нашихъ усилій.

Какъ же выразится, при такихъ условіяхъ, наиболѣе общій законъ общественной эволюціи? Сочетаніе методовъ индуктивнаго и «цѣлеисходнаго» позволяетъ довольно точно установить его. Практическая дѣятельность, искусство, философія, наука—вотъ субъективный или раціональный рядъ; а перестроенный въ обратномъ порядкѣ, онъ превращается въ рядъ объективный или естествен-

ный. Философскія воззрѣнія опредѣляются частными или спеціальными понятіями, составляющими предметъ научнаго знанія, искусство—общими идеями и вѣрованіями, а поведеніе, практическая дѣятельность—и тѣми и другими.

Морализація или соціализація органической особи общественною группою и продолженіе этого культурнаго дѣла въ формѣ одновременно индувидуальной и коллективной,—вотъ двѣ тѣсно связанныя фазы соціальной эволюціи въ самомъ широкомъ значеніи слова. Эти двѣ фазы не оторваны другъ отъ друга, а примыкаютъ въ неизмѣнномъ порядкѣ одна къ другой, повинуясь закону строгаго соотношенія, являющемуся «наиболѣе общимъ закономъ развитія, какой только въ состояніи открыть современная соціологія».

Такъ, можетъ статься, и долженъ формулироваться великій законъ, о которомъ мечталъ когда-то Джонъ Стюартъ Милль,—законъ, преслѣдующій разрѣшеніе основной задачи исторіи, стремящійся объяснить почему и какъ одно соціальное состояніе порождаетъ другое, за нимъ слѣдующее и его смѣняющее. Лично я склоненъ думать, что отвѣтъ на вопросъ—какъ? уже заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ на вопросъ—почему? Но съ этой оговоркой становится понятнымъ, почему де-Роберти видитъ въ практическомъ дѣйствіи, трудѣ и поведеніи конечную цѣль всякой соціальной энергіи, и въ какомъ смыслѣ онъ ихъ подчиняетъ искусству, наукѣ и философіи.

Знаніе, философія, искусство и дѣйствіе суть четыре различныхъ формы мысли, развивающейся въ соціальной средѣ. Эти формы слѣдуютъ другъ за

другомъ въ строгомъ причинномъ порядкѣ; но то же самое справедливо и по отношенію къ обратному, телеологическому ряду. Въ причинномъ порядкѣ анализъ предшествуетъ синтезу и порождаетъ его; въ «цѣлеисходномъ» же порядкѣ первенствуетъ синтезъ, всегда подчиняя средство цѣли. Но въ силу естественной склонности нашей придавать огромное значеніе цѣли, мы легко поддаемся искушенію видѣть въ практической эволюціи обществъ постоянную исходную точку ихъ умозрительной эволюціи; и мы, наоборотъ, закрываемъ глаза на то, что истинными собирателями (аккумуляторами) соціальной энергіи, которая впослѣдствіи расходуется во внѣшней дѣятельности, являются искусство, философія и наука. Знаніе есть первое проявленіе мысли, ставшей общественною; а всякое знаніе есть одновременно «интеріоризація» мыслимаго объекта и «экстеріоризація» мыслящаго субъекта.

Изъ аналитической общественная мысль превращается въ синтетическую: это мы видимъ на примѣрѣ религій и философій. Всѣ онѣ, не исключая и позитивной философіи, необходимо выходятъ за предѣлы знанія; всѣ онѣ придаютъ своимъ утвержденіямъ логическую достовѣрность, превышающую фактическую достовѣрность выводовъ спеціальнаго изслѣдованія. Авторъ подвергаетъ съ этой точки зрѣнія строгой критикѣ законъ трехъ состояній Конта. Законъ этотъ неправильно приписываетъ философіи роль основоначальнаго двигателя, которую она играетъ только по отношенію къ искусству и къ практической дѣятельности. Спеціальное знаніе участвуетъ въ построеніи философскихъ положеній и гипотезъ, кажущихся болѣе широкими,

чѣмъ само знаніе; философія же никогда не опредѣляетъ эволюціи науки и не руководитъ ею.

Искусство, напротивъ того, имѣетъ двойственный источникъ: философію и науку. Такъ называемая идеальная красота есть истина высшаго разбора, извлеченная изъ конкретнаго міра путемъ сочетанія такихъ чертъ и признаковъ, которые могутъ возбудить въ насъ бодрую «радость жизни». Но правда искусства не аналитическая и гипотетическая, какъ правда ученаго, и не синтетическая и логически неотразимая, какъ правда философа; это—правда конкретная и символическая. Символъ уже есть всеобщій языкъ, дѣлающій произведеніе искусства доступнымъ всѣмъ и каждому. Безобразіе составляетъ только низшую ступень красоты; нѣтъ абсолютнаго безобразія, какъ нѣтъ абсолютнаго зла. Искусство есть соединительное звено, неизмѣнно связывающее науку и философію съ практическою жизнью и дѣятельностью.

Здѣсь де-Роберти указываетъ на произвольный характеръ большинства эстетическихъ классификацій. Глубокой правдой и оригинальностью мысли дышитъ та глава, въ которой онъ доказываетъ, что въ человѣческихъ обществахъ любовь и дружба суть, въ дѣйствительности, лишь формы искусства, неправильно опускавшіяся до сихъ поръ въ номенклатурѣ его главныхъ отраслей. Любовь есть видъ искусства, наиболѣе распространенный и наиболѣе вліятельный, въ общественномъ смыслѣ, между всѣми другими. Она слагается изъ двухъ сходящихся пріемовъ эстетической мысли, изъ синкретизма, надѣляющаго въ усиленной степени любимый предметъ всѣми привлекательными свойствами, разсѣянными въ окружающей дѣйствительности, и

изъ символизма, превращающаго влюбленную мысль въ понятный для всѣхъ и каждаго языкъ. Любовь есть сама одинъ изъ величайшихъ возбудителей дѣйствія. «Любовь, дружба и искусство представляютъ собою то, что есть въ насъ дѣйствительно человѣческаго, что возвышаетъ насъ надъ остальной природой!»

Практическая мысль разсматриваетъ каждый предметъ исключительно съ точки зрѣнія его назначенія. Для нея наука, философія, искусство только «руль и вѣтрило великаго корабля», цѣлесообразнаго поведенія, имѣющаго своимъ объектомъ или содержаніемъ человѣческій трудъ. Дѣйствіе есть послѣднее воплощеніе идеи. Но не возвращаетъ ли насъ дѣйствіе снова къ идеѣ, не становится ли оно, въ свою очередь, источникомъ идеи? По мнѣнію де-Роберти, утверждать это—значитъ смѣшивать телеологическую перестановку, оборотъ мысли, дѣлающій изъ цѣли причину поступка, съ ходомъ разсужденія, идущимъ отъ причины къ слѣдствію. На самомъ дѣлѣ, однако, не вращаемся ли мы въ кругѣ, въ которомъ происходитъ постоянный переходъ причины въ слѣдствіе и слѣдствія въ причину? И сама телеологическая перестановка де-Роберти имѣетъ ли иной смыслъ?

Чѣмъ становится, въ этомъ строго опредѣленномъ порядкѣ вещей, такъ называемая свобода? Деспотизмъ и свобода — родные братъ и сестра. Всякая реакція взываетъ къ свободѣ, ссылается на нее въ свое оправданіе. И обратно, избытокъ освободительныхъ силъ выливается въ поступки и факты грубаго угнетенія. Деспотизмъ и свобода имѣютъ одинъ общій источникъ: ту сумму, тотъ итогъ знаній, ко-

торымъ люди обладаютъ (или не обладаютъ) въ данную историческую эпоху. Деспотизмъ кажется намъ тяжелымъ ярмомъ только тамъ, гдѣ его обогнало знаніе. Въ завязывающейся борьбѣ побѣждаетъ всегда знаніе высшее, при чемъ, однако, и оно спѣшитъ установить новый гнетъ, который, въ свою очередь, долженъ быть свергнутъ. Сегодняшній освободитель почти всегда становится деспотомъ завтрашняго дня. Но уменьшеніе гнета происходитъ непрерывно, и не менѣе постоянно накопляется и «скрытая свобода».

Когда еще слабая наука уже сознаетъ свой эмпиризмъ (какъ это и имѣетъ мѣсто въ нынѣшней соціальной наукѣ), она обнаруживаетъ большую терпимость. Но теоретически, знаніе и терпимость — понятія, широко расходящіяся. Знаніе повелительно побуждаетъ насъ къ дѣйствію въ указываемомъ имъ направленіи.

Послѣ справедливой критики взглядовъ Конта на отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, и вслѣдъ за критикою теоріи Непознаваемаго, т.-е. агностицизма и болѣзненнаго на немъ нароста, извѣстнаго подъ именемъ пессимизма, авторъ резюмируетъ основные тезисы своего ученія и вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Доктрина его сводится къ своеобразному истолкованію перехода отъ жизни къ общественности,—перехода, совершающагося путемъ превращенія индивидуальнаго опыта въ опытъ коллективный, все болѣе и болѣе распространяющійся и усиливающійся, побѣждающій одинаково и пространство и время. «Традиція» въ этомъ смыслѣ представляется автору болѣе существеннымъ моментомъ, чѣмъ «подражаніе». Общественность выте-

кается изъ коллективнаго опыта и совпадаетъ съ нимъ, благодаря чему міръ становится нашимъ представленіемъ о мірѣ. Общая идея есть необходимый продуктъ и конечное преобразованіе міра, есть, такъ сказать, его послѣднее сосредоточеніе въ самомъ себѣ. Въ этихъ взглядахъ, безъ сомнѣнія, можно усмотрѣть черты сходства съ «преобразованнымъ реализмомъ» Спенсера; но ученіе де-Роберти подымаетъ реализмъ его предшественника со степени біо-индивидуальнаго переживанія на высоту коллективнаго (или лично-общественнаго) опыта, чѣмъ въ значительной мѣрѣ увеличивается достовѣрность соотвѣтствующаго философскаго построенія.

Если не считать немногихъ частныхъ замѣчаній, я здѣсь хотѣлъ лишь указать, насколько это возможно въ короткой статьѣ, на соціологическія воззрѣнія одного изъ наиболѣе глубокихъ и сосредоточенныхъ умовъ нашего времени, философа, имя котораго принадлежитъ человѣчеству, какъ принадлежитъ ему и вся его трудолюбивая жизнь, посвященная отысканію истины. Философскія и соціологическія работы Е. де-Роберти имѣютъ значеніе не столько для его русскаго отечества, которому онъ служитъ уже тѣмъ, что связываетъ его молодую культуру съ западной цивилизаціей, сколько для великой «международности» обществъ, на которыя простирается власть соціологіи, однимъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе почтенныхъ представителей которой онъ является.

Гильомъ Де-Греефъ.

Ректоръ Новаго Брюссельскаго университета.

Библиотека Академии наук СССР

Соціологія Є. де-Роберти [1]).

Когда дѣло идетъ о такой молодой и трудной наукѣ, какъ отвлеченная соціологія, нельзя не признать полезнымъ, чтобы посвятившіе ей свои силы мыслители, не прерывая обычнаго хода своихъ изслѣдованій, представляли намъ время отъ времени общій итогъ своего личнаго вклада въ науку, своей личной мысли. Это и дѣлаетъ проф. де-Роберти въ недавно вышедшей книгѣ, озаглавленной: Новая Программа Соціологіи, очеркъ общаго введенія въ изученіе наукъ о надорганическомъ мірѣ.

Трудясь надъ этими вопросами болѣе четверти вѣка, авторъ, опиравшійся сначала на позитивизмъ Конта и Литтре, мало-по-малу выработалъ своеобразныя воззрѣнія и въ такой степени подвинулъ только что народившуюся науку, что по справедливости долженъ считаться однимъ изъ ея основателей.

I.

Что такое, прежде всего, надорганическое явленіе, и какое мѣсто оно занимаетъ въ природѣ? Это — взаимодѣйствіе между мною и другимъ (ego и

---

1) Hervé Blondel: M. de Roberty et la Sociologie, въ Revue internationale de Sociologie. Апрѣль 1904 г.

alter), сперва психофизическое, а затѣмъ психологическое. Первое, за предѣлы котораго не выходятъ животныя общества, лежитъ въ области біологіи и является ея вѣнцомъ; второе, напротивъ, есть quid proprium соціологіи. Это еще не сведенное къ простѣйшимъ элементамъ свойство вещей, или, если угодно, послѣдній основной видъ космической энергіи.

«Настанетъ, можетъ-быть, день,—пишетъ проф. де-Роберти,—когда надорганическія явленія будутъ всецѣло сведены къ ихъ непосредственному источнику,—явленіямъ жизни органической. Но день этотъ еще не близокъ, и прежде чѣмъ онъ наступитъ, рухнетъ не мало другихъ преградъ, исчезнетъ не мало другихъ междунаучныхъ перегородокъ. Великій законъ эволюціи, вытекающій изъ установленной Контомъ классификаціи наукъ, вѣрное намъ въ томъ ручательство. Прежде чѣмъ общественность потонетъ въ жизни, концептъ жизни уже уступитъ мѣсто соотвѣтствующему химическому понятію; и раньше, чѣмъ станетъ излишнимъ самое слово «жизнь», химическія свойства матеріи уже окончательно сольются съ физической міровой энергіей».

Какъ бы то ни было, но «если надорганическое явленіе и слѣдуетъ за біологическимъ фактомъ, оно всегда предшествуетъ факту психологическому»; такъ что только изъ глубины соборной или коллективной души можетъ выйти и выдѣлиться «общественная особь», или нравственная личность. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и состоитъ біо-соціальная теорія, установленная авторомъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ подъ слишкомъ скромнымъ, на мой

взглядъ, названіемъ біо-соціальной гипотезы. Съ точки зрѣнія соціологической, эта теорія имѣетъ значеніе наиболѣе крупнаго успѣха, достигнутаго наукою съ той поры какъ Огюстъ Контъ заложилъ ея первыя основы. Она придаетъ этой отрасли знанія свойственный всѣмъ теоретическимъ наукамъ отвлеченный характеръ, она ставитъ ее на надлежащее мѣсто въ научной іерархіи, вслѣдъ за старшими дисциплинами, науками явленій органическаго и неорганическаго міра, съ которыми она ее тѣсно связываетъ, сохраняя за ней въ то же время должную независимость. Психологія же, напротивъ того, становится съ этой минуты конкретною наукою, заимствующей свою основу у біологіи и черпающей всѣ исходныя точки своего дальнѣйшаго развитія именно въ такой абстрактной соціологіи.

Своими взглядами на взаимныя отношенія соціологіи и психологіи проф. де-Роберти сталъ во главѣ школы, рѣзко отличающейся отъ научныхъ направленій, которыя продолжаютъ либо вовсе не дифференцировать надорганическое отъ органическаго, либо связывать развитіе соціологіи съ судьбами индивидуальной психологіи. Всѣ, кто думаетъ, что разработка и успѣхи конкретныхъ отраслей знанія строго подчинены разработкѣ и успѣхамъ наукъ абстрактныхъ, легко оцѣнятъ глубокое значеніе этого идейнаго переворота.

Дедуктивный методъ, играющій главную роль въ конкретныхъ наукахъ и оказывающій значительныя услуги и въ наукахъ абстрактныхъ, уже въ достаточной мѣрѣ обоснованныхъ,—дедуктивный методъ, напротивъ,— и это вполнѣ очевидно—почти не находитъ примѣненія, на первыхъ порахъ, въ соціо-

логіи. Но здѣсь индуктивный методъ, такъ сказать, раздвояется, присоединяя къ своимъ обычнымъ пріемамъ извѣстнаго рода обратный ходъ, не имѣющій ничего общаго съ дедукціей, ибо онъ продолжаетъ итти отъ частнаго къ общему; и вотъ этому-то виду индукціи проф. де-Роберти и даетъ названіе метода телеологическаго или ц ѣ л е и с х о д н а г о.

Но не пугайтесь этого прилагательнаго! Оно не возвращаетъ насъ ни къ какой провиденціальной телеологіи. Проф. де-Роберти хочетъ только напомнить намъ, что «ц ѣ л ь есть стимулъ, заставляющій насъ мыслить, чувствовать, дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, и что индукціи соціолога могутъ, въ свою очередь, быть располагаемы въ обширные ряды, въ которыхъ слѣдствія занимаютъ мѣсто своихъ причинъ»; а это въ мірѣ органическихъ и неорганическихъ явленій — случай рѣдкій и совершенно исключительный.

Если я вѣрно понялъ мысль автора, телеологическій методъ, предлагаемый имъ для соціологіи, есть прямой результатъ одного плодотворнаго замѣчанія Огюста Конта, согласно которому естественныя явленія тѣмъ болѣе способны измѣняться подъ вліяніемъ человѣческаго вмѣшательства (все равно, будемъ ли мы считать его свободнымъ, или строго детерминированнымъ), чѣмъ выше они стоятъ въ іерархіи наукъ, т.-е. чѣмъ они болѣе спеціальны. Эта измѣняемость и это вмѣшательство, напримѣръ, являются равными нулю въ астрономіи. И мы, напротивъ того, легко представляемъ себѣ, что въ соціальномъ явленіи, именно потому, что оно способно измѣняться болѣе другихъ, мы изъ цѣли, которую желаемъ достигнуть, можемъ сдѣлать и по-

будительный мотивъ нашего поступка, нисколько не нарушая тѣмъ правильной связи между этимъ послѣднимъ и всѣми предшествующими ему событіями.

II.

Классификація соціальныхъ фактовъ, предложенная проф. де-Роберти, пользуется въ настоящее время большой извѣстностью и принимается почти безъ возраженій: 1) наука (аналитическое знаніе, заключающее въ себѣ, впрочемъ, и частные синтезы); 2) философія или религія (всегда общій синтезъ); 3) искусство (эстетическія чувства и эмоціи); 4) наконецъ, дѣйствіе и поведеніе. Авторъ тутъ же и весьма справедливо указываетъ на то, что, каково бы ни было въ другихъ случаяхъ значеніе чистопричинной связи, дѣйствіе, практика есть всегда телеологія. Но отсюда слѣдуетъ, что первая или наиболѣе ранняя классификація, къ которой прибѣгаетъ нашъ умъ, неизмѣнно основана на телеологическомъ сужденіи; ибо хотя дѣйствіе никогда не предшествуетъ знанію, а наоборотъ, лишь выполняетъ его приказы, но само знаніе выдвигаетъ въ своихъ первоначальныхъ изслѣдованіяхъ, прежде всего, практическую или утилитарную точку зрѣнія; и этимъ объясняется глубоко эмпирическій характеръ всякаго начинающаго знанія. Только болѣе совершенное и болѣе вдумчивое наблюденіе позволяетъ подмѣтить, въ указанныхъ выше четырехъ крупныхъ классахъ общественныхъ фактовъ, строго причинный порядокъ ихъ послѣдовательности.

Въ предложенномъ соціологическомъ ряду «законъ тѣснаго соотношенія объясняетъ состояніе или ха-

рактеръ философіи состояніемъ или характеромъ науки, состояніе или характеръ искусства — состояніемъ или характеромъ общихъ вѣрованій и убѣжденій, а состояніе или характеръ человѣческой дѣятельности и поведенія въ его цѣломъ — состояніемъ или характеромъ трехъ предшествовавшихъ факторовъ и ихъ многочисленными взаимными реакціями». Говоря другими словами, общественная мысль слѣдуетъ сперва аналитическому и гипотетическому методу, который предшествуетъ и даетъ начало методу синтетическому и аподиктическому, который, въ свою очередь, служитъ источникомъ метода синкретическаго и символическаго; всѣ же три способа мышленія опредѣляютъ собою методъ практическій и телеологическій.

Линіи, разграничивающія другъ отъ друга эти четыре группы фактовъ, проводятся обыкновенно весьма неясно и неточно; авторъ старательно намѣчаетъ и опредѣляетъ ихъ, изучая отдѣльно каждый изъ четырехъ основныхъ видовъ мысли, соотвѣтствующихъ этимъ группамъ.

Аналитическій ходъ мысли состоитъ въ разложеніи — раціональномъ или только эмпирическомъ, но всегда выполняемомъ подъ руководствомъ опыта — конкретной и смѣшанной дѣйствительности на ея отдѣльные абстрактные элементы. Всякое знаніе приводитъ такимъ образомъ къ установленію между изучаемыми фактами идеальной, надорганической связи. Таково наиболѣе раннее проявленіе мысли, ставшей общественною.

Философскій ходъ мысли глубоко отличается отъ предыдущаго. Философъ пользуется уже собранными матеріалами, въ видѣ наиболѣе общихъ идей данной

среды или эпохи, чтобы съ помощью ихъ построить конечный синтезъ міра, вѣрный или ложный, реальный или призрачный; творчество философа является всегда одновременно и *между* и *мета*-научнымъ. Въ противоположность ученому, замыкающемуся въ одну какую-нибудь науку, или изучающему послѣдовательно, одна за другою, нѣсколько отраслей знанія, философъ постоянно имѣетъ дѣло со всею ихъ совокупностью.

И замѣтимъ себѣ хорошенько: творчество и мышленіе философа или религіознаго законодателя всегда аподиктичны, они никогда не бываютъ гипотетичны. Когда мы, люди новѣйшей эпохи, называемъ гипотезами, и даже гипотезами, не могущими быть провѣренными, религіозныя воззрѣнія нашихъ далекихъ предковъ, мы упускаемъ изъ виду, что въ періодъ своего расцвѣта эти взгляды, кажущіеся въ настоящее время нелѣпыми или смѣшными, были логически строго обоснованы; я хочу сказать, что они являлись необходимымъ результатомъ аналитической мысли своей эпохи. Они тогда, слѣдовательно, не только не были пустыми гипотезами, а были тою идеальною реальностью, тѣмъ *приближеніемъ къ истинѣ*, которое характеризуетъ каждый историческій періодъ. Но вмѣстѣ съ постепеннымъ ростомъ спеціальнаго знанія, религіозныя и метафизическія системы переходили отъ аподиктическаго величія къ скептическому упадку; и прежняя достовѣрность ихъ, наконецъ, превратилась въ простую вѣроятность. Такъ возникло и образовалось то, что мы теперь называемъ *вѣрою*.

Этотъ анализъ, сжато переданный мною въ немногихъ строкахъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ во всей книгѣ. Онъ вытекаетъ изъ замѣчательнаго закона соотношенія между науками и философіей, уже давно установленнаго де-Роберти и противополагаемаго имъ обыкновенно закону трехъ состояній Огюста Конта.

Я, съ своей стороны, думаю, что эти два закона не сталкиваются между собою и не исключаютъ, а лишь взаимно дополняютъ другъ друга.

Дѣйствительно, въ законѣ Конта надо видѣть прежде всего яркое изображеніе борьбы между двумя методами — апріорнымъ и апостеріорнымъ, — изъ которыхъ лишь второй можетъ въ наше время (когда понятіе объ естественномъ законѣ уже достаточно выяснилось) сохранять названіе научнаго. Такимъ образомъ, придавая философіи теологическій или научный характеръ, смотря по тому, являлось ли знаніе еще апріорнымъ или оно было уже апостеріорнымъ, законъ Конта не противорѣчитъ закону соотношенія между науками и философіей. При этомъ, однако, никогда не слѣдуетъ забывать, что и въ первомъ случаѣ философія (теологія) должна была казаться современникамъ не менѣе научной, чѣмъ во второмъ. Но не вытекаетъ ли отсюда выводъ, что въ анализѣ нашихъ разсудочныхъ способностей законъ Конта опредѣляетъ динамическую сторону явленія, тогда какъ законъ де-Роберти будетъ вѣчно управлять его статической стороной?

Переходя къ синкретическому и символическому ходу мысли, авторъ показываетъ намъ, какимъ образомъ художникъ, находясь, сознательно или без-

сознательно, подъ вліяніемъ среды, созданной для него анализами ученаго, и въ особенности широкими философскими или религіозными синтезами, истинными или лживыми,— какимъ образомъ художникъ «отмѣчаетъ, принимаетъ, усвояетъ себѣ нѣкоторыя реальныя черты, которыя, имѣя въ его глазахъ болѣе существенное и болѣе глубокое значеніе, чѣмъ другія, могутъ, сверхъ того, быть сопоставлены или соединены такъ, чтобы пробудить въ насъ пріятное чувство, особую эмоцію, радость дѣйствія»; и какимъ образомъ, для достиженія этой цѣли, художникъ пользуется символами, образами или фигурами, играющими, по отношенію къ новымъ, сформированнымъ имъ агрегатамъ, роль «изобразительныхъ» знаковъ. Полный успѣхъ онъ имѣетъ лишь тогда, когда создалъ типъ красоты или безобразія; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, нельзя абсолютно противополагать понятіе безобразія понятію красоты, какъ нельзя видѣть въ идеѣ зла абсолютное отрицаніе идеи добра.

Особая глава въ книгѣ заполняетъ важный пробѣлъ въ номенклатурѣ искусствъ: рѣчь идетъ о любви, «этой формѣ искусства, наиболѣе распространенной и наиболѣе вліятельной, въ общественномъ смыслѣ, изъ существующихъ на свѣтѣ,—формѣ, которая, быть-можетъ, таитъ въ себѣ начало и является прототипомъ всѣхъ остальныхъ». Она должна поэтому занять видное мѣсто въ іерархіи искусствъ; и новую теорію автора слѣдуетъ такъ же тщательно разработать, какъ была разработана въ свое время извѣстная теорія, усматривающая въ игрѣ происхожденіе и первый зачатокъ различныхъ видовъ

искусства. Любовь есть прежде всего дѣло воображенія, символизма; когда она сильно возбуждена, она создаетъ типъ: въ любимомъ лицѣ она воплощаетъ лучшую часть природы.

Мы дошли теперь до момента, когда соціальная мысль выходитъ изъ спекулятивной стадіи, чтобы вступить въ активную фазу, въ которой всякій предметъ и всякое явленіе разсматриваются, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія телеологической. Авторъ справедливо различаетъ здѣсь между дѣйствіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и опытомъ, въ зависимости отъ того, стремится ли дѣйствіе прямо къ цѣли, пользуясь уже найденными и подходящими средствами, или же только отыскиваетъ эти послѣднія. Тутъ авторъ высказываетъ весьма оригинальные взгляды на свободу, понимаемую уже не метафизически, а соціологически.

«Если разсматривать внутреннюю природу общественныхъ фактовъ и процессовъ, то свободный поступокъ, говоритъ проф. де-Роберти, есть актъ принудительный, актъ силы или власти, деспотически проявляемой отдѣльною личностью или соборностью, общественною группою, по отношенію либо къ внѣшней природѣ, либо къ другимъ личностямъ, либо къ собраніямъ или группамъ такихъ личностей, либо, наконецъ, по отношенію къ самому себѣ». Въ самомъ дѣлѣ, свобода и деспотизмъ суть политическія формы знанія и невѣжества. Никакая политическая комбинація не можетъ помѣшать тому, чтобы во всякую эпоху извѣстная форма свободы не показалась деспотическою людямъ, обладающимъ большею умственною силою, большею надорганическою мощью или властью. Ибо

«мы свободны по отношенію къ живымъ существамъ и окружающимъ насъ предметамъ лишь постольку, поскольку намъ удалось уже изучить ихъ истинную связь между собою и съ нами, и тѣ неизмѣнные законы, которые ими управляютъ». И авторъ приходитъ не только къ различенію, но и къ противопоставленію другъ другу (способъ, какимъ онъ это дѣлаетъ, можетъ, на первый взглядъ, показаться нѣсколько произвольнымъ, но вскорѣ онъ завоевываетъ согласіе) двухъ слишкомъ часто смѣшиваемыхъ между собою началъ: начала терпимости и начала свободы.

Въ сомкнутой цѣпи четырехъ главныхъ разрядовъ общественныхъ фактовъ каждый послѣдующій разрядъ обнаруживаетъ стремленіе отставать отъ предыдущаго, выражая его лишь въ довольно несовершенной степени; проф. де-Роберти даетъ этому обычному «запаздыванію» (очевидно, по аналогіи съ извѣстнымъ астрономическимъ явленіемъ) названіе закона прецессіи или «возвратнаго движенія».

Я и самъ уже имѣлъ случай отмѣтить въ другомъ мѣстѣ, насколько наше промышленное развитіе, напримѣръ, опережаетъ развитіе практической морали, что и является въ современномъ обществѣ одной изъ самыхъ важныхъ причинъ ослабляющей его анархіи.

III.

«Одна вещь кажется несомнѣнною въ настоящее время: полный, безповоротный разрывъ, происшедшій мало-по-малу между нравственнымъ знаніемъ — этимъ ядромъ наукъ о надорганическомъ мірѣ, этой

элементарной соціологіей — и всѣми формами философіи». Освободившись отъ старыхъ догматовъ, тяготѣвшихъ надъ нею слишкомъ долго, нарождающаяся наука намѣрена сдѣлаться одною изъ точекъ отправленія философской мысли; и для того, чтобы лучше отмѣтить, подчеркнуть это справедливое притязаніе, она устраняетъ одно за другимъ послѣднія метафизическія препятствія, преграждавшія ей дорогу въ будущее.

«Такъ какъ познаніе есть явленіе конкретнаго порядка, то его теорія не могла претендовать на то, чтобы опередить обоснованіе біологіи и соціологіи». И потому насъ ни мало не должно удивлять, что всѣ гносеологіи, не исключая и отбросившихъ прежнія грубыя заблужденія, остаются еще слишкомъ подчиненными біологическому элементу ощущенія и теряютъ изъ виду свой не менѣе императивный соціологическій корень.

Я касаюсь здѣсь третьей значительной теоріи въ высокой области отвлеченія (первою была біосоціальная теорія, а второю — законъ соотношенія между науками и философіей), которая ставитъ проф. де-Роберти на первое или самое выдающееся мѣсто среди соціологовъ, отправляющихся, признаются ли они въ этомъ или нѣтъ, отъ мысли Огюста Конта.

Съ законнымъ чувствомъ гордости можетъ де-Роберти вспоминать свою долгую борьбу противъ агностицизма во всѣхъ его проявленіяхъ и особенно въ той полунаучной формѣ, которая, къ несчастью, была освящена знаменитымъ именемъ Ог. Конта. Прошло лишь пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появилась его книга о Непознаваемомъ,

и уже агностицизмъ не пользуется, какъ въ недавнее время, единогласнымъ признаніемъ почти всѣхъ научно-образованныхъ умовъ. Переставъ быть безспорнымъ догматомъ, Непознаваемое превратилось въ простой объектъ вѣры для людей, на которыхъ оно еще производитъ смутное впечатлѣніе, и которые, какъ нѣкогда святой Августинъ, уже приносятъ откровенное сознаніе: Credo quia absurdum!

Любопытная вещь: Литтре боролся противъ Спенсерова «Непостижимаго», говоря, что, если бы вселенная была его выраженіемъ, то оно уже не заслуживало бы имени непознаваемаго; и, тѣмъ не менѣе, Литтре, вслѣдъ за Контомъ, никогда не могъ изгнать изъ своей мысли этотъ послѣдній теологическій пережитокъ. Проф. де-Роберти принадлежитъ честь «сведенія непознаваемаго къ неизвѣстному, а черезъ его посредство къ познаваемому; сведенія всякой трансцендентности къ опыту, всякаго божества или сущности — къ понятію міра, всеобщаго бытія».

И авторъ, давшій передъ тѣмъ такой интересный комментарій къ незаконченному еще спору между реализмомъ и номинализмомъ, авторъ прибавляетъ здѣсь: «Вмѣстѣ съ аксіомой непознаваемаго падаютъ нѣкоторыя изъ ея наиболѣе извѣстныхъ послѣдствій: коренное различіе между субъектомъ и объектомъ, между я и не-я,—различіе, значеніе котораго не выходитъ за предѣлы частной науки, изучающей генезисъ такихъ понятій; дуализмъ явленія, т.-е. чувственной реальности, и нумена, или реальности, не подпадающей дѣйствію чувствъ; наконецъ, противоположеніе матеріи и духа, наиболѣе пустое и тщетное изъ всѣхъ, если видѣть въ немъ что-либо

иное, кромѣ логическаго пріема, служащаго къ различенію нѣкоторыхъ болѣе простыхъ естественныхъ аггрегатовъ отъ нѣкоторыхъ другихъ, болѣе сложныхъ».

Я съ сожалѣніемъ заканчиваю этотъ краткій обзоръ, слишкомъ краткій, потому что по поводу такой книги, какъ «Новая Программа Соціологіи», можно было бы написать очень и очень многое. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что сказалъ достаточно для того, чтобы читатели, интересующіеся отвлеченными построеніями, почувствовали желаніе прочесть и изучить трудъ, который представляется мнѣ, какъ настоящій «Discours de la Méthode» двадцатаго вѣка.

Гербе Блонделъ

Проф. Высшей Школы обществ. наукъ въ Парижѣ.

Задачи Соціологіи [1]).

I.

Мм. Гг.

Мысль почтенныхъ научныхъ дѣятелей, составлявшихъ программу новаго учебно-педагогическаго учрежденія, Психо-Неврологическаго Института, мысль положить въ основу изученія сложныхъ явленій человѣческаго духа, на ряду съ науками біологическими, опирающимися на физику и химію и объединяемыми общей біологіей, и науки общественныя, носящія еще названіе «нравственныхъ, юридическихъ и политическихъ» и объединяемыя—увы, пока еще болѣе in spe, чѣмъ realiter, общей соціологіей,—эта мысль одна изъ наиболѣе вѣрныхъ и плодотворныхъ, какая только могла зародиться въ умѣ ученыхъ, стоящихъ на вершинѣ огромной горы современнаго знанія. Мысль эта знаменуетъ собою рѣшительный шагъ впередъ въ медленномъ развитіи, крупное завоеваніе въ обширной области, столь мало еще изслѣдованной, еще темной, неясной и порою таинственной,—въ области науки о духѣ человѣка!

---

[1]) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ открытіи Психо-Неврологическаго Института въ Петербургѣ 3-го февраля 1908 г.

Дѣйствительно, безконечно разнообразный міръ психическихъ фактовъ и процессовъ,—міръ, одновременно и создающій категоріи времени и пространства, и стремящійся побѣдить ихъ; міръ, въ которомъ жизнь хотя и борется постоянно со смертью, но, въ противность тому, что происходитъ въ біологическомъ мірѣ, постоянно одолѣваетъ смерть (явленіе это называется безсмертіемъ идей и носителей ихъ, преемственно слѣдующихъ другъ за другомъ общественныхъ поколѣній),—этотъ богатый и глубокій міръ уже не рисуется уму современнаго ученаго тѣмъ, чѣмъ онъ являлся еще сравнительно недавно въ глазахъ его предшественниковъ. Одинъ край непроницаемой завѣсы приподнятъ! Въ высшихъ проявленіяхъ человѣческаго духа, могущихъ, въ свою очередь, быть обозначенными однимъ общимъ терминомъ: разумъ, мы уже не видимъ, съ одной стороны, какую-то спиритуалистическую «сущность», свалившуюся съ невѣдомаго намъ неба на землю, гдѣ она и занимаетъ отдѣльное отъ всего прочаго мѣсто, а съ другой—только простой результатъ дальнѣйшаго и, такъ сказать, болѣе остраго или утонченнаго развитія біологическихъ, именно психофизическихъ процессовъ. Анализъ нашъ проникаетъ глубже. Онъ разлагаетъ необычайно сложныя явленія и аггрегаты явленій, о которыхъ я говорю, на ихъ составныя части, онъ стремится свести ихъ къ послѣднимъ, уловимымъ нашимъ умомъ и методами нашего знанія элементамъ. И вотъ тутъ-то, отчасти сравнивая пріемы и продукты умственной работы и вообще психической жизни у животныхъ съ пріемами и результатами такой же мозговой работы у дѣтей, у дикарей, у некультурныхъ

людей и, наконецъ, у цивилизованнаго человѣка, а отчасти изучая, съ помощью того же индуктивнаго и всегда сравнительнаго метода, въ малѣйшихъ подробностяхъ, самый ходъ развитія человѣческой культуры, оказывающійся, какъ и все остальное въ природѣ, строго закономѣрнымъ, подчиненнымъ извѣстнымъ общимъ условіямъ и нормамъ,— и вотъ тутъ-то, говорю я, точный научный анализъ приводитъ насъ къ замѣчательному выводу или, если хотите, открытію, еще разъ блистательно подтверждающему старую, ставшую избитою отъ многократнаго повторенія истину: Natura non facit saltus.

Пропасть, отдѣлявшая — еще такъ недавно — психику даже высшихъ животныхъ, не отъ психики человѣка первобытныхъ пещеръ, едва рожденнаго младенца и т. п., а отъ психики той, нынѣ преобладающей человѣческой разновидности, которой зоологи дали прекрасное и мѣткое названіе homo sapiens,—пропасть эта вполнѣ, повидимому, и притомъ безъ всякаго чуда, безъ всякаго вмѣшательства извнѣ природы или сверху ея, а самымъ естественнымъ, наглядным, осязаемымъ образомъ наполняется—чѣмъ же? Да тѣмъ единственнымъ дифференціальнымъ признакомъ, который внимательное наблюденіе и логически работающій умъ усмотрѣли въ тщательно сравнивавшихся величинахъ. Дифференціальный признакъ этотъ — фактъ человѣческаго общежитія, общественность или длинный рядъ сложныхъ явленій и отношеній между явленіями, покрываемыхъ этимъ общимъ терминомъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ терминъ жизнь покрываетъ другой рядъ явленій и ихъ отношеній между собою,

въ какомъ терминъ междумолекулярная, химическая энергія покрываетъ еще особый рядъ явленій и отношеній, въ какомъ, наконецъ, терминъ молекулярная, физическая энергія или движеніе покрываетъ всѣ остальныя явленія и отношенія въ природѣ.

Перечислимъ здѣсь, для большей ясности, нѣкоторыя изъ наиболѣе крупныхъ и выдающихся разрядовъ спеціальныхъ или специфическихъ—послѣднее очень важно — явленій и отношеній, выражаемыхъ или покрываемыхъ терминомъ «общественность». Это, напримѣръ, коллективный, соборный опытъ, противополагаемый опыту біо-индивидуальному; я, замѣтьте, не говорю личному опыту, который можно назвать еще-общественно-индивидуальнымъ и который есть біо-индивидуальный опытъ, дополненный, провѣренный и исправленный опытомъ собирательнымъ. Это еще, напримѣръ, идея, отвлеченное понятіе, обобщеніе, во всемъ, въ чемъ они, будучи обязаны своимъ происхожденіемъ коллективному опыту, разнятся отъ конкретныхъ представленій, образовъ и воспоминаній, наполняющихъ психическій міръ біологической особи. Это еще сложное, начиненное идеологическимъ содержаніемъ и возникающее на почвѣ общественнаго тренія и взаимодѣйствія чувство, въ чемъ оно отличается отъ неразрывно связанной съ нимъ психофизической эмоціи. Это еще разумно, т.-е. въ сущности, соціально-мотивированная и въ этомъ лишь смыслѣ свободная воля, отличная отъ физіологическаго волевого импульса, съ которымъ, въ мірѣ конкретныхъ фактовъ, она, однако, сливается, къ услугамъ котораго она по-

стоянно прибѣгаетъ. Это еще строго-логическое или телеологическое суждение, индукція, дедукція, гипотеза, анализъ, синтезъ, художественная символизація и всѣ другіе методы общественной, т.-е. уже способной къ обобщенію мысли, въ отличіе отъ сужденій и пріемовъ мысли біологической, никогда не приводящей ни къ научнымъ открытіямъ ни къ другимъ пріобрѣтеніямъ высшей культуры. Это еще познаніе и все, что имъ обусловливается и вызывается: міропониманіе, искусство, техника, въ отличіе отъ сознанія, факта исключительно біологическаго, хотя и занимающаго, въ лѣстницѣ или цѣпи психофизическихъ процессовъ, самое крайнее или высшее мѣсто. Это еще свобода и отвѣтственность, т.-е. политическія формы, принимаемыя въ человѣческихъ союзахъ знаніемъ, въ отличіе не отъ деспотизма и безотвѣтственнаго произвола, которые суть политическія же формы, принимаемыя въ тѣхъ же человѣческихъ обществахъ невѣжествомъ или низшими ступенями знанія, а въ отличіе отъ суровой необходимости и полной невмѣняемости, царящихъ въ области и біологіи и наукъ неорганическаго міра. Это еще нравственность—я разумѣю подъ этимъ словомъ общественную квалификацію или оцѣнку поступка, содѣяннаго въ общественной же средѣ,—въ отличіе, не отъ безнравственности, составляющей лишь общественно-низшую ступень нравственности, а отъ аморальности всѣхъ другихъ видовъ и формъ движенія въ мірѣ. Это еще право, постоянно колеблющееся отношеніе равенства, которое люди называютъ справедливостью и которое такъ трудно и медленно устанавливается въ человѣческихъ

союзахъ между двумя членами основного уравненія, между мною или моей общественной группой и другими или ихъ группировкой; это еще право, говорю я, въ отличіе отъ грубой силы, рѣшающей все и вся въ мірѣ біологическихъ явленій. Это еще исторія, преемственная передача, отъ одного поколѣнія къ другому, накопленнаго опыта, знаній и иныхъ культурныхъ благъ, съ помощью особо вырабатываемыхъ педагогическихъ пріемовъ, въ отличіе отъ безлѣтописности, такъ сказать, великаго міра жизни, гдѣ роль передаточнаго механизма играютъ, чисто-механически же, слѣпой атавизмъ и наслѣдственность. Но я никогда не кончилъ бы, если бъ захотѣлъ даже бѣгло перечислить всѣ виды, всѣ разряды явленій, которые суммируются понятіемъ и терминомъ «общественность».

Выводъ, вытекающій изъ всего сказаннаго мною до сихъ поръ, ясенъ и напрашивается самъ собою. Если общественность, если многочисленныя и сложныя сочетанія явленій, ею обусловливаемыя — явленій, скажу напередъ, по своей природѣ, чисто-біологическихъ или психофизическихъ — играютъ такую выдающуюся роль въ генезисѣ высшихъ и наиболѣе цѣнныхъ переживаній человѣческаго духа, то наука, спеціально изучающая эти переживанія, психологія, не можетъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, обойтись безъ правильной помощи, безъ постояннаго содѣйствія соціологіи. Психологія должна опереться на соціологію, какъ на прочное, незыблемое основаніе, должна исходить въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ изъ данныхъ, предварительно добытыхъ соціологическими наблюденіями и изслѣдованіями и уже разработанныхъ, обобщенныхъ въ

той же спеціальной наукѣ. Но на одну ли соціологію должна опираться, изъ однихъ ли ея обобщеній и законовъ должна исходить обновленная, реформированная и, пожалуй, даже революціонизированная въ предлагаемомъ нами направленіи психологія? Конечно и очевидно, нѣтъ. Въ мірѣ конкретныхъ реальностей, въ которомъ, какъ всякій другой ученый, стоитъ твердою ногою и постоянно вращается психологъ — вѣдь наблюдать, различать, подвергать опытному изслѣдованію можно только конкретные аггрегаты — въ мірѣ реальныхъ фактовъ, говорю я, между явленіями, которыя мы справедливо спеціализируемъ, включая ихъ, подъ названіемъ общественныхъ, въ особую научную категорію, съ одной стороны, и явленіями жизни, біологическими фактами и переживаніями, къ числу которыхъ должны несомнѣнно быть отнесены всѣ безъ исключенія, психофизическіе процессы, съ другой стороны, существуетъ не только тѣсная, но прямо-таки неразрывная связь. И каждый изъ этихъ двухъ великихъ разрядовъ фактовъ, и факты жизненные или біологическіе, и факты общественные или соціологическіе постоянно и всемѣрно вліяютъ другъ на друга, измѣняютъ другъ друга, берутъ верхъ другъ надъ другомъ, подчиняются другъ другу, гармонично согласуются и сживаются между собою, или вступаютъ въ ожесточенную междоусобную борьбу. Равнодѣйствующей въ каждомъ конкретно-индивидуальномъ случаѣ, въ мірѣ человѣческомъ, ставшемъ міромъ общественнымъ, является то или другое, уже не психофизическое, а психологическое переживаніе. И вотъ надъ этими равнодѣйствующими, надъ этими психологическими

переживаніями и работаетъ, наблюдая, разлагая, сравнивая ихъ и выводя отсюда соотвѣтствующія обобщенія и научные законы, ученый спеціалистъ, именующій себя психологомъ. Итакъ, въ отличіе отъ психофизики, составляющей нераздѣльную часть, послѣднюю, заключительную главу біологіи, науки основной, элементарной, имѣющей дѣло съ видомъ міровой энергіи (жизнью), пока еще не сведеннымъ къ другимъ формамъ ея—Контъ правильно называлъ такія науки отвлеченными,—въ отличіе отъ психофизики, психологія питается двумя параллельными корнями, черпаетъ все свое содержаніе изъ двухъ основныхъ или отвлеченныхъ, по терминологіи Конта, наукъ: изъ біологіи и соціологіи. Она является, такимъ образомъ, въ полномъ смыслѣ слова, наукою производною, она принадлежитъ къ разряду знаній, типъ которыхъ, среди наукъ естественныхъ, всего лучше и нагляднѣе представленъ, въ настоящее время, геологіей. Этому типу наукъ, къ слову сказать, я давно уже предложилъ присвоить наименованіе наукъ конкретныхъ, въ противоположность наукамъ отвлеченнымъ, которыя, хотя и тѣсно связаны между собою тысячью видимыхъ и невидимыхъ нитей, хотя и основаны другъ на другѣ въ одномъ неизмѣнномъ порядкѣ—химія основана на физикѣ, біологія основана на химіи, соціологія основана на біологіи,—но не сводятся, всецѣло и безъ остатка, одна къ другой.

Таковъ нашъ выводъ. Но спрашивается, не совпадаетъ ли онъ, если не съ теоретическимъ рѣшеніемъ вопроса—оно пока мнѣ неизвѣстно,—то съ практическою постановкою его въ программахъ Психо-

Неврологическаго Института, въ которыхъ и на первомъ и на второмъ курсахъ отведено такое большое и почетное мѣсто цѣлому ряду общественныхъ дисциплинъ, и въ томъ числѣ, едва ли не впервые въ нашемъ отечествѣ, и объединяющей ихъ, какъ біологія объединяетъ всѣ біологическія знанія, «общей соціологіи»? Мнѣ хочется думать и вѣрить, что да. Хочется потому, по той простой человѣческой слабости, что я лично былъ бы глубоко удовлетворенъ, былъ бы очень счастливъ, если бъ предположеніе, еслибъ догадка моя хоть въ извѣстной мѣрѣ оправдалась. Значитъ, я не даромъ работалъ, упорно защищая, почти тридцать лѣтъ подъ рядъ, изложенную сейчасъ точку зрѣнія и всѣми доступными мнѣ способами доказывая правильность гипотезы или теоріи, которая носитъ въ современной соціологической литературѣ названіе біо-соціальной и одно изъ основныхъ положеній которой можетъ быть формулировано такъ: «если общественное или, употребляя Спенсеровскій терминъ, надорганическое явленіе и слѣдуетъ за біологическимъ фактомъ, оно всегда предшествуетъ факту психологическому; такъ что только изъ глубины соборной или коллективной души можетъ выйти, выдѣлиться, пробиться на свѣтъ общественная «особь», моральная личность, — этотъ микрокосмъ, отражающій и сосредоточивающій въ себѣ уже рѣшительно всѣ виды или формы единой міровой сущности».

Г-да, мы, кажется, незамѣтно подошли и къ отвѣту на вопросъ, составляющій предметъ настоящей краткой бесѣды: какія же задачи ставитъ себѣ и преслѣдуетъ соціологія? Задачи каждой науки,

какъ и явленія, ею изучаемыя, чрезвычайно многочисленны и чрезвычайно разнообразны; но подобно тому, какъ отдѣльныя явленія суммируются, подводятся подъ одно общее понятіе, такъ точно и отдѣльныя задачи суммируются, сливаются въ одну общую задачу. Эту задачу можно еще называть главной, первенствующей, въ отличіе отъ задачъ частныхъ, второстепенныхъ, всегда подчиненныхъ первой, всегда зависящихъ отъ того или другого ея рѣшенія. И вотъ, исходя изъ всего сказаннаго, какъ изъ посылокъ, мы приходимъ къ заключенію: главная задача соціологіи, объединяющая собой всѣ остальныя, состоитъ въ открытіи законовъ, управляющихъ возникновеніемъ, образованіемъ и постепеннымъ развитіемъ высшей, надорганической или духовной формы міровой энергіи; той ея формы, которая, сочетаясь и сливаясь съ органическимъ ея обликомъ, съ жизнью, даетъ начало совершенно опредѣленнымъ конкретнымъ аггрегатамъ и фактамъ, изучаемымъ, въ свою очередь, спеціальною отраслью знанія, уже не основною и отвлеченною, какими должны быть признаны и біологія, и соціологія, а производною и конкретною; мы назвали психологію. Безъ основательнаго знанія и безъ должнаго учета, съ одной стороны, біологическаго фактора, а съ другой—соціологическаго, никакая научная психологія немыслима. Внѣ этихъ двухъ коренныхъ условій, психологія, или будетъ сводить все къ психофизикѣ, т.-е. впадетъ въ матеріалистическую односторонность и въ методологическую ошибку, именуемую біологизмомъ, или будетъ видѣть, подобно интроспективной психологіи недавняго времени или эмпирической психологіи на-

шихъ дней, въ сложномъ психологическомъ фактѣ нѣчто довлѣющее само себѣ, нѣчто автономно и особнякомъ стоящее въ природѣ, т.-е. впадетъ въ идеалистическую (или, пожалуй, даже хуже, въ спиритуалистическую) односторонность и въ методологическую ошибку, которой можно дать названіе вульгарнаго психологизма. Итакъ, главная задача соціологіи, какъ мы ее только что формулировали, совпадаетъ еще, во всемъ своемъ объемѣ, съ чрезвычайно важною, и теоретически и практически, проблемою основанія дѣйствительно научной психологіи, одинаково далекой и отъ метафизическихъ иллюзій, и отъ эмпирическаго топтанія на одномъ мѣстѣ. Разъясненный въ этомъ смыслѣ, вамъ, можетъ-быть, и не покажется простымъ парадоксомъ слѣдующій тезисъ: какъ біологія есть основная наука о жизни въ космосѣ, съ ея высшимъ кульминаціоннымъ пунктомъ, сознаніемъ, такъ соціологія есть основная наука о духѣ въ природѣ, съ его высшей кульминаціонной точкой, познаніемъ, составляющимъ единственную форму свободы, мыслимую въ мірѣ, гдѣ властвуетъ строгій детерминизмъ, неумолимая необходимость предвѣчныхъ нормъ бытія! Только постепенное раскрытіе законовъ духа и знанія можетъ привести къ раскрытію законовъ нашей дѣятельности и нашего поведенія, этой живой ткани, изъ которой соткана вся исторія человѣчества; ибо законы второго рода—обширная область, въ которой мы сталкиваемся съ пестрой толпой всѣхъ другихъ задачъ соціологіи, помимо ея главной проблемы—ибо законы второго рода уже содержатся in ovo, какъ слѣдствіе содержится въ своей причинѣ, въ

законахъ перваго рода. При этомъ, конечно, не только можно, но и должно—ибо иначе нельзя, таковъ естественный и необходимый ходъ индуктивной мысли—итти отъ изслѣдованія конкретныхъ историческихъ фактовъ, управляемыхъ законами второго порядка, къ познанію отвлеченныхъ соціологическихъ истинъ, нормируемыхъ законами перваго порядка. Но въ этомъ шествіи никогда не слѣдуетъ останавливаться на полдорогѣ, никогда не слѣдуетъ забывать, что въ первой части пути мы достигаемъ только такъ называемыхъ эмпирическихъ обобщеній, которыя могутъ сдѣлаться теоретическими или научными лишь послѣ установленія ихъ связи съ результатами, добытыми позднѣе, вслѣдствіе открытія отвлеченныхъ соціологическихъ нормъ. Такъ было во всѣхъ наукахъ, въ физикѣ, въ химіи и, на нашихъ глазахъ, въ самое послѣднее время, въ біологіи: такъ будетъ, несомнѣнно, и въ соціологіи. Въ области научнаго изслѣдованія и мышленія еще болѣе, можетъ-быть, чѣмъ въ области практической дѣятельности, напримѣръ, техники или даже политики, справедливо то, что мы идемъ назадъ, когда не подвигаемся впередъ.

II.

Не выходя изъ предѣловъ нашего предмета—указанія на главнѣйшія задачи, преслѣдуемыя соціологіей—мы не только можемъ, мы должны поставить вопросъ: что же такое та «общественность», возводимая нами на степень «надорганическаго» явленія, въ которой мы видимъ одновременно и не-

изсякаемый источникъ міра духовныхъ или психологическихъ и историческихъ переживаній (въ отличіе отъ переживаній жизненныхъ или психофизическихъ), и послѣдній, довершительный аккордъ въ предвѣчной гармоніи различныхъ формъ единой міровой энергіи? Мы должны поставить этотъ вопросъ, но отвѣтить на него мы здѣсь, сегодня, можемъ, разумѣется, только суммарно, только синтетически, безъ обращенія къ уже значительному и все болѣе и болѣе растущему запасу фактовъ и аргументовъ, говорящихъ въ пользу нашей гипотезы.

Господа, узкій, ограниченный и тѣмъ болѣе самодовольный позитивизмъ, ставящій всюду, передъ пытливыми порывами человѣческаго ума, запретительныя рогатки, опускающій, на всѣхъ главныхъ перекресткахъ мысли, тяжелые шлагбаумы, устанавливающій, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, спасительные научные карантины, разрѣшающій намъ одно—главнымъ образомъ, довольство уже достигнутыми результатами, запрещающій намъ другое—главнымъ образомъ, всякій шагъ въ сторону проникновенія въ такъ называемую сущность вещей,—этотъ позитивизмъ былъ когда-то полезенъ и, вѣроятно, необходимъ, какъ были когда-то полезны и, вѣроятно, необходимы, напримѣръ, полицейское государство или просвѣщенный абсолютизмъ, съ которыми онъ имѣетъ несомнѣнныя черты сходства. Но tempora mutantur, и старый позитивизмъ, какъ старое государство, должны сойти со сцены, уступивъ мѣсто новымъ формамъ философскаго мышленія и новымъ формамъ человѣческаго общежитія.

Наслѣдникъ Контовскаго позитивизма въ прямой нисходящей линіи, связанный съ нимъ узами близкаго кровнаго родства, современный нео-позитивизмъ учитъ насъ, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ гносеологическихъ задачъ, другому. Онъ говоритъ намъ, философамъ и соціологамъ: вглядитесь хорошенько и вдумайтесь въ то, что всегда дѣлали и дѣлаютъ отрасли знанія, достигшія относительной научной зрѣлости и великихъ, плодотворныхъ, измѣнившихъ весь строй человѣческой культуры результатовъ. Чему онѣ обязаны своими необыкновенными успѣхами? Крайней осторожности, тщательности, внимательности при производствѣ, повтореніи и провѣркѣ своихъ наблюденій и опытовъ, съ одной стороны, да: и примѣру этому должны слѣдовать и младшія науки, еще только готовящіяся къ трудному подвигу служенія точной истинѣ. Но и смѣлому, не останавливающемуся ни передъ какими запретами и догматическими табу, всегда рвущемуся впередъ, все дальше, все выше, все проникновеннѣе и глубже, научному творчеству, съ другой стороны,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Развѣ біологія, несмотря на неимовѣрную кропотливость своей повседневной работы, не стремится, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, къ раскрытію великой тайны жизни, хотя бы путемъ сведенія жизненныхъ процессовъ къ болѣе простымъ химическимъ реакціямъ? И развѣ заурядные физіологи, анатомы, патологи, зоологи, ботаники не сознаютъ, что этотъ высокій полетъ научной мысли не только не мѣшаетъ имъ пребывать in medias res, но служитъ оправданіемъ ихъ скромной и подчасъ

мелкой работы, оплодотворяя ее сѣменами полезныхъ гипотезъ и постоянно указывая ей конечный исходъ, далекую цѣль? Развѣ и химія и физика не вступили твердою ногою, еще раньше біологіи и съ еще большимъ успѣхомъ, на путь широкихъ научныхъ завоеваній, который старому позитивизму казался глухимъ и опаснымъ тупикомъ? Развѣ настоящій ученый не понимаетъ, что эмпиризмъ, этотъ первый младенческій лепетъ всякаго знанія, не можетъ быть его высшею, послѣднею ступенью; и что онъ побѣждается только дерзкимъ умозрѣніемъ, геніальною догадкою, этою душою прогрессирующей науки? In hoc signo vinces.

И вотъ современный соціологъ, въ свою очередь, стремится поднять свое эмпирическое знаніе на высоту точной теоріи и такимъ путемъ измѣнить кореннымъ образомъ, раціонализировать различныя технологіи, включая сюда и нравственную, и юридическую, и политическую, и экономическую и т. д., которыя управляютъ практическою дѣятельностью человѣка, его поведеніемъ, и создаютъ длинный рядъ событій, о которыхъ говоритъ или которыхъ замалчиваетъ исторія. Эта исторія—исторія расъ, народовъ, государствъ—представляется соціологу колоссальнымъ по своимъ размѣрамъ и своей продолжительности, сплошнымъ опытомъ. Но почему этотъ опытъ принесъ и приноситъ такъ мало пользы людямъ? Не оттого ли, что между этимъ опытомъ, съ одной стороны, и направленіемъ, сознательно и полусознательно придаваемымъ общественнымъ дѣламъ—съ другой, всегда существовалъ зіяющій пробѣлъ, заполнить который не въ силахъ было изстари зародившееся и порою даже процвѣ-

тавшее эмпирическое знаніе общественныхъ фактовъ и отношеній,—пробѣлъ, устранить который могла только научная теорія ихъ? Потребность въ такой теоріи особенно остро чувствовалась въ продолженіе всего XIX вѣка. Это столѣтіе и должно считать періодомъ родовыхъ потугъ, еще не вполнѣ завершившихся, имѣвшихъ цѣлью появленіе на свѣтъ новой теоретической науки, соціологіи.

Извѣстны условія, которымъ должна удовлетворять теоретическая наука, т.-е. знаніе, обособляющееся отъ другихъ и перестающее быть чисто-эмпирическимъ. Перечислять здѣсь эти условія я не буду, но упомяну о самомъ главномъ, о построеніи руководящей и, если не провѣренной, то всегда доступной провѣркѣ гипотезы, всего лучше и проще объясняющей внутреннюю природу явленій, выдѣляемыхъ въ особую научную группу или категорію. Къ образованію такихъ гипотезъ тотчасъ же, разумѣется, и прибѣгла молодая наука объ обществѣ. Этихъ гипотезъ очень много; но большая часть ихъ страдаетъ однимъ кореннымъ недостаткомъ: несогласимымъ противорѣчіемъ съ основною цѣлью, которую должны логически преслѣдовать подобныя попытки. Именно, на большинствѣ этихъ теорій еще лежитъ явственный отпечатокъ того эмпирическаго смѣщенія общественнаго факта съ фактами другихъ научныхъ разрядовъ, противъ котораго онѣ должны были прежде всего вооружиться, на которое онѣ должны были прежде всего реагировать. Таковы теоріи, отожествляющія соціальныя явленія съ ихъ органическими корнями или предпосылками, и таковы также теоріи, отожествляющія ихъ, наоборотъ, съ ихъ психологическимъ расцвѣтомъ, т.-е. съ вы-

текающими изъ нихъ послѣдствіями. Если бы авторы такихъ теорій были правы, то не было бы нужды въ какой-либо автономной соціологіи; а надо было бы только или расширить предѣлы біологіи, давъ въ нихъ мѣсто, въ особой главѣ, изученію человѣческихъ союзовъ (аггрегацій и конгрегацій), или соотвѣтственно увеличить компетенцію психологіи, включивъ въ нее всѣ коллективныя проявленія духа.

Въ отличіе отъ указанныхъ сейчасъ двухъ теченій, еще недавно преобладавшихъ въ современной соціологіи, но теперь уже какъ будто ослабѣвшихъ и ищущихъ лишь почетнаго компромисса съ противоположнымъ направленіемъ, мы всегда защищали идею полной научной самостоятельности соціологіи.

Соціологія основана на біологіи, какъ біологія, въ свою очередь, основана на химіи, а химія на физикѣ; это значитъ, что соціологическое явленіе есть особое, специфическое измѣненіе — называемое также осложненіемъ—именно біологическаго явленія, какъ послѣднее есть особое, специфическое видоизмѣненіе или осложненіе именно химическаго явленія, и такъ далѣе. И вотъ почему развитіе названныхъ наукъ, да и вообще всѣхъ нашихъ знаній, совершается въ извѣстномъ, прочномъ и неизмѣнномъ порядкѣ, въ которомъ ростъ науки предшествующей не можетъ упредить или обогнать роста науки послѣдующей, а, напротивъ, успѣхами, достигнутыми въ первой, обусловливаются, гораздо болѣе, чѣмъ нашимъ усердіемъ или стараніями, и успѣхи, достигаемые во второй.

Съ другой стороны, соціологія не только не основана на психологіи, а служитъ ей исходной точкой,

вливаетъ въ нее, совмѣстно съ біологіей—именно съ психофизикой—свое содержаніе, держитъ психологію въ вассальной отъ себя зависимости.

И вотъ согласно съ этимъ взглядомъ на автономію соціологіи, мы давно уже выставили и отстаиваемъ руководящую соціологическую гипотезу, которая, думается намъ, имѣетъ такое же право и такую же возможность быть провѣренной, какъ любая изъ великихъ руководящихъ гипотезъ біологіи, химіи или физики. Въ «общественности», въ «надорганическомъ» явленіи мы видимъ не что иное, какъ длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое взаимодѣйствіе, устанавливающееся во всякой постоянной, а не случайной аггрегаціи или «соборности» живыхъ существъ, между свойственными имъ психофизическими (т.-е., въ сущности, высшими біологическими) явленіями и процессами, притомъ уже сознательными, какъ-то: ощущеніями, воспріятіями, представленіями, конкретными образами и такими же сужденіями, а также между эмоціями, элементарными чувствами и волевыми импульсами. Этимъ взаимодѣйствіемъ обусловливается возможность и дѣйствительное наступленіе коллективнаго или соборнаго опыта, повѣряющаго, исправляющаго, дополняющаго и связывающаго воедино, или еще «объективирующаго» разрозненныя и всегда глубоко субъективныя данныя опыта біоиндивидуальнаго (котораго отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать, повторяю, съ опытомъ личнымъ, высшею ступенью, самымъ зрѣлымъ плодомъ опыта соборнаго). Коллективный опытъ, которому было дано еще названіе, скорѣе образное и поэтическое, чѣмъ строго научное, коллективной или соборной

народной души (вспомните нѣмецкую Völkerpsychologie), порождаетъ цѣлую огромную массу новыхъ явленій и процессовъ, уже не психофизіологическихъ, а соціо-психофизіологическихъ, соборно-психическихъ, если можно такъ выразиться, какъ-то: обобщенія, отвлеченныя идеи, логически связанныя сужденія, а также сложныя чувствованія, всѣ такъ называемыя страсти, цѣлесообразно, финалистически построенныя желанія и изволенія и т. п.

Всѣ эти новыя явленія, всѣ эти результаты коллективнаго опыта и соборныхъ психофизическихъ переживаній возможны, повторяю, только въ обществѣ, въ общественной средѣ, которую они, въ сущности и въ послѣднемъ анализѣ, и составляютъ, какъ біологическую среду составляютъ явленія біологическія, а физико-химическую или космическую—явленія, изучаемыя физикой и химіей. Эти новыя явленія еще тѣмъ отличаются отъ явленій психофизическихъ, что они сохраняются и постоянно передаются, отъ поколѣнія къ поколѣнію, уже не прежнимъ, темнымъ путемъ атавистическихъ и наслѣдственныхъ инстинктовъ, а вполнѣ сознательно, вырабатывая съ этой цѣлью цѣлый сложный аппаратъ новыхъ средствъ и способовъ, на первомъ планѣ которыхъ стоитъ языкъ, устная рѣчь, а затѣмъ письменность, преданіе или традиція, обученіе, воспитаніе, преподаваніе и т. д. Вся эта огромная область новыхъ фактовъ должна, разумѣется, обозначаться особымъ терминомъ; и терминъ этотъ, какъ и самые факты, давно существуетъ, и очень правильно (интуитивно или, можетъ-быть, только случайно) образованъ, ибо въ

составъ его входитъ главный внѣшній признакъ общественности, логосъ, или даже и главный внутренній признакъ, если мы отъ логосъ будемъ производить и логику, логическое мышленіе. Къ сожалѣнію, терминъ этотъ—мы говоримъ о словѣ «психологическій», — какъ это всегда бываетъ въ эмпирической стадіи развитія знанія, прилагался, безъ строгаго различія, къ обоимъ соприкасающимся разрядамъ явленій; онъ служилъ для обозначенія и чисто-психофизическихъ или біологическихъ фактовъ и процессовъ, какъ это видно изъ обычныхъ выраженій: психологія животныхъ, первобытнаго человѣка, дикаря, мѣсячнаго ребенка и т. д.

Этого смѣшенія мы тщательно избѣгаемъ въ усвоенной нами научной терминологіи, гдѣ слово «психологическій» имѣетъ тотъ же смыслъ, что и слово біо-соціальный, соборно-психическій, и суммируетъ, обобщаетъ исключительно только результаты коллективнаго существованія и опыта.

Психологическія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, переживанія совершенно неизвѣстны и недоступны міру животныхъ, даже самыхъ высшихъ, самыхъ близкихъ къ человѣку по своей психофизической, нервно-мозговой организаціи, но чуждыхъ той прочной коллективной постановки наблюденій и опыта, которою выработывается отвлеченная идеологія, логически стройное знаніе и сопутствующая ему цѣлесообразная дѣятельность; постановка, которая только слабо осуществляется въ такъ называемой стадности, этомъ недоношенномъ эмбріонѣ, можно сказать, истинной общественности (въ значительно большей степени, чѣмъ въ стадности, коллективный опытъ находитъ себѣ смутное и

Психологическія (логическія) переживанія обусловливаются двумя факторами: а) соціологическимъ - общественнымъ или порядками взаимодѣйствія между простыми психофизическими элементами и б) біологи

ничтожное, по своимъ размѣрамъ, выраженіе въ общеніи животныхъ съ человѣкомъ, въ такъ называемомъ прирученіи ихъ). Но я скажу болѣе: психологическія переживанія неизвѣстны и недоступны и міру животныхъ обществъ. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Общественность, постоянное взаимодѣйствіе между простѣйшими психофизическими элементами, можетъ статься, и очень сильно развиты въ иныхъ животныхъ обществахъ, въ муравьиныхъ, пчелиныхъ и тому подобныхъ ассоціаціяхъ, которыя поэтому и входятъ въ кругъ изслѣдованій, которыя и должны составлять предметъ изученія соціолога. Но не надо забывать, что общественность не есть единственный источникъ, откуда проистекаетъ психологическое явленіе, а только одно изъ двухъ началъ, его образующихъ. Другое начало — біологическій факторъ, психофизическая энергія. И вотъ, если этотъ факторъ ничтоженъ, слабъ, близокъ къ нулю, результатъ получится также ничтожный, слабый, близкій къ нулю. Коллективный опытъ, хотя бы онъ самъ и былъ въ наличности, не выработаетъ ни одного, дѣйствительно отвлеченнаго понятія, не произведетъ накопленія и передачи знанія; и еле засвѣтившаяся гражданственность не только не разовьется въ прогрессирующую цивилизацію, а замретъ на низкомъ уровнѣ темнаго, почти безсмысленнаго инстинкта. Въ одномъ случаѣ, у высшаго животнаго, мы имѣемъ сильную психофизическую организацію, почти ничѣмъ не отличающуюся отъ нервно-мозговой организаціи человѣка, и рядомъ, слабую, едва намѣченную общественность; въ другомъ случаѣ, въ животномъ обществѣ, мы имѣемъ сильную или,

* психофизическ. энергія (нервная система).

по меньшей мѣрѣ, ярко очерченную общественность, и рядомъ слабую, остановившуюся на низшихъ ступеняхъ развитія психофизическую энергію: понятно само собою, что въ обоихъ случаяхъ получится одинъ и тотъ же результатъ,—лучшее доказательство, быть-можетъ, того, что психологическій фактъ не есть однородное, хотя бы и сложное явленіе, какъ думали прежде всѣ и какъ думаютъ теперь еще весьма многіе, а есть явленіе сложное и вмѣстѣ съ тѣмъ составное или разнородное, біо-соціальное.

Психофизическое взаимодѣйствіе, породивъ, путемъ коллективнаго опыта, первые психологическіе продукты и начертавъ съ ихъ помощью ранній или черновой набросокъ будущей соціальной особи или моральной личности, не останавливается на этомъ, а идетъ дальше, вступаетъ во вторую, высшую фазу развитія, въ которой объектомъ взаимнаго обмѣна и постоянной передачи отъ одной личности и отъ одной группы лицъ къ другой личности и къ другой группѣ служатъ уже не первоначальные психофизическіе элементы: ощущенія, представленія, эмоціи и т. д., а ихъ послѣдующія психологическія осложненія: отвлеченныя идеи, логическія сужденія, идеологически окрашенныя чувствованія и т. п. Другими словами, изъ психофизическаго взаимодѣйствіе становится психологическимъ (впрочемъ, не отрываясь отъ своей біологической почвы, не переставая быть, когда и гдѣ нужно, и психофизическимъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, все полнѣе и полнѣе образуется и совершенствуется соціальная особь, моральная личность, и мы входимъ въ область соціологіи въ самомъ тѣсномъ, хотя и самомъ обыч-

номъ смыслѣ слова, мы проникаемъ въ великое царство преемственной культуры, прогрессирующей цивилизаціи.

Здѣсь жизненная дифференціація, составляющая, въ монистическомъ міровоззрѣніи, такую же сокровенную сущность общественнаго или надорганическаго факта, какою химическая дифференціація является по отношенію къ факту біологическому, а физическая дифференціація къ факту химическому, — здѣсь, говорю я, жизненная дифференціація и обусловленное ею психическое взаимодѣйствіе принимаютъ все болѣе и болѣе точныя, опредѣленныя, всѣмъ знакомыя формы, мало-по-малу выливаются, кристаллизуются въ цѣломъ рядѣ великихъ общественныхъ учрежденій. И здѣсь сама жизненная дифференціація, положившая начало общественному факту, углубляясь еще разъ, превращается въ психологическую дифференціацію и соотвѣтствующіе ей крупные и систематизированные итоги общественной дѣятельности. Отъ эмпирическаго хаоса, въ которомъ знанія, вѣрованія, чувства, практическія задачи и стремленія, — все смѣшано и спутано, оправдывая извѣстный космогоническій и космологическій тезисъ Спенсера, человѣчество переходитъ къ все болѣе и болѣе стройному раздѣленію труда, къ логической классификаціи занятій, къ цѣлесообразному или раціональному дифференцированію различныхъ умозрительныхъ и прикладныхъ отраслей дѣятельности. Процессомъ этимъ и исчерпывается сущность того, что мы называемъ культурою. Всѣ явленія, какъ внутренней, психологической, такъ и внѣшней, исторической (или космо-психологической) жизни, входящія въ этотъ

періодъ въ рамки соціологіи, безъ малѣйшаго остатка распредѣляются въ четыре основныя группы: одни касаются передачи знаній, другія—вѣрованій и общихъ идей, третьи—чувствъ и впечатлѣній эстетическихъ, четвертыя—техническихъ и практическихъ стремленій. Другими словами, эти разряды явленій обнимаютъ науку, религію или философію, искусство и, наконецъ, поведеніе или дѣйствіе. Это, въ культурномъ періодѣ, главные, если даже не единственные, источники или факторы всѣхъ соціальныхъ явленій и событій.

Какія же постоянныя отношенія устанавливаются и существуютъ между этими руководящими факторами общественной эволюціи? Очевидно, что точный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать намъ въ руки весьма цѣнное обобщеніе, соціологическій законъ одновременно генетическій и динамическій, охватывающій всю совокупность общественныхъ переживаній, устанавливающій ихъ взаимную связь, ихъ зависимость другъ отъ друга, объясняющій, съ одной стороны, происхожденіе и образованіе этихъ явленій, а съ другой—весь ходъ ихъ дальнѣйшаго развитія. О такомъ обобщеніи, о законѣ, преслѣдующемъ разрѣшеніе основной задачи исторіи, а, значитъ, и соціологіи—объяснить, почему и какъ одно общественное состояніе порождаетъ другое, за нимъ слѣдующее и его замѣщающее,—мечталъ когда-то, какъ извѣстно, Джонъ Стюартъ Милль. Я, конечно, очень далекъ отъ дерзкой мысли, что мнѣ удалось достигнуть чего-либо подобнаго. Рѣчь въ данномъ случаѣ можетъ итти лишь о томъ медленномъ и постепенномъ приближеніи къ истинѣ, составляющей завѣтную цѣль научнаго, всегда кол-

лективнаго труда, которое отличаетъ одно поколѣніе, одну смѣну изслѣдователей отъ другихъ. Но я все-таки считаю себя въ правѣ сказать, что предложенная мною общая формула или схема соціальной эволюціи выведена не a priori, какъ меня въ томъ иногда упрекали, неправильно оцѣнивая употребленный мною, въ качествѣ побочнаго пособія, телеологическій или финалистическій методъ и смѣшивая его съ обыкновенной дедукціей, а построена на широкомъ историческомъ наведеніи.

Согласно этой схемѣ, морализація или соціализація органической особи соотвѣтствующимъ союзомъ или группою совершается въ двухъ послѣдовательныхъ, непосредственно примыкающихъ другъ къ другу стадіяхъ эволюціи. Въ первой, докультурной, если не доисторической, соединеніе людей или органическая множественность—родъ, племя—переходитъ въ болѣе высокое, надорганическое единство,—общину, гражданственность; и одновременно органическое единство (эгоизмъ, паразитизмъ) стремится превратиться въ соціальную множественность (альтруизмъ, кооперація, солидарность) [1]). Во второй, культурной и вполнѣ исторической стадіи, происходитъ медленная дифференціація главныхъ общественныхъ факторовъ, и мало-по-малу обнаруживается, изъ скрытаго, или потенціальнаго

---

[1]) Сначала въ формѣ группового эгоизма и группового паразитизма, узкаго патріотизма и чудовищной эксплоатаціи одной общественной группой всѣхъ другихъ.

состоянія переходитъ въ явное управляющій ими законъ тѣснаго и неизмѣннаго соотношенія.

Въ силу этого закона, всѣ культурныя соціальныя переживанія располагаются въ два ряда: въ одномъ, причинномъ или объективномъ, каждый предыдущій членъ обусловливаетъ и опредѣляетъ всѣ послѣдующіе; въ другомъ, телеологическомъ или субъективномъ, цѣль ставится на первое мѣсто, выдвигается впередъ, а средства, служащія къ достиженію цѣли, представляются подчиненными ей. Во всякой практической дѣятельности второй рядъ имѣетъ огромное значеніе; но въ теоретическомъ знаніи онъ долженъ уступить мѣсто причинному ряду. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе естественной склонности нашего ума къ телеологической расцѣнкѣ явленій, мы и въ области теоретической мысли,—какъ это подтверждается примѣромъ многихъ весьма популярныхъ соціологическихъ построеній, — поддаемся искушенію видѣть въ практической и даже технической эволюціи обществъ основоначальную причину ихъ идеологической эволюціи; и мы, наоборотъ, закрываемъ глаза на то, что истинными «собирателями» (аккумуляторами) соціальной энергіи, которая впослѣдствіи расходуется въ практической дѣятельности, являются всегда, въ лицѣ нашихъ эстетическихъ понятій и вкусовъ, нашихъ религіозныхъ вѣрованій и философскихъ міровоззрѣній, и нашихъ болѣе или менѣе точныхъ знаній, чисто идеологическіе факторы.

Въ общей соціологіи, въ той «соціальной этіологіи», которая стремится раскрыть наиболѣе постоянныя причины самыхъ разнообразныхъ обще-

ственныхъ явленій, главное вниманіе должно быть обращено, разумѣется, на причинный рядъ. Здѣсь, первой и глубокой основой всякой культуры, всякаго общественнаго прогресса является знаніе, которое развивается въ зависимости отъ внутреннихъ качествъ или свойствъ опыта не только лицъ, культивирующихъ или распространяющихъ знаніе, но и несравнимо большаго числа людей, его воспринимающихъ (или противящихся его воспріятію), т.-е. въ зависимости отъ коллективнаго опыта въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Состояніемъ или уровнемъ знанія всецѣло обусловливается и опредѣляется затѣмъ, въ каждой общественной средѣ (будь то цѣлый народъ, или отдѣльный классъ, или избранное меньшинство), характеръ религіозныхъ вѣрованій и философскихъ или общихъ идей, господствующихъ въ этой средѣ; а эти общія вѣрованія и идеи даютъ, въ свою очередь, содержаніе и направленіе искусству, непосредственно зависящему отъ чувствъ, возбуждаемыхъ въ той или другой общественной средѣ ея основными воззрѣніями на міръ. Наконецъ, послѣднее звено въ длинной цѣпи культурныхъ соціальныхъ переживаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ конечная цѣль нашихъ усилій и стремленій, — дѣйствіе, трудъ, поведеніе, обусловливаются и опредѣляются, въ главныхъ чертахъ и подробностяхъ, всѣми предшествовавшими идеологическими факторами, въ указанномъ порядкѣ ихъ постепеннаго развитія.

И тою же широкою эволюціонною формулою обнимаются и самые методы мышленія и изслѣдованія. Наука идетъ отъ анализа и провѣряемой гипотезы къ частному, всегда внутри-

научному синтезу. Философія исходитъ отъ общихъ идей и, стремясь къ сглаживающему всѣ частныя различія, объединяющему всѣ явленія между-научному синтезу, пользуется съ этой цѣлью, какъ матеріаломъ, выводами знанія не только современнаго, но, порою, и давно уже сданнаго въ архивъ (въ каждомъ обществѣ существуютъ міровоззрѣнія, являющіяся лишь остатками, «окаменѣлостями», свидѣтельствующими о прежней интенсивной жизни этихъ отцвѣтшихъ и уже списанныхъ со счета знаній). Синтетическая мысль, въ свою очередь, служитъ источникомъ для мысли синкретической и символической, свойственной художнику, претворяющему въ живые образы тѣ высшія чувства, въ которыхъ выражаются его или наши общія воззрѣнія на природу и человѣка. Наконецъ, практическая или телеологическая мысль опредѣляется всѣми предыдущими формами общественной мысли, отъ которыхъ она, по крайней мѣрѣ въ культурной средѣ, всецѣло зависитъ. Словомъ, отправляясь отъ коллективнаго опыта, уже вылившагося въ форму не только психофизическаго, но и психологическаго взаимодѣйствія, какъ отъ исходной точки, мы должны, говоря языкомъ математики, опредѣлить знаніе какъ функцію коллективнаго опыта, философію какъ функцію знанія, искусство какъ функцію философіи, и практическую дѣятельность или поведеніе какъ сложную функцію искусства, философіи и науки.

Г-да, ограниченное время, мнѣ отведенное, не позволяетъ мнѣ коснуться многихъ очень важныхъ и

интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ возникновеніемъ и первыми шагами молодой соціологической науки. Мнѣ остается, такимъ образомъ, въ заключеніе, поблагодарить васъ за то терпѣніе и вниманіе, съ которымъ вы выслушали изложеніе тезисовъ, по необходимости, крайне отвлеченныхъ и лишь схематически намѣченныхъ.

Е. де-Роберти.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Надорганическое въ природѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Соціальный эмпиризмъ.—Его относительная безплодность.—Неудача, постигшая позитивную школу и аналогичныя попытки. — Основные тезисы моей соціологической доктрины.

Поднять эмпирическое знаніе общественныхъ фактовъ на высоту точной теоріи и этимъ измѣнить кореннымъ образомъ, раціонализировать различныя технологіи, которыя непосредственно управляютъ дѣятельностью людей, ихъ поведеніемъ, — вотъ, въ данную минуту, наиболѣе назрѣвшая потребность современнаго человѣчества.

Заложить отвлеченныя основы соціологіи подобно тому, какъ были заложены въ іерархическомъ порядкѣ, столь ясно сознанномъ и опредѣленно формулированномъ О. Контомъ, основы всѣхъ другихъ великихъ отдѣловъ точнаго знанія,—такова очевидная и почти пользующаяся всеобщимъ признаніемъ задача, уже учитываемая нетерпѣливымъ оптимизмомъ массъ, такова проблема, къ разрѣшенію которой направлены всѣ усилія лучшихъ умовъ нашей эпохи.

Всемірная исторія расъ, народовъ, государствъ является колоссальнымъ по своимъ размѣрамъ,

сплошнымъ соціологическимъ «опытомъ». Послѣдній, однако, лишь рѣдко приносилъ людямъ прямую пользу, шелъ имъ въ прокъ. Чѣмъ объясняется такое безсиліе? Какимъ образомъ непрерывный рядъ уроковъ, преподанныхъ самими фактами, не привелъ насъ до сихъ поръ къ сколько-нибудь вѣрнымъ выводамъ, къ вполнѣ яснымъ и точнымъ правиламъ поведенія?

Мы въ свое время еще вернемся къ этому капитальному вопросу. Мы постараемся выяснить основныя отношенія, существующія между «опытнымъ изслѣдованіемъ»—первымъ зародышемъ и постояннымъ источникомъ всякаго знанія—и «практическою дѣятельностью», конечною цѣлью и результатомъ всякой теоріи, всякаго умозрѣнія. Мы покажемъ, какъ эти двѣ принципіально столь различныя стороны психо-соціальной эволюціи соединяются, связываются, переплетаются въ исторической дѣйствительности, образуя сочетаніе, обозначаемое однимъ и тѣмъ же широкимъ и общимъ терминомъ: «опытъ». Мы раскроемъ въ то же время глубокіе корни телеологической иллюзіи, которая, овладѣвая нашей волей еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ нашимъ разумомъ, только усиливаетъ указанное выше смѣшеніе.

Но пока ограничимся констатированіемъ слѣдующаго явленія: историческіе факты, пережитыя событія, накопленный опытъ народовъ лишь рѣдко и, такъ сказать, отрывочно согласовались съ намѣреніями, съ сознательной волей людей, дававшихъ направленіе общественнымъ дѣламъ въ тѣхъ или другихъ соціальныхъ группахъ. Между опытомъ, какъ исходной точкой, и практикой, какъ цѣлью,

существовало почти всегда нѣчто въ родѣ огромнаго пробѣла, который на первыхъ порахъ никѣмъ не замѣчался, который потомъ былъ смутно сознанъ немногими избранными умами, который еще позднѣе поразилъ непосредственныхъ предшественниковъ О. Конта и побудилъ, наконецъ, послѣдняго задаться своей обновительной работой.

Основатель позитивной философіи хотѣлъ заполнить пустоту, на которую до него указывала уже цѣлая толпа мыслителей. Его математическій умъ живо сознавалъ необходимость ввести, между первою, большою посылкою темнаго общественнаго силлогизма и его заключеніемъ, малую посылку, среднее объяснительное звено. Этимъ звеномъ должна была быть соціологія, та научная теорія исторіи, которую позитивизмъ и стремился построить.

Я имѣлъ уже случай говорить въ другомъ мѣстѣ (см. въ концѣ книги примѣч. 1) о главныхъ причинахъ, которыя, по моему мнѣнію, обусловили неудачу, какъ извѣстнаго предпріятія О. Конта, такъ и всѣхъ позднѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ, размножившихся вскорѣ до безконечности. Въ общихъ чертахъ, эти причины можно свести къ отсутствію яснаго пониманія объективныхъ постулатовъ и логическихъ условій предстоявшей задачи.

Множество гипотезъ было предложено о сущности и внутренней природѣ общественныхъ фактовъ. Послѣдніе сближались, даже отожествлялись со своими органическими корнями, или же со своимъ психологическимъ расцвѣтомъ. Къ изученію отношеній, вытекающихъ изъ того или другого состоянія общества, примѣнялись различные методы изъ числа оказавшихся пригодными въ другихъ наукахъ. Та-

кимъ путемъ было достигнуто нѣсколько несомнѣнныхъ и весьма серьезныхъ частичныхъ успѣховъ въ области соціологіи. Но провѣрить, доказать ту или другую изъ руководящихъ гипотезъ никому не удавалось. Съ другой стороны, несмотря на самыя похвальныя усилія, не было найдено ни одного широкаго обобщенія, не было формулировано ни одного изъ тѣхъ основныхъ законовъ, которые управляютъ крупными разрядами явленій и открытіе которыхъ знаменуетъ собою переходъ отъ эмпиризма, еще не сбросившаго съ себя ярма философскаго умозрѣнія, къ точному знанію, свободному отъ подобной опеки.

Сначала какъ сторонникъ главныхъ тезисовъ, выставленныхъ Огюстомъ Контомъ, а затѣмъ и въ роли противника многихъ изъ нихъ, я, въ свою очередь, пытался дать отвѣтъ на перечисленные выше вопросы.

Разумѣется, не мнѣ оцѣнивать результаты работы, которая, начиная съ моей «Соціологіи» и кончая четырьмя уже вышедшими «Опытами по Этикѣ», простирается болѣе чѣмъ на четверть вѣка; и не мнѣ судить объ успѣшности или безплодности усилій, которыя были неизмѣнно направлены къ двумъ цѣлямъ, логически и исторически тѣсно связаннымъ между собою: 1) къ научному построенію соціологіи, задачѣ настоятельной и не допускающей болѣе никакой отсрочки; и 2) къ раціональному обоснованію философіи, задачѣ, имѣющей огромное общественное значеніе, но вытекающей изъ первой, являющейся ея ближайшимъ послѣдствіемъ, ея законнымъ увѣнчаніемъ (прим. 2). За то на мнѣ лежитъ безусловно обязанность: всегда

быть готовымъ пересмотрѣть, уяснить, подкрѣпить новыми данными и согласовать между собою и, если окажется нужнымъ, исправить мои философскія и соціологическія положенія.

Въ первой части настоящаго труда я оставляю въ сторонѣ все, что въ моихъ прежнихъ изслѣдованіяхъ относится только къ реформѣ философіи; я выключаю также подробности, болѣе детальные взгляды, вспомогательныя соціологическія объясненія и теоріи. И, напротивъ, я тутъ резюмирую, я стараюсь какъ можно ярче освѣтить существеннѣйшіе и конечные выводы моей соціологической доктрины.

Эти выводы обнимаютъ: 1) основную гипотезу о природѣ надорганическаго явленія; 2) особый методъ, свойственный изученію фактовъ этого порядка; 3) общій законъ, управляющій совокупностью ихъ эволюціи.

ГЛАВА II.

Гипотеза о природѣ надорганическаго явленія.

Дифференціація сознанія и ея послѣдствія у живыхъ существъ, одаренныхъ высшею нервной организаціей.—Надорганическое явленіе.—Психофизическое взаимодѣйствіе и взаимодѣйствіе психологическое.—Психоцеребральный фактъ и фактъ разумный.—Взгляды позитивной, органической и психологической школъ.—Біосоціальная гипотеза.—Динамизмъ и телеологія.—Первоначальные выводы.—Различные способы пониманія надорганическаго явленія.—Фактъ отвлеченный и фактъ конкретный.—Психологія и естественная исторія обществъ.—Другая сторона вопроса.—Специфическая природа «общественности». — Автогенезисъ духа.—Организація и соціализація.—Психологія коллективная и психологія индивидуальная.—Человѣческое поведеніе.

Что такое надорганическое явленіе? Существуетъ ли оно въ дѣйствительности? Какъ слѣдуетъ смотрѣть на него въ наше время? Нельзя ли видѣть въ фактахъ, обозначаемыхъ этимъ новымъ терминомъ— и, безъ сомнѣнія, столь же древнихъ, какъ первыя проявленія жизни, — процессъ, происходящій на почвѣ своеобразной біологической дифференціаціи, отмѣченной тремя глубокими чертами:

1) Дифференціація эта, въ силу еще мало извѣстныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ переходъ

«общественной» энергіи изъ скрытаго состоянія въ явное, наступаетъ лишь у небольшого числа животныхъ видовъ;

2) У послѣднихъ она принимаетъ двѣ характерныя формы: а) у однихъ она остается чисто инстинктивною и, въ этомъ смыслѣ, косною, неподдающеюся дальнѣйшему развитію; это—пограничная область, гдѣ надорганическое едва отдѣляется отъ органическаго, гдѣ оно еще сливается съ нимъ, подобно тому какъ въ междуклѣточныхъ процессахъ жизненное явленіе сливается съ химическимъ (симбіозъ, біологическія ассоціаціи, животныя сообщества); б) у другихъ и, повидимому, чуть ли не исключительно въ человѣческомъ родѣ, одаренномъ очень сложной и тонкой нервно-мозговой структурой, дифференціація эта является уже все болѣе и болѣе сознательной или разумною, а потому способною измѣняться и медленно развиваться;

3) Наконецъ, всюду, гдѣ замѣчается указанная дифференціація и на всѣхъ ея ступеняхъ, она противополагаетъ всякую данную біологическую особь другимъ особямъ, принадлежащимъ, какъ общее правило, къ тому же зоологическому виду, и устанавливаетъ между обѣими сторонами постоянное и обильное послѣдствіями (выражающимися въ разнообразныхъ общественныхъ о т н о ш е н і я х ъ) в з а и м о д ѣ й с т в і е.

Объяснить исчерпывающимъ образомъ какое-либо явленіе можно, лишь восходя постепенно къ самымъ далекимъ причинамъ его; для простаго же, хотя бы и аналитическаго описанія его достаточно остановиться на наиболѣе яркихъ его проявленіяхъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы, по необходимости,

этимъ и ограничимся; мы займемся изученіемъ надорганическаго факта въ предѣлахъ одного лишь человѣческаго рода.

Выставленная нами выше точка зрѣнія предполагаетъ, что безконечно повторяющееся сопоставленіе (или «очная ставка») центростремительныхъ состояній сознанія (разрѣшающихся понятіемъ о нашемъ «я») съ его центробѣжными состояніями (разрѣшающимися понятіемъ о «другихъ»), съ силою дѣйствуетъ на этотъ двойной рядъ сознаній, стремясь кореннымъ образомъ преобразовать ихъ. Въ умахъ, долгое время имѣвшихъ общеніе другъ съ другомъ, возникаютъ ощущенія, воспріятія, представленія и связанныя съ ними эмоціи, желанія, изволенія, не только сходныя между собою, но даже тожественныя. Въ зависимости отъ совокупности условій, обычно называемыхъ «жизнью сообща», разсѣянныя психическія силы сосредоточиваются, взаимно проникаютъ другъ друга, собираются и соединяются различными способами.

Осуществляясь сначала лишь въ слабой мѣрѣ, такая особаго рода близость или «связность» сознаній постепенно развивается и укрѣпляется. Надорганическія явленія—этого не слѣдуетъ забывать—занимаютъ въ мірѣ значительное мѣсто. Они играютъ въ природѣ преобладающую роль. Они даютъ въ ней обильныя жатвы фактовъ, которые, однако, въ послѣднемъ анализѣ, всѣ могутъ быть сведены къ двумъ обширнымъ разрядамъ причинъ, а именно: во-первыхъ, къ дѣйствію другъ на друга элементарныхъ, чисто-органическихъ состояній сознанія; и, во-вторыхъ, къ дѣйствію другъ на друга сознательныхъ состояній смѣшаннаго или сложнаго характера. Послѣднія

образуются и развиваются подъ прямымъ и постоянно усиливающимся вліяніемъ основной формы психическаго взаимодѣйствія, почему ихъ и можно разсматривать, какъ продуктъ или неизмѣнный результатъ совмѣстной работы первыхъ проблесковъ «общественности» со всей совокупностью чисто-органическихъ условій.

Къ элементарному нервно-мозговому взаимодѣйствію—назовемъ его психофизическимъ—неизбѣжно присоединяется такимъ образомъ взаимодѣйствіе сложное и производное, которое мы можемъ назвать психологическимъ. Возникновеніе первобытной общественной группы, одновременно и очень неустойчивой, и очень малочисленной, и несовершенной, составляетъ лишь первый, робкій шагъ на пути эволюціи, которой не предвидится конца. Зачаточныя формы общественности являются только средствомъ для достиженія длиннаго ряда цѣлей, болѣе отдаленныхъ и болѣе сложныхъ, между которыми, едва ли не на главномъ мѣстѣ, стоитъ образованіе и развитіе «нравственной личности», т.-е. того микрокосма, который содержитъ въ себѣ, въ маломъ масштабѣ, или, по меньшей мѣрѣ, отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, макрокосмъ, вселенную. Въ строгомъ соотвѣтствіи съ послѣдней цѣлью все шире и глубже становится «психологическое» взаимодѣйствіе, медленная эволюція знаній, вѣрованій, вкусовъ, способовъ поведенія, нравовъ, учрежденій, постепенное развитіе всего того, что лежитъ въ основѣ болѣе прочныхъ, обширныхъ и совершенныхъ общественныхъ союзовъ.

Надорганическія явленія одинаково отличаются какъ отъ психофизическихъ процессовъ, дающихъ имъ начало, такъ и отъ процессовъ психологиче-

скихъ, составляющихъ результатъ тѣснаго сочетанія біологическихъ фактовъ съ общественными. Жизнь въ обществѣ должна быть разсматриваема какъ высшее усложненіе жизни органической. Но условія методологическаго характера, побуждающія біолога не браться за разрѣшеніе задачъ химика, или химика за разрѣшеніе задачъ физика, властно связываютъ и соціолога: успѣшность его изслѣдованій зависитъ прежде всего отъ точнаго разграниченія ихъ съ предметами изученія сосѣднихъ наукъ.

Съ другой стороны, если надорганическое явленіе слѣдуетъ за явленіемъ жизненнымъ, оно всегда предшествуетъ явленію психологическому. Первое положеніе всецѣло содержится уже въ самомъ понятіи надорганическаго явленія, а второе вытекаетъ изъ того факта, что явленія психологическія (сколько-нибудь отвлеченныя или общія идеи, сложныя чувства и т..д.) возможны только въ соціальной средѣ, гдѣ они возникаютъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ предварительнаго сообщенія или передачи отъ одного мозга къ другому, внутри того же зоологическаго вида, представленій, эмоцій, желаній и т. п. очень простыхъ, несложныхъ, не выходящихъ изъ области психофизики.

Наличностью этихъ двухъ отличительныхъ признаковъ вполнѣ оправдывается выдѣленіе надорганическихъ фактовъ въ особую научную категорію. Конечно, можетъ наступить день, когда надорганическія явленія будутъ сводиться безъ остатка къ явленіямъ органическимъ. Но этотъ день, повидимому, не близокъ; и уничтоженіе междунаучныхъ граней можетъ совершиться только въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были установлены. Великій

законъ эволюціи, вытекающій изъ предложенной О. Контомъ классификаціи наукъ, служитъ намъ въ томъ порукой. Прежде чѣмъ «общественность» безслѣдно поглотится «жизнью», послѣдняя сведется всецѣло къ химическимъ явленіямъ; и раньше чѣмъ станетъ излишнимъ слово «жизнь», въ конечной, единой формѣ міровой энергіи исчезнутъ и химическія свойства вещества.

Вотъ почему я такъ настойчиво защищаю идею автономной соціологіи, занимающей въ іерархіи наукъ такое же мѣсто, какое принадлежитъ въ ней біологіи, химіи, физикѣ и математикѣ. И вотъ также почему я считаю возможнымъ развить мое опредѣленіе надорганическаго явленія еще слѣдующимъ образомъ: явленіе это состоитъ въ своеобразномъ превращеніи органической множественности (родъ, племя) въ надорганическое единство (община, государство), сопровождаемомъ обратнымъ превращеніемъ органическаго единства (эгоизмъ, паразитизмъ) въ надорганическую множественность (альтруизмъ, кооперація, солидарность). Такое опредѣленіе — надо ли говорить это?—дѣлаетъ изъ такъ называемаго «нравственнаго» чувства или сознанія основу, исходную точку всякой соціологіи, которая такимъ образомъ вполнѣ отождествляется съ этикой.

Какъ бы то ни было, но мы одинаково отказываемся и отъ замѣны надорганическаго явленія явленіемъ психологическимъ, и отъ признанія перваго простою разновидностью, простымъ измѣненіемъ и продолженіемъ, во времени и пространствѣ, второго.

Надорганическое явленіе, сказали мы, находитъ себѣ выраженіе въ своеобразномъ и могущественномъ вліяніи, какое идеи, чувства, страсти и т. д., зародившіяся въ одномъ или нѣсколькихъ умахъ, оказываютъ на идеи, чувства и т. п., переживаемыя другими умами. Но это вліяніе не только не предполагаетъ прямой связи между психологическими процессами, какъ причиною, и надорганическимъ явленіемъ, какъ слѣдствіемъ, а даже безусловно исключаетъ такое отношеніе. Надорганическое явленіе предшествуетъ, опредѣляя ихъ собою, не только психологическому факту, но и психологическому взаимодѣйствію; ибо, прежде чѣмъ проявиться въ этой болѣе сложной формѣ, оно уже обнаруживается какъ простое психофизическое взаимодѣйствіе. Послѣднее у живыхъ существъ, соединяемыхъ его узами, составляетъ начальный періодъ, первичную стадію, то рѣзко обрывающуюся (зоологическія группы, гдѣ преобладаетъ чистый инстинктъ), то продолжающуюся, развивающуюся въ новую и высшую форму (психологической взаимности, прямого источника всякой человѣческой культуры).

Въ первой, зачаточной своей стадіи надорганическое явленіе развивается изъ факта нервно-мозгового; оно вполнѣ исчерпывается психофизическимъ взаимодѣйствіемъ, управляющимъ тою совокупностью отношеній, которыя извѣстны подъ именемъ половой семьи, выращиванія дѣтей, животной общественности и т. п. Во второй своей стадіи надорганическое явленіе, хотя и не совсѣмъ еще расцвѣтшее, но уже вступившее на путь медленной исторической эволюціи, исходитъ отъ результата,

добытаго опытомъ первой фазы, отъ факта логическаго и одновременно телеологическаго; оно выливается въ форму взаимодѣйствія психологическаго, отъ котораго зависитъ дальнѣйшая судьба человѣчества, или разновидности живыхъ существъ, такъ вѣрно названной (по первому и главному признаку психологическаго взаимодѣйствія — познанію) homo sapiens.

Однимъ словомъ, и даже не прибѣгая къ сравненію психологическаго взаимодѣйствія съ междумолекулярнымъ движеніемъ, составляющимъ, повидимому, сущность химическаго процесса, а психологическаго факта съ движеніемъ внутри-молекулярнымъ, къ которому сводятся, въ концѣ-концовъ, всѣ физическія явленія, мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя совершенно различными разрядами фактовъ. Психологическое взаимодѣйствіе отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ психологическимъ процессомъ или фактомъ. По этому вопросу мы рѣзко расходимся съ современной психологической школой въ соціологіи.

Подобно намъ, эта школа видитъ въ явленіяхъ психологическаго взаимодѣйствія истинный предметъ изслѣдованій соціолога. Но вмѣсто того, чтобы признать съ нами, хотя бы въ видѣ гипотезы, реальность новой, надорганической или соціальной формы мірового бытія, она сознательно игнорируетъ эту сторону вопроса. Можно подумать, что для ея послѣдователей тутъ нѣтъ вопроса или что онъ заранѣе рѣшается отрицательно. Психическое взаимодѣйствіе, на взглядъ сторонниковъ этой школы, составляетъ, повидимому, явленіе, которое и по происхожденію своему, и по существу, всецѣло

принадлежитъ къ разряду психологическихъ фактовъ; искать иного объясненія его есть явное заблужденіе.

Общественное явленіе — лишь одна изъ сторонъ явленія духовнаго и даже, можетъ-быть, лишь простая идея, разсудочный концептъ, то замыкающій психическую жизнь въ тѣсныя рамки индивидуальнаго мозга (въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ психологіей, основанной на психофизикѣ), то раздвигающій эти болѣе или менѣе искусственныя грани, выпускающій психическую жизнь наружу и изучающій ее въ ея многочисленныхъ проявленіяхъ въ различныхъ умахъ (въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ соціологіей). Словомъ, въ глазахъ занимающей насъ школы общественная наука отожествляется съ психологіей, особую (хотя и безмѣрно обширную) главу которой она и составляетъ.

Не говоря о другихъ недостаткахъ и другихъ непослѣдовательностяхъ, этотъ взглядъ на соціологію — нынѣ весьма распространенный — самъ выноситъ себѣ строгій приговоръ уже потому, что, въ свою очередь, признаетъ соціальное происхожденіе и соціальный характеръ психологическаго факта. Наши мысли, чувства и т. п., утверждаетъ разсматриваемая школа, суть въ значительной мѣрѣ продуктъ соціальной среды. Но зачѣмъ понадобился этотъ deus ex machina, и что подъ нимъ разумѣется? Соціальная среда, очевидно, не есть психологическое взаимодѣйствіе, которое, по самому опредѣленію своему, сводится исключительно къ обмѣну между отдѣльными умами мыслей, чувствъ и т. п., уже существующихъ въ тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Подъ «соціальной средою» нельзя понимать также ни внушенія, ни преданія,

ни воспитанія, ни подражанія, т.-е. какъ разъ всѣхъ тѣхъ условій, которыми опредѣляется и направляется указанный выше обмѣнъ между умами. Остается предположить, что «соціальная среда» выступаетъ въ роли дѣятельной причины уже въ томъ раннемъ фазисѣ развитія, когда органическія силы однѣ вырабатываютъ въ индивидуальныхъ умахъ явленія идейнаго и эмоціальнаго характера, переживаемыя этими умами. Но если это такъ, если образованіе идеологическихъ продуктовъ одинаково зависитъ и отъ среды или условій органическихъ, и отъ среды или условій надорганическихъ, то споръ, возбуждаемый нашей основной гипотезой, можно, повидимому, считать рѣшеннымъ въ ея пользу. «Общественный фактъ», неизмѣнно выражающійся въ психологическомъ взаимодѣйствіи, находитъ себѣ полное объясненіе въ совокупности надорганическихъ условій, образующихъ такъ называемую соціальную среду.

Вникнемъ глубже въ этотъ вопросъ. Неоднократно и справедливо было замѣчено, что «первые или наиболѣе ранніе соціологи, естественно, ради упрощенія дѣла, стремились открыть такой основной рядъ фактовъ, къ которому можно было бы свести всѣ остальныя категоріи ихъ». Въ глазахъ Монтескье, позднѣе Гердера, а въ сравнительно недавнее время Бокля, Льва Мечникова и Демолэна, главнымъ или господствующимъ соціальнымъ факторомъ являются климатъ, почва, географическія очертанія страны, ея физическія условія; въ глазахъ физіократовъ и экономистовъ XVIII вѣка, а равно и современныхъ марксистовъ, ту же роль играетъ производство матеріальныхъ цѣнностей; Дюркгеймъ и его школа сводятъ

все къ экономическому же процессу раздѣленія труда; Максимъ Ковалевскій и Костъ — къ факту отчасти экономическому, отчасти біологическому,— росту населенія, и такъ далѣе. Съ другой стороны, Ог. Контъ, слѣдуя по пути, открытому Тюрго и въ особенности Сенъ-Симономъ, смотрѣлъ на исторію съ болѣе широкой точки зрѣнія. Человѣческій умъ— явленіе психологическое по преимуществу—онъ возводилъ въ главный факторъ или «производитель» исторической эволюціи; но это, утверждаютъ его послѣдователи, нисколько не помѣшало ему сохранить за соціальнымъ явленіемъ вполнѣ объективный, независимый характеръ (3).

По слѣдамъ Конта пошли двѣ школы: во-первыхъ, приверженцы органической теоріи—многочисленная группа ученыхъ со Спенсеромъ во главѣ,—группа, въ которой можно упомянуть еще о Шеффле, Лиліенфельдѣ, Гумпловичѣ, Летурно, Мужолѣ, Вормсѣ, Новиковѣ и др.; а затѣмъ еще болѣе значительная но менѣе однородная группа психо-соціологовъ, насчитывающая въ своихъ рядахъ такихъ блестящихъ представителей, какъ Лацарусъ, Штейнталь, Іерингъ, де-Греефъ, Фулье, Тардъ, Зиммель, Лестеръ Уордъ, Балдуинъ и др. (не говоря уже объ итальянскихъ, о нѣсколькихъ русскихъ и о молодыхъ французскихъ соціологахъ этого же лагеря). Изъ противорѣчивыхъ посылокъ Конта эти двѣ школы вывели различное заключеніе. Послѣдователи органической теоріи, оставаясь вѣрными ученію, видѣвшему въ психологіи простую отрасль біологіи, стремились отожествить общественный союзъ съ живымъ организмомъ. А психо-соціологи, отрицавшіе правильность біологическаго тезиса Конта,

старались выдвинуть второе допущенное имъ равенство, именно тожество психологическаго факта съ явленіемъ соціальнымъ.

Явное противорѣчіе, лежащее въ основѣ теоріи Конта (какъ примирить отвлеченный характеръ или «несводимость» соціальнаго явленія съ полнымъ приравненіемъ его къ психологическому фактору, уже отожествленному съ жизненнымъ явленіемъ?), заставило меня отдѣлиться отъ Конта въ этомъ вопросѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, имѣющихъ, быть-можетъ, еще большее философское значеніе. Но такой расколъ не приблизилъ меня къ одному изъ двухъ направленій, которыя въ этомъ важномъ вопросѣ поставили себѣ, повидимому, задачей подчеркнуть и ярко обнаружить, каждое съ своей точки зрѣнія, ложность логическаго круга, описаннаго мыслью основателя позитивной философіи.

Психологическій фактъ не есть фактъ чисто-мозговой, какъ утверждалъ неоднократно Контъ, за которымъ по этому пути пошла вся школа современныхъ виталистовъ. Это также не простой и элементарный фактъ, являющійся послѣднимъ объяснительнымъ ключомъ къ безчисленнымъ осложненіямъ соціальнаго міра и его исторіи, какъ, противорѣча самому себѣ, утверждалъ въ другихъ случаяхъ тотъ же великій мыслитель, а за нимъ его ученики, принадлежащіе къ новѣйшей психологической школѣ. Но это фактъ сложный, б і о - с о ц і а л ь н ы й. Рядъ явленій, образующихъ то, что называется «духомъ» или «разумомъ», есть конкретный результатъ тѣснаго сочетанія органическихъ свойствъ, изучаемыхъ біологіей, съ надорганическими свойствами, изслѣдовать которыя и должна особая, осно-

ванная ad hoc отвлеченная наука. Отсюда получается выводъ: надорганическое явленіе, которое ex definitione не можетъ быть слѣдствіемъ своего собственнаго слѣдствія (т.-е. психологическаго факта), необходимо должно имѣть независимую отъ послѣдняго причину, или еще, какъ Богъ Спинозы, быть своею собственною причиною. А такъ какъ безъ наименованія вещей нельзя сдѣлать и шагу въ ихъ изученіи, то такой самодовлѣющей причинѣ я и даю названіе общественности (которое нахожу выразительнѣе термина «соціальный психизмъ», также употреблявшагося мною).

Мои читатели знаютъ, что̀ именно я понимаю подъ этимъ словомъ. Я имѣю въ виду новую и до поры, до времени несводимую къ болѣе простымъ элементамъ форму мірового бытія. Но понятію «общественности» я не придаю никакого метафизическаго значенія. Все въ немъ сводится къ слѣдующему простому наблюденію или замѣчанію.

Подобно всѣмъ прочимъ явленіямъ въ природѣ, и надорганическіе факты суть, по самой сущности своей, лишь отношенія, схватываемыя нами между предметами. Эти отношенія служатъ распознанію вещей путемъ либо различенія ихъ другъ отъ друга, либо сближенія ихъ другъ съ другомъ. Мы такимъ образомъ квалифицируемъ, классифицируемъ, обобщаемъ явленія (распредѣляемъ ихъ на «виды», на «классы», на «роды»). И всякій разъ, какъ эти отношенія, освѣщая тѣ или другіе факты, не даютъ однако возможности включить послѣдніе въ болѣе обширный или уже извѣстный классъ, мы называемъ ихъ несводимыми, мы дѣлаемъ ихъ предметомъ основной или отвлеченной науки. Но

именно таковыми представляются намъ и отношенія, надъ которыми работаетъ мысль соціолога.

Этимъ отношеніямъ мы склонны придавать двоякій характеръ. Одни, болѣе простыя, являются въ нашихъ глазахъ результатомъ встрѣчи психофизическихъ энергій одиноко стоящихъ, изолированныхъ живыхъ существъ. Въ этомъ первичномъ взаимодѣйствіи мы видимъ процессъ «альтруизаціи» сознанія, ведущій къ образованію разума, уже различающаго «средства» отъ «цѣлей»; иначе говоря, мы видимъ въ немъ далекій источникъ нашихъ идей и нравственныхъ чувствъ. Другія отношенія, болѣе сложныя, образуются какъ результатъ встрѣчи уже новыхъ, измѣненныхъ психическихъ теченій, возникшихъ подъ вліяніемъ альтруизма или первоначальнаго нравственнаго чувства. И въ этомъ вторичномъ или производномъ взаимодѣйствіи, группирующемъ и соединяющемъ уже, такъ сказать, «обобществленныя» сознанія, мы усматриваемъ непосредственную причину всѣхъ дальнѣйшихъ проявленій культуры или цивилизаціи (4).

Этотъ первый и бѣглый анализъ достаточно выдвигаетъ и подчеркиваетъ ту видную роль, какую въ изслѣдованіяхъ соціолога играетъ болѣе поздняя и окончательная форма «общественности» — психологическое взаимодѣйствіе. Оно является въ этой области знанія дѣйствительно рѣшающимъ элементомъ, что особенно замѣтно, когда въ соціологіи отъ статики (изучающей условія соціальнаго« существованія») переходятъ къ динамикѣ (изучающей условія соціальнаго «развитія»). Здѣсь, въ силу своихъ телеологическихъ наклонностей, нашъ разумъ устанавливаетъ между эволюціей обществъ и умственной

эволюціей отношеніе, какъ разъ обратное тому, какое онъ въ статическихъ изслѣдованіяхъ устанавливаетъ между соціальнымъ фактомъ и психическимъ явленіемъ. Но динамическая точка зрѣнія будетъ всегда преобладать въ анализахъ соціолога, и телеологическій методъ (къ разсмотрѣнію котораго мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ) сохранитъ тутъ всегда, безъ сомнѣнія, извѣстную долю своей нынѣшней цѣнности.

Подведемъ итогъ сказанному выше. Надорганическія явленія выводятъ насъ за предѣлы явленій органическихъ, подобно тому, какъ послѣднія выводятъ насъ за предѣлы явленій неорганическихъ. Но это не мѣшаетъ каждому послѣдующему ряду явленій служить продолженіемъ ряда предыдущаго. Всѣ ступени бытія такъ тѣсно примыкаютъ другъ къ другу, что можно было бы, въ сущности, опредѣлить физику какъ «физическую математику», химію, какъ «химическую физику», біологію, какъ «живую химію», и соціологію, какъ «надорганическую біологію». Къ тому же, опредѣленія, которыя даются нынѣ физическимъ и химическимъ свойствамъ вещества, или опредѣленія, даваемыя жизни, едва ли еще не болѣе неясны и шатки, чѣмъ намѣченное выше разграниченіе между органическимъ и надорганическимъ фактами. Не будемъ же останавливаться на защитѣ логическихъ основъ нашего взгляда противъ не только возможныхъ, но и необходимыхъ и всегда полезныхъ возраженій; и постараемся лишь точнѣе выяснить и установить смыслъ главныхъ терминовъ, нами употребляемыхъ.

Надорганическое явленіе всегда неизмѣнно сводится къ факту психофизическаго или психологиче-

скаго взаимодѣйствія. Но мы можемъ разсматривать его съ трехъ точекъ зрѣнія: какъ явленіе, отличное въ равной мѣрѣ отъ явленія органическаго и отъ явленія неорганическаго; какъ явленіе, связанное съ одними лишь фактами жизненнаго порядка; или, наконецъ, какъ явленіе, соединенное одновременно и съ органическими и съ неорганическими явленіями. Въ первомъ случаѣ мы разсматриваемъ его какъ фактъ *отвлеченный*; въ двухъ остальныхъ— какъ фактъ *конкретный*. И естественно, что если мы захотимъ *познать* его со всѣхъ сторонъ, мы должны будемъ изучать его, становясь поочередно на каждую изъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія. Отъ отвлеченной науки, *единой* по опредѣленію (для каждаго основного разряда явленій), мы должны будемъ перейти къ наукѣ конкретной, которая въ частномъ случаѣ, насъ занимающемъ, *раздвояется*, развѣтвляется на двѣ различныя отрасли знанія.

Мы не намѣрены поднимать здѣсь вновь стараго и безплоднаго спора между номинализмомъ и реализмомъ. Въ глазахъ нашихъ оба тезиса имѣютъ почти одинаковую цѣнность. Наименьшій изъ присущихъ имъ недостатковъ состоитъ въ томъ, что они основаны на грубомъ недоразумѣніи, возникшемъ на почвѣ поверхностной гносеологіи схоластическаго періода. Ограничимся лишь замѣчаніемъ, что утверждать *нереальность* отвдеченнаго явленія ради того, чтобы выдвинуть, увеличить или усилить *реальность* конкретнаго факта, представляется попыткой, прямо идущей противъ цѣли, которую ставитъ себѣ номиналистъ; но одинаковаго упрека заслуживаетъ и наивная попытка реалиста, старающагося, на-

оборотъ, уменьшить значеніе конкретнаго факта ради возвеличенія отвлеченной идеи. Эта двойная игра съ соотносительными понятіями цѣлаго и его части, поперемѣнно вытѣсняющая изъ поля нашего зрѣнія то одно, то другое понятіе, является еще до сихъ поръ основой или внутреннимъ ядромъ многихъ извѣстныхъ теорій познанія. Но въ точной наукѣ игра эта не находитъ себѣ мѣста. Ни біологъ, ни химикъ, ни физикъ не станутъ тратить время на препирательство о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ считать пустыми фикціями, словесными отвлеченіями жизнь, химическое сродство, тяготѣніе или движеніе (законы которыхъ они не перестаютъ открывать и формулировать). Между тѣмъ, всецѣло ушедшіе и погруженные въ міръ изучаемыхъ ими, тысячью искусныхъ способовъ, конкретныхъ формъ и фактовъ, эти ученые, повидимому, могли бы гораздо скорѣе и легче, чѣмъ метафизики познанія, удовлетворить въ этомъ отношеніи нашу любознательность.

Соціологъ поступитъ мудро, если послѣдуетъ ихъ примѣру. Въ свою очередь, онъ посвятитъ всѣ свои силы тщательному анализу тѣхъ конкретныхъ сочетаній фактовъ, въ которыхъ можетъ быть открыто и установлено, съ помощью точныхъ экспериментальныхъ пріемовъ, присутствіе абстрактнаго явленія, всего болѣе его интересующаго, т.-е. общественности (простого или сложного психическаго взаимодѣйствія). Эта конкретная «дѣйствительность» обнимаетъ собою: 1) огромную массу фактовъ и процессовъ психологическихъ, и 2) безчисленное множество фактовъ и процессовъ историческихъ (прошедшихъ или современныхъ, которые, раскрывая психическую жизнь уже исчезнувшихъ или еще живущихъ

поколѣній, обыкновенно одни только носятъ названіе явленій общественныхъ).

Въ первой категоріи фактовъ, состоящей изъ явленій сравнительно простыхъ, аналитическая мысль констатируетъ сліяніе, тѣсное сочетаніе двухъ родовъ отвлеченныхъ элементовъ: 1) жизни (той специфической черты, которая отличаетъ органическія свойства матеріи отъ неорганическихъ); 2) первобытной общественности, или исключительно психофизическаго взаимодѣйствія (специфической особенности, отличающей надорганическія свойства отъ органическихъ).

Во второй категоріи, наполненной сложными фактами, распредѣляемыми отвлеченной мыслью на отдѣльныя группы, извѣстныя подъ именемъ фактовъ научныхъ, фактовъ религіозныхъ или философскихъ, фактовъ эстетическихъ и, наконецъ, фактовъ практическихъ или цѣлесообразныхъ (дѣлящихся, въ свою очередь, на факты техническіе, экономическіе, правовые, политическіе и т. д.),—та же научная мысль, стремясь проникнуть въ сущность этихъ явленій, открываетъ наличность и совмѣстное дѣйствіе трехъ родовъ отвлеченныхъ элементовъ: 1) болѣе полной и широкой или развитой общественности, проявляющейся въ видѣ взаимодѣйствія, уже вступившаго въ психологическую стадію; 2) жизни, или концепта, объединяющаго всѣ проявленія органическихъ силъ и свойствъ въ природѣ, и 3) механической энергіи, движенія, или концепта, объединяющаго всю совокупность физико-химическихъ и количественныхъ свойствъ вещей. Общественные факты и ихъ высшее и наиболѣе конкретное выраженіе — личность или общественная особь, играютъ

тутъ такимъ образомъ, въ полномъ смыслѣ слова, роль настоящаго, подлиннаго «микрокосма».

Изучая конкретныя явленія, содержащія въ себѣ, какъ цѣлое заключаетъ свою часть, этотъ абстрактный элементъ—«общественность», соціологъ преслѣдуетъ одну цѣль: познаніе законовъ психическаго взаимодѣйствія. И потому онъ особенно старательно наблюдаетъ тѣ факты, въ которыхъ это взаимодѣйствіе, соединяясь съ двумя другими основными видами энергіи въ природѣ, выражается съ наибольшей силою и яркостью, именно факты, обыкновенно называемые историческими. Ихъ совокупность составляетъ обширную область — естественную исторію обществъ, являющуюся главнымъ полемъ изслѣдованій соціолога, огромной лабораторіей, въ которой его анализъ стремится побороть эмпирическое препятствіе: конкретную смѣсь явленій. Главнымъ полемъ, но не единственной ареной: ибо соціологъ, какъ мнѣ кажется, долженъ одинаково умѣть направлять свое изслѣдованіе и въ сторону болѣе простыхъ, психологическихъ фактовъ.

Изслѣдуя содержаніе индивидуальныхъ сознаній, онъ долженъ умѣть выдѣлять въ нихъ тотъ образующій ихъ элементъ, которому мы дали выше названіе психофизическаго взаимодѣйствія. Его задача отъ этого не сольется съ задачей психолога, которому прійдется анализировать ту же сумму конкретныхъ фактовъ съ совершенно иной точки зрѣнія.

Психологъ также изучаетъ измѣнчивыя суммы надорганическихъ свойствъ, обнаруживаемыя живыми существами; онъ, въ свою очередь, изслѣдуетъ содержаніе индивидуальныхъ сознаній; но вмѣсто того, чтобы разсматривать послѣднія, подобно со-

ціологу, въ ихъ внѣшнихъ и взаимныхъ отношеніяхъ и въ тѣхъ фактахъ, въ которыхъ такія отношенія воплощаются, онъ изучаетъ ихъ внутреннюю связь, онъ стремится раскрыть глубокій механизмъ мысли, онъ объясняетъ его устройство и прогрессивное или регрессивное развитіе. Имѣя передъ собой тѣ же конкретные факты, онъ разрабатываетъ ихъ иначе, чѣмъ соціологъ, съ помощью цѣлаго ряда методологическихъ пріемовъ, ведущихъ къ иной цѣли. Словомъ, если соціологія есть наука абстрактная и, слѣдовательно, по преимуществу индуктивная, то психологія есть наука конкретная и потому, по необходимости, дедуктивная (5).

Это различеніе освѣщаетъ многія темныя стороны въ занимающемъ насъ вопросѣ. Оно даетъ возможность, напримѣръ, понять истинную причину того застоя, въ какомъ коснѣютъ изслѣдованія психологическія (въ отличіе отъ изслѣдованій психофизическихъ, входящихъ въ область біологіи). Въ самомъ дѣлѣ, уже теперь можно, повидимому, сказать, что будущіе успѣхи элементарной конкретной соціологіи, носящей названіе «психологіи», должны зависѣть, главнымъ образомъ, отъ открытія, въ абстрактной соціологіи, наиболѣе общихъ законовъ надорганическаго явленія. До тѣхъ поръ, пока эти законы не будутъ точно установлены, психологія останется тѣмъ, чѣмъ она является въ настоящее время: знаніемъ эмпирическимъ и поверхностнымъ, часто даже словеснымъ и, во всякомъ случаѣ, радикально неспособнымъ дать намъ разумное объясненіе соотвѣтствующихъ фактовъ. То же самое должно будетъ произойти и съ другою конкретною вѣтвью соціологіи, еще болѣе обширною и болѣе

сложною,—съ естественною исторіей обществъ. Чтобы окончательно превратиться въ ихъ «естественную науку», ей нужно будетъ опереться на свою отвлеченную основу, — на знаніе главныхъ законовъ, управляющихъ психическимъ взаимодѣйствіемъ(5 *bis*).

Остановимся на нѣсколько минутъ передъ другою стороной задачи, имѣющей цѣлью выясненіе истинныхъ отношеній соціологіи къ психологіи, передъ вопросомъ о «соціальной специфичности», отличной отъ «специфичности жизненной». Лежащее въ глубокой основѣ классификаціи отвлеченныхъ наукъ Огюста Конта, это существенное различеніе обезцвѣчивается и почти исчезаетъ, какъ мы видѣли, подъ перомъ самого автора Курса позитивной философіи, вслѣдствіе неясности взглядовъ этого мыслителя на природу психологическаго явленія.

Въ эпоху Конта, и даже четверть вѣка позднѣе, никто не допускалъ специфичности соціальнаго факта; *такому рѣшенію вопроса обыкновенно* противополагали мнимую неразложимость духовнаго явленія. Но въ это-то время и появились первые соціологическіе этюды, въ которыхъ, формулируя мою теорію абстрактнаго и конкретнаго знанія, я изложилъ свою гипотезу о сложномъ происхожденіи и двойственной природѣ психологическихъ явленій и процессовъ.

Съ той поры вопросъ о специфичности соціальнаго факта (поднятый, но не разрѣшенный ни Контомъ ни его ученикомъ Литтре) часто и съ разныхъ точекъ зрѣнія привлекалъ вниманіе *изслѣдователей* общественныхъ явленій. И въ наши дни онъ воскресаетъ вновь, *озабочивая* соціологовъ, принимая даже,

въ глазахъ наиболѣе компетентныхъ представителей молодой общественной науки, острый характеръ, превращаясь въ гамлетовскую дилемму: «быть или не быть» автономной соціологіи? (6).

Я думаю, что соціологи не ошибаются, выдвигая на главный планъ этотъ вопросъ первостепеннаго значенія. Но я думаю также, что они хорошо сдѣлали бы, если бъ расширили его рамки такъ, чтобы въ одной формулѣ обнять не только соціальную специфичность, въ отличіе отъ специфичности жизненной, но и эту послѣднюю, въ отличіе отъ специфичности механической. Ибо трудность рѣшенія одинакова въ обоихъ случаяхъ, и будучи преодолѣна въ одномъ направленіи, она въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ характеръ непреоборимаго препятствія и на другомъ пути. Впрочемъ, и переходя отъ словъ къ дѣлу, вотъ какимъ образомъ я понимаю постановку этого капитальнаго вопроса въ самомъ общемъ видѣ; и вотъ то рѣшеніе, остающееся, само собою разумѣется, гипотетическимъ, какое я предлагаю дать ему.

Автогенезисъ духа или его содержанія, идеологическаго, эмоціональнаго и волевого, представляется мнѣ ученіемъ, котораго нельзя нынѣ отстаивать, не впадая въ цѣлую бездну противорѣчій. И психофизическія явленія, происходящія въ человѣческомъ мозгу, и заключающіяся въ немъ возможности психологическихъ и соціальныхъ фактовъ и событій,—все это притекаетъ въ мозгъ извнѣ, все это должно быть разсматриваемо какъ вполнѣ «адекватный» продуктъ или результатъ окружающаго насъ міра (согласно съ единственно правильнымъ толкованіемъ основоначальнаго отношенія: міръ есть

моё или наше представленіе о мірѣ). Но всеобнимающая природа, вездѣсущая мезологическая дѣйствительность поддается расчлененію со стороны отвлеченнаго анализа; и разумъ, занимающійся этимъ раздробительнымъ процессомъ, заставляетъ насъ отыскивать основныя начала, послѣдніе элементы, которые, образуя міръ, образуютъ тѣмъ самымъ и насъ въ немъ; онъ побуждаетъ насъ, сверхъ того, къ установленію между ними причинной связи, къ распредѣленію ихъ въ извѣстномъ порядкѣ—именно въ томъ, въ какомъ они появляются и воспроизводятся наиболѣе постояннымъ образомъ въ нашемъ сознаніи.

Послѣдуемъ призыву разума. Вселенная (оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ея безконечности) можетъ быть, какъ намъ кажется, въ послѣднемъ анализѣ, наглядно изображена въ видѣ трехъ концентрическихъ сферъ. Внѣшняя сфера охватываетъ міръ физико-химическихъ явленій; она обнимаетъ всѣ свойства и признаки (число и мѣра, время и пространство, послѣдовательность и сосуществованіе), совокупность которыхъ образуетъ не матерію, противоположную духу или идеѣ, какъ говорится обыкновенно, а міръ въ его недифференцированной цѣлости. Въ этотъ периферическій кругъ вписана первая внутренняя сфера, наполненная тою же міровою «являемостью», но уже видоизмѣненною или развившеюся, подвергшеюся особому процессу, который можно назвать организаціей. Этотъ процессъ развитія представляетъ неизвѣстную величину, таинственный X, который нашъ разумъ, опираясь на опытъ, и стремится раскрыть и измѣрить — наперекоръ всѣмъ настоятельнымъ доводамъ, имѣ-

ющимъ цѣлью доказать глубокую тщету такого предпріятія. Въ ограниченную указаннымъ выше образомъ область, въ біологическую сферу включается, наконецъ, и послѣдній концентрическій кругъ: онъ содержитъ міровую «являемость» не только организованную, но претерпѣвшую еще новое измѣненіе, прошедшую чрезъ новую стадію развитія, которую можно обозначить терминомъ соціализація (обобществленіе). И этотъ процессъ, въ свою очередь, представляется намъ неизвѣстной величиной, иксомъ той задачи, къ разрѣшенію которой стремятся соціологи, моралисты, психологи, всѣ вообще изслѣдователи центральной области надорганическихъ явленій.

Организація и соціализація—таковы два великія русла, въ которыя послѣдовательно вливается однообразный потокъ механическихъ явленій, прежде чѣмъ снова предстать предъ нашимъ взоромъ, сначала въ безконечной пестротѣ и чарующемъ разнообразіи жизненнаго факта, а затѣмъ въ еще болѣе интересномъ и, можетъ-быть, еще болѣе загадочномъ обликѣ факта надорганическаго, энергіи сознательной, силы разсудочной, коллективной или индивидуальной.

Я упомянулъ сейчасъ о неизмѣнной постепенности развитія. Дѣйствительно, надорганическое явленіе всегда слѣдуетъ за органическимъ, а это послѣднее за механическимъ. Обратный порядокъ не имѣетъ мѣста въ природѣ. Можно, поэтому, предположить, что оба указанные выше «перелома», если позволено будетъ такъ выразиться, въ непрерывной эволюціонной цѣпи сводятся, въ концѣ-концовъ, къ единому, но повторяющемуся два раза, основному

процессу. И сущность его можно представить себѣ какъ взаимодѣйствіе, происходящее сначала между основными элементами однихъ только механическихъ фактовъ и событій, и наступающее затѣмъ еще разъ, но уже между фактами и событіями, которые являются конечнымъ результатомъ перваго взаимодѣйствія. Въ одномъ случаѣ, въ процессѣ «организаціи», механическая энергія, локализованная внутри нѣкоторыхъ химическихъ тѣлъ и развиваемая ими (номенклатура такихъ тѣлъ уже довольно точно установлена), дѣйствуетъ по направленію отъ одного химическаго центра силы къ другому и обратно, согласно общему правилу, путемъ прямого соприкосновенія. Въ другомъ случаѣ, въ процессѣ «соціализаціи», та же энергія, но уже видоизмѣненная первымъ взаимодѣйствіемъ и локализованная внутри нѣкоторыхъ гистологическихъ элементовъ (наиболѣе цѣнные образчики которыхъ представляетъ намъ человѣческій мозгъ) вліяетъ и дѣйствуетъ по направленію отъ одного жизненнáго центра силы къ другому и обратно, согласно общему правилу, уже на разстояніи.

Какъ видно, небольшое количество всегда равныхъ или одинаковыхъ условій, присоединяясь другъ къ другу или повторяясь, постепенно измѣняютъ первичныя свойства всеобщаго или механическаго бытія. И именно постоянный (не зависящій отъ нашей воли) характеръ этихъ условій и порождаетъ въ нашемъ умѣ понятіе о «жизни», какъ о формѣ бытія, отличной отъ явленій механическихъ, и понятіе объ «общественности», какъ о формѣ бытія, отличной отъ жизненныхъ явленій. И оба эти понятія остаются вполнѣ законными до тѣхъ поръ,

пока имъ не придается какого-либо иного смысла. Что же касается самаго процесса эволюціи, или процесса двойного «взаимодѣйствія», опредѣляемаго указанными сейчасъ общими причинами, то онъ несомнѣнно стремится къ установкѣ прочной и тѣсной связи между живымъ организмомъ и обществомъ. Дѣйствительно, если можно сказать, что жизнь *соціализируетъ* нѣкоторые виды энергіи механической, то съ не меньшимъ правомъ можно утверждать, что задачей общества является *организація* нѣкоторыхъ формъ энергіи жизненной.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но подобно тому, какъ великій фактъ *организаціи* служитъ точкой отправленія для абстрактной науки, изучающей явленія растительной и животной жизни, такъ и великій фактъ *соціализаціи* служитъ исходною точкой для другой абстрактной науки, изучающей результаты коллективнаго и индивидуальнаго мышленія и поведенія.

Первая изъ этихъ наукъ обнимаетъ весь міръ органическихъ явленій, а вторая — весь міръ явленій надорганическихъ, включающій въ себѣ какъ событія и факты, относящіеся къ такъ называемой коллективной психологіи, такъ и событія и факты, которыми занимается такъ называемая индивидуальная психологія. Однако въ этомъ послѣднемъ отношеніи нельзя не сдѣлать одного весьма существеннаго различенія.

Въ области явленій перваго порядка, взаимодѣйствіе, сближая и объединяя психофизическіе элементы, разсѣянные въ отдѣльныхъ біологическихъ особяхъ, успѣваетъ развить многообразныя формы коллективной психики и существенно вліяетъ, та-

кимъ образомъ, на реальное возникновеніе соотвѣтственныхъ соціальныхъ группъ (семьи, племени, касты, класса, націи и т. д.); причемъ весь процессъ совершается открыто и прямымъ путемъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, съ первичною, самопроизвольною формою развитія, зависящей единственно отъ общихъ условій, управляющихъ всякою, безразлично, эволюціей. Коллективная психологія поэтому легко находитъ себѣ мѣсто среди главныхъ отраслей отвлеченной соціологіи, гдѣ она вполнѣ сливается съ этикой, съ изученіемъ нравовъ, отношеній между членами одной и той же или различныхъ общественныхъ группъ.

Дѣло обстоитъ иначе съ психическими фактами, носящими названіе индивидуальныхъ (и уже дифференцированныхъ отъ чисто-біологическихъ, нервно-мозговыхъ процессовъ). Разъ только между этими двумя сосѣдними рядами явленій проведена точная граница, становится очевиднымъ, что фактъ психологическій, въ отличіе отъ психофизическаго, можетъ возникнуть и проявиться только въ умахъ, уже связанныхъ съ другими умами, уже вошедшихъ въ составъ одной или нѣсколькихъ болѣе или менѣе сильныхъ и развитыхъ общественныхъ группъ.

Другими словами, психологическое явленіе необходимо предполагаетъ предварительное существованіе одной или нѣсколькихъ коллективныхъ психикъ, уже наложившихъ свою печать на церебральныя силы отдѣльныхъ біологическихъ особей. Изъ чего слѣдуетъ, что общественность, сближая и объединяя или организуя и систематизируя, согласно нашему опредѣленію, разсѣянные въ мірѣ нервно-мозговые

элементы, лишь продолжаетъ или совершенствуетъ то самое дѣло, которое уже было начато ею при болѣе общихъ и простыхъ условіяхъ. Въ психологическомъ фактѣ взаимодѣйствіе умовъ обнаруживается не прямо, а чрезъ посредство этико-коллективнаго психизма; а потому такой фактъ и представляется всегда явленіемъ, по существу своему, производнымъ, — объектомъ повторной и сложной эволюціи. Фактъ этотъ, сверхъ того, остается всегда двустороннимъ. Въ немъ легко найти яркій слѣдъ тѣхъ двухъ вліяній, которыя сочетались чтобы образовать его: а именно, вліянія общественной группы, коллективной психики, о которой я только что говорилъ, и вліянія наслѣдственныхъ расположеній и органическихъ идіосинкразій нервно-мозгового вещества.

Таковы, вкратцѣ, главныя основанія, внушившія мнѣ убѣжденіе, что такъ называемая индивидуальная психологія могла бы только выиграть, если бы ее отдѣлили отъ абстрактной соціологіи; или что первая должна образовать въ настоящее время описательную дисциплину, подобную полуконкретнымъ отраслямъ знанія (ботаника, зоологія и т. д.), снабжающимъ извѣстными точными данными отвлеченную науку о жизни; все это въ ожиданіи того времени, когда, благодаря успѣхамъ соціологіи и біологіи, психологія разовьется въ настоящее конкретное знаніе, т.-е. превратится въ науку производную, скорѣе дедуктивную, чѣмъ индуктивную, которая будетъ изучать духовныя функціи человѣка при свѣтѣ какъ органическихъ условій и законовъ мышленія, такъ и историческихъ условій и законовъ общественной эволюціи.

Но признаніе конкретнаго характера психологіи отнюдь не влечетъ за собою исключенія изъ области абстрактной соціологіи самихъ психологическихъ фактовъ. Эти факты, оставаясь коллективными или становясь индивидуальными, заполняютъ собою, на самомъ дѣлѣ, всю соціологію. Равнымъ образомъ, всякаго рода космическіе факты и конкретныя біологическія явленія, фауна и флора земного шара, составляютъ реальное содержаніе, истинный объектъ, съ одной стороны, наукъ неорганическаго міра (физики и химіи), а съ другой — абстрактной науки о жизни.

Я говорилъ уже о томъ, что соціологъ въ своихъ изслѣдованіяхъ становится на совершенно иную точку зрѣнія, чѣмъ психологъ. Прибавлю, что хотя въ согласіи съ послѣднимъ онъ и видитъ въ индивидуальныхъ психическихъ явленіяхъ совокупный продуктъ жизни (или физико-химическаго взаимодѣйствія) и «общественности» (или взаимодѣйствія психофизіологическаго), однако онъ отнюдь не преслѣдуетъ задачи опредѣленія доли участія каждаго изъ этихъ составныхъ элементовъ, или общихъ законовъ, ими управляющихъ, въ образованіи конкретнаго явленія. Эту заботу онъ предоставляетъ психологу.

Но онъ разсматриваетъ индивидуальныя психическія явленія какъ высшее выраженіе, какъ наиболѣе драгоцѣнный результатъ этико-соціальной эволюціи, составляющей главный предметъ его изученія. Телеологическое строеніе человѣческаго ума побуждаетъ его, сверхъ того, придавать всѣмъ такимъ явленіямъ — идеямъ, чувствамъ, желаніямъ, страстямъ и т. п. — разумный смыслъ, приписывать

имъ характеръ мотивовъ, необходимыхъ условій, опредѣляющихъ нашу волю и нашу дѣятельность. Содержаніе индивидуальной психологіи, въ глазахъ соціолога, превращается такимъ образомъ въ цѣлый рядъ конечныхъ причинъ, способныхъ вызвать и породить не тѣ или другіе, безразлично, соціальные факты—ибо содержаніе это является само соціальнымъ фактомъ,—но исключительно одну категорію такихъ фактовъ, извѣстную подъ именемъ поведенія. Иначе говоря, субъективные или «личные» психологическіе факты пріобрѣтаютъ въ научной и объективной соціологіи вполнѣ опредѣленное значеніе. Ихъ вліяніемъ соціологъ «объясняетъ» наиболѣе видную, если не наиболѣе важную часть общественныхъ процессовъ, а именно, все то, что въ этихъ процессахъ носитъ названіе факта въ строгомъ смыслѣ слова,—событія уже совершившагося, ставшаго историческимъ, или же совершающагося, т.-е. современнаго (6 *bis*).

ГЛАВА III.

Свойственный соціологическому изслѣдованію спеціальный повѣрочный методъ.

Индуктивный (или историческій) методъ въ соціологіи. — Дедуктивный методъ.— Потребность въ раціональномъ объясненіи.— Обратная индукція или телеологическій методъ.— Логическая категорія конечныхъ причинъ.—Возвратъ къ причинной точкѣ зрѣнія.— Монизмъ и телеологія.

Перейдемъ ко второй существенной части нашего соціологическаго ученія.

Дедуктивный методъ, оказывающій такія большія услуги наукамъ зрѣлымъ, богатымъ широкими, много разъ провѣренными обобщеніями, и играющій также преобладающую роль въ наукахъ конкретныхъ, какъ, напримѣръ, въ психологіи, гдѣ всѣ «единообразія сосуществованія и послѣдовательности» выводятся изъ болѣе общихъ законовъ, установленныхъ другими отраслями знанія,— этотъ методъ весьма мало пригоденъ въ начальныхъ періодахъ развитія абстрактныхъ наукъ, въ родѣ біологіи и соціологіи. Здѣсь индуктивный методъ одинъ только и можетъ привести насъ къ сколько-нибудь достовѣрнымъ результатамъ.

Современный соціологъ изучаетъ общественныя явленія, подобно натуралисту, такъ называемымъ объективнымъ путемъ, употребляя историческій методъ утвержденія факта и статистическій методъ сравненія его съ другими фактами. Онъ долженъ наблюдать и классифицировать сложные общественные состоянія и процессы развитія, онъ долженъ анализировать ихъ, расчленять, пытаться выдѣлить изъ нихъ состоянія и эволюціонные процессы все болѣе и болѣе простые. Онъ не долженъ замыкаться на первыхъ же шагахъ въ исключительное созерцаніе того, что называется внутренней или интимной психологіей обыкновенныхъ и необыкновенныхъ участниковъ историческихъ драмъ. Поступая такимъ образомъ, онъ найдетъ извѣстное число эмпирическихъ общественныхъ законовъ. И только тогда ему можно будетъ съ пользою приступить къ удовлетворенію потребности въ раціональномъ объясненіи фактовъ (въ приспособленіи внѣшнихъ событій къ внутреннему механизму нашей мысли). Но тутъ, чтобы включить въ разрядъ логическихъ явленій тѣ сходства и различія, тѣ данныя наблюденія и опыта, въ которыхъ выражается «общественность» (хотя бы и безсознательная), онъ долженъ будетъ прибѣгнуть уже не къ индуктивному, и еще менѣе къ дедуктивному методу, а къ совершенно особому ходу мысли, которому можно дать названіе *метода телеологическаго*.

Этотъ методъ, являющійся противоположностью дедуктивнаго (ведущаго отъ общей причины къ частному слѣдствію), съ внѣшней и формальной стороны походитъ на индукцію, такъ какъ та борозда, которую онъ проводитъ въ умѣ, тропа, кото-

рую онъ въ немъ прокладываетъ, стоитъ подъ тѣмъ же знакомъ, что и индукція, носитъ то же показаніе: отъ частнаго къ общему. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ методъ этотъ значительно, чтобы не сказать кореннымъ образомъ, отличается отъ индукціи. Для послѣдней, ограничивающейся заключеніемъ отъ извѣстнаго числа частныхъ случаевъ ко всѣмъ подобнымъ случаямъ, слѣдствіе всегда остается слѣдствіемъ, а причина — причиной. Для новаго же метода слѣдствіе превращается постоянно въ поводъ, въ стимулъ, въ объяснительный мотивъ, называемый еще «конечной причиной».

Въ телеологическомъ или «цѣлеисходномъ» разсужденіи наша мысль не видитъ надобности связывать эмпирическіе соціальные законы съ законами психологическими, и еще менѣе — съ общими и неопредѣленными данными о человѣческой природѣ, какъ того требовали когда-то Контъ и Стюартъ Милль (попытка не столько преждевременная, сколько безплодная и внушенная непровѣреннымъ постулатомъ, будто психологическое явленіе не обязано своимъ происхожденіемъ явленію соціальному, будто оно отъ него не зависитъ). Дѣйствительно, для раціональнаго объясненія индукцій соціолога совершенно достаточнымъ оказывается подвергнуть ихъ «цѣлеисходной» перестановкѣ, построить ихъ телеологически.

Для этого нужно включить ихъ въ обширный рядъ, въ которомъ слѣдствія — сильныя и постоянныя реакціи, происходящія въ соціальномъ мірѣ и, главнымъ образомъ, самые сложные психологическіе факты: идеи, вѣрованія, чувствованія, характеры, умственные навыки и т. п. — заступаютъ

мѣсто своихъ причинъ, каковыми являются, напримѣръ, ближайшія надорганическія условія (или условія «исторической среды»): традиція, воспитаніе, подражаніе,—словомъ, все, что составляетъ «уже развившееся общеніе душъ»; или, восходя выше, такія далекія надорганическія условія (условія «доисторической среды»), какъ половой и семейный альтруизмъ, стадныя симпатіи, какъ все то, что возбуждаетъ или пробуждаетъ нравственное чувство, что способствуетъ образованію индивидуальнаго сознанія и придаетъ волѣ разумное направленіе. Эти слѣдствія, повторяю, въ «цѣлеисходномъ» или телеологическомъ порядкѣ мысли, заступаютъ всегда мѣсто явленій, имъ предшествующихъ. Они представляются намъ уже не результатами (случайными или неизбѣжными), а «цѣлями», которыя мы себѣ ставимъ (свободно, согласно древнему взгляду, или же въ силу строгаго детерминизма, согласно современному воззрѣнію) и къ достиженію которыхъ мы стремимся, прибѣгая для того, какъ къ средству, къ ихъ реальнымъ причинамъ (при чемъ выборъ средствъ, въ свою очередь, разсматривается какъ свободный или необходимый).

Другими словами, цѣль, въ нашихъ глазахъ, есть побужденіе, заставляющее насъ думать, чувствовать, дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. Но мы слишкомъ склонны забывать (какъ видно на примѣрѣ большинства криминологическихъ теорій), что всякое побужденіе въ своемъ зародышѣ есть болѣе или менѣе сильная р е а к ц і я, вызванная уже наличнымъ или существующимъ слѣдствіемъ. Это — возвратное движеніе шара, который, ударившись о другое тѣло, отскакиваетъ отъ него въ силу своей

собственной упругости. Но въ то время, какъ въ механикѣ и во всѣхъ наукахъ о природѣ неорганической или даже живой, такія реакціи относятся къ категоріи побочныхъ причинъ, усложняющихъ первичное явленіе, не вытѣсняя его и не занимая его мѣста (чистая причинность), въ наукахъ, изучающихъ явленія міра надорганическаго, природы, ставшей разумной (въ абстрактной соціологіи и въ конкретной психологіи), дѣло обстоитъ иначе.

Здѣсь эти реакціи, быть-можетъ, уже потому, что онѣ необыкновенно многочисленны и сильны, и несомнѣнно потому, что онѣ совпадаютъ съ процессами сознанія, образованію и обнаруженію которыхъ служатъ, — здѣсь эти реакціи, говорю я, господствуютъ надъ первичнымъ явленіемъ и постоянно стремятся занять его мѣсто (цѣлесообразность).

Такимъ образомъ, въ нашемъ умѣ, чаще всего безъ его вѣдома, образуется особая логическая категорія: конечныя причины. Если мы безъ всякихъ колебаній различаемъ цѣли или мотивы въ массѣ психологическихъ реакцій, составляющихъ наше сознательное «я», и если, наоборотъ, мы воздерживаемся отъ такого же квалифицированія многочисленныхъ реакцій, перекрещивающихся и сплетающихся въ живыхъ организмахъ (не говоря уже о физико-химическихъ и механическихъ реакціяхъ), то это, повторяю, происходитъ оттого, что въ первомъ случаѣ возникаютъ и дѣйствуютъ силы (мы называемъ ихъ «разумными»), которыя стремятся обусловить и опредѣлить вызвавшія ихъ причины (низводя ихъ на степень средствъ). Но ничего по-

добнаго не бываетъ, по крайней мѣрѣ, сознательно, во второмъ случаѣ (7).

Итакъ, индуктивное изученіе общественныхъ фактовъ не только не затрудняетъ, а, напротивъ, подготовляетъ и облегчаетъ ихъ раціональное объясненіе,—то самое, которымъ такъ широко всегда пользовались Контъ и психологическая школа, постоянно выдавая его, однако, за объясненіе причинное. Здѣсь между психологической школой и нами возникаетъ коренное разногласіе, о которомъ пока достаточно будетъ сказать, что въ то время, какъ Контъ и современные психо-соціологи смотрятъ на психологическія явленія приблизительно такъ, какъ химикъ, напримѣръ, смотритъ на физическія условія химическихъ процессовъ, мы въ нихъ видимъ нѣчто иное; а именно, мы разсматриваемъ ихъ какъ постоянныя и необходимыя слѣдствія, превратившіяся для насъ въ цѣли и проливающія на произведшія ихъ причины особаго рода свѣтъ, свойства котораго надо тщательно изучить, прежде чѣмъ имъ пользоваться. Въ нашихъ глазахъ, можемъ мы еще сказать, объяснять общественные факты фактами психическими вовсе не значитъ, какъ думаютъ позитивисты и вся психологическая школа, стремиться вывести первые изъ вторыхъ. Совершенно наоборотъ; и телеологическій методъ, примѣняемый такъ, какъ мы предлагаемъ, легко можетъ привести со временемъ къ діаметрально противоположной дедукціи.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но и на нашъ взглядъ, и, по мнѣнію нашихъ противниковъ, психологическіе факты, разсматриваемые подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія (какъ выражающіе дѣйствіе,

взаимно оказываемое другъ на друга различными сознаніями) наполняютъ собою, на ряду съ немногими основными гипотезами, всю область соціологіи. Отсюда слѣдуетъ, что первою заботою соціолога должна быть возможно широкая или общая классификація этихъ фактовъ, установленіе такого іерархическаго ряда ихъ, который обнималъ бы коллективную жизнь духа во всей ея полнотѣ, не оставляя безъ вниманія ни одного изъ ея продуктовъ или проявленій (8).

Такую схему или лѣстницу психологическихъ фактовъ я и пытался построить. Я намѣтилъ въ ней четыре основныхъ группы, извѣстныя подъ именемъ науки, философіи (или, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, религіи), искусства и, наконецъ, практической дѣятельности или поведенія. Я старался доказать, что всякое психологическое взаимодѣйствіе сводится къ передачѣ или о б м ѣ н у либо частныхъ познаній (научныхъ идей и сопровождающихъ ихъ чувствъ), либо общихъ вѣрованій или убѣжденій (религіозныхъ или философскихъ идей и чувствъ), либо эстетическихъ понятій и чувствованій, либо, наконецъ, идей и чувствъ техническаго или практическаго порядка (т.-е. явленій, принадлежащихъ къ тремъ первымъ категоріямъ, но уже преобразованныхъ в о л е в ы м и процессами и превратившихся въ д ѣ й с т в і я).

Всѣ общественныя явленія и событія, безъ малѣйшаго исключенія, сводятся, въ конечномъ анализѣ, къ этимъ четыремъ крупнымъ группамъ психологическихъ фактовъ, которые поэтому и могутъ быть разсматриваемы, какъ ихъ причины или ф а к т о р ы. Факторами они являются одновременно и въ «аксіо-

логическомъ» и въ «телеологическомъ» смыслѣ этого слова, означающаго: 1) что всякая соціальная цѣнность, всякое общественное переживаніе, которое можно опредѣлить обычными терминами добра или зла (и особенно нравственнаго добра и зла), необходимо входитъ въ тотъ или другой изъ указанныхъ выше классовъ; и 2) что эти классы заключаютъ въ себѣ всѣ разумныя предпосылки или конечныя причины, всѣ стимулы или мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ происходятъ, воспроизводятся и развиваются явленія психологическаго взаимодѣйствія или «общественности» въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Неизбѣжность и чрезвычайная легкость, съ которыми въ нашемъ умѣ образуется это «цѣлеисходное» отношеніе, составляютъ наиболѣе выдающуюся черту, основной отличительный признакъ наукъ о надорганическомъ мірѣ. Но правильное пользованіе, въ соціологіи, телеологической перестановкой не должно вести къ изгнанію изъ этой науки столь обычныхъ въ другихъ наукахъ пріемовъ изслѣдованія, методовъ, опредѣляемыхъ началомъ чистой причинности. Послѣдніе, благодаря своему болѣе общему характеру, призваны постоянно восполнять пробѣлы и исправлять недостатки, обусловливаемые «специфической» узостью и односторонностью телеологическаго объясненія. Подъ страхомъ вырожденія самыхъ тонкихъ своихъ анализовъ въ пустое и безплодное умствованіе, соціологъ долженъ всегда стремиться, съ помощью соотвѣтствующихъ средствъ и пріемовъ изслѣдованія, къ установленію прямого генезиса и внутренней связи общественныхъ фактовъ. Остановимся на нѣсколько минутъ на этой

новой и серьезной сторонѣ методологической задачи въ общественныхъ наукахъ.

Какимъ образомъ происходитъ здѣсь переходъ отъ телеологической точки зрѣнія къ точкѣ зрѣнія причинной? И почему собственно — если переходъ этотъ неизбѣженъ, если, рано или поздно, онъ долженъ совершиться — соціологъ такъ упорно продолжаетъ связывать себя телеологическимъ толкованіемъ и прибѣгать къ способу разсужденія, котораго тщательно избѣгаютъ, громко осуждая его, науки о внѣшней природѣ?

Мы уже объяснили, въ чемъ состоитъ изслѣдованіе, которое, разложивъ сложные факты и событія на длинный рядъ цѣлей (такъ называемыхъ конечныхъ причинъ) и средствъ (причинъ въ обычномъ смыслѣ слова), восходитъ отъ первыхъ къ послѣднимъ. Мы характеризовали такой анализъ, какъ бросающій на предметы свѣтъ особаго рода, который, смотря по обстоятельствамъ, или обостряетъ и очищаетъ наше зрѣніе, или ослабляетъ и искажаетъ его. Употребляемый безъ разбора, прилагаемый, напримѣръ, въ наукахъ, гдѣ «цѣлесообразность» могла бы имѣть смыслъ только подъ условіемъ допущенія невѣроятной «гилозоистической» или даже «гилоноистической» гипотезы, надѣляющихъ всю природу и жизнью и разумомъ, телеологическій методъ становится источникомъ очень многихъ иллюзій и прискорбныхъ ошибокъ. Наоборотъ, примѣненный искусно—мы не замедлимъ указать, какимъ именно образомъ, — и притомъ исключительно къ процессамъ и дѣяніямъ, имѣющимъ несомнѣнный надорганическій характеръ, этотъ методъ можетъ вывести изъ тѣни, скрывающей ихъ отъ нашего

пытливаго взора, дѣйствительныя причины общественныхъ фактовъ,— тѣ verae causae, знать и опредѣлить которыя соціологу, какъ и всякому другому ученому, такъ важно и необходимо.

Дѣло объясняется очень просто, безъ помощи какой-либо таинственной «алхиміи духа». Во всѣхъ областяхъ знанія царитъ одинъ и тотъ же методъ, и если умъ нашъ идетъ къ своимъ открытіямъ по многимъ и разнымъ дорогамъ, то послѣднія суть не болѣе какъ околицы и проселки, выводящіе его, въ конечномъ итогѣ, неизмѣнно на одинъ и тотъ же главный путь. Телеологическій методъ есть одна изъ такихъ кружныхъ дорогъ. Это естественный изворотъ, къ которому разумъ человѣка прибѣгаетъ въ борьбѣ съ ужасающей сложностью явленій надорганическаго міра, и который позволяетъ ему обойти препятствія, иначе непреодолимыя; и это, съ другой стороны, приложеніе принципа наименьшаго сопротивленія или наименьшаго усилія.

Поставленный, въ наукахъ надорганическаго міра, лицомъ къ лицу съ безпримѣрнымъ — во всѣхъ другихъ отрасляхъ знанія — сплетеніемъ причинъ и слѣдствій, дѣйствій и противодѣйствій, принадлежащихъ и къ жизненному, и къ общественному, и къ психологическому порядку, умъ нашъ легко и скоро могъ убѣдиться въ недостаточности, въ недостовѣрности, въ этой новой области, обычныхъ пріемовъ научнаго мышленія. Использовать ихъ прямо или непосредственно, объ этомъ нельзя было и думать. Частичныя индукціи пересѣкали здѣсь другъ друга такъ часто и неожиданно, что густая сѣть ихъ являлась чѣмъ-то столь же сложнымъ, какъ и тотъ клубокъ причинъ и слѣдствій, распу-

тать который она была явно не въ силахъ. Такое положеніе вещей равнялось на практикѣ признанію случайнаго, не поддающагося научному предвидѣнію, характера цѣлаго разряда явленій. И въ самомъ дѣлѣ, умъ нашъ поспѣшилъ провозгласить тутъ законъ свободной воли, какъ единую или высшую норму своихъ собственныхъ переживаній. Именно законъ; такъ что мы можемъ сказать, что, смутно предугадывая будущее, разумъ человѣка и въ этомъ капитальномъ вопросѣ стремился быть или сдѣлаться «детерминистомъ». Одновременно, въ чисторазсудочной области, онъ становился на особую, исключительную точку зрѣнія, которую старался затѣмъ распространить и на всю остальную природу, понимаемую имъ антропоморфически: то была телеологическая точка зрѣнія, располагавшая факты въ длинные ряды, всѣ члены которыхъ, различаясь между собой какъ цѣли и средства, являлись, въ силу логической необходимости, связанными другъ съ другомъ узами тѣсной зависимости. Всегда и съ полнымъ основаніемъ люди видѣли въ господствѣ начала цѣлесообразности торжество собственнаго разума. Но въ теченіе долгихъ вѣковъ, не сознавая величія и истинныхъ размѣровъ этой блестящей побѣды, они извлекали изъ нея лишь спорныя и поверхностныя выгоды; они не подозрѣвали того, что подъ телеологическимъ разсужденіемъ скрывался драгоцѣнный методъ открытія, что оно было, какъ сказано выше, естественнымъ и весьма удачнымъ обходомъ, позволявшимъ приложить и къ наукамъ самыхъ сложныхъ явленій точные пріемы наукъ, изучающихъ явленія болѣе простыя.

Этому ослѣпленію, которому такъ благопріятствовалъ начальный дуализмъ познанія, суждено было продолжаться столько же, сколько и дуализму. Но наши современные монистическіе взгляды, отказывающіеся дѣлить природу на двѣ части — одну, въ которой царитъ строгій детерминизмъ, основанный на началѣ причинности, и другую, управляемую исключительно разумною связью, соединяющей цѣли со средствами,— монизмъ, говорю я, могъ уже обнаружить бо̀льшую степень проницательности. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ, правда, разрубаютъ гордіевъ узелъ, отбрасывая всякое «цѣлеисходное» разсужденіе, какъ постоянный источникъ иллюзій; но другіе, къ которымъ принадлежимъ и мы, предпочитаютъ развязать этотъ узелъ, признавъ неоспоримую цѣнность телеологической точки зрѣнія для всей обширной области наукъ о духѣ. Они, въ сущности, находятъ, что начало всеобщей причинности не можетъ быть поколеблено телеологическимъ методомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе его строго ограничивается фактами духовной жизни.

Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ впередъ. Допустимъ, что телеологическій рядъ или «цѣлеисходная» классификація общественныхъ фактовъ составляетъ главный методъ наукъ о надорганическомъ мірѣ; главный, однако, лишь въ томъ смыслѣ, что онъ есть средство наиболѣе плодотворное, а иногда, быть-можетъ, даже единственное, какимъ эти науки располагаютъ для открытія, съ помощью обыкновенной индукціи, дѣйствительныхъ причинъ соотвѣтствующихъ явленій. Нѣтъ ничего болѣе труднаго для нашего ума, какъ отдѣленіе, въ любомъ надорганическомъ ряду, причины отъ ея слѣдствія; и ничего нѣтъ легче, сравни-

тѣльно, какъ различеніе въ томъ же ряду какой-либо цѣли отъ средства, служащаго ея достиженію. Итакъ, если единообразіе законовъ природы и строгій детерминизмъ явленій не позволяютъ намъ видѣть въ сочетаніи средствъ и цѣлей что-либо иное, кромѣ простой смѣны предшествующихъ и послѣдующихъ фактовъ или, другими словами, если мы вынуждены разсматривать всякій телеологическій рядъ какъ перестановку, въ обратномъ порядкѣ, всѣхъ членовъ соотвѣтствующаго причиннаго ряда, то мы не можемъ избѣгнуть слѣдующаго логическаго вывода, властно подчиняющаго себѣ умъ нашъ: и въ соціологіи и въ психологіи настоящій причинный рядъ получается уже какъ результатъ обратной перестановки всѣхъ членовъ ряда раціональнаго или «цѣлеисходнаго». Телеологическій методъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ значеніе вспомогательнаго или побочнаго пріема для метода индуктивнаго,—пріема, умѣнье пользоваться которымъ достигается не сразу, а требуетъ и большой вдумчивости, и большаго навыка.

ГЛАВА IV.

Общій законъ эволюціи.

Одинъ изъ законовъ познанія.—Причинная и «цѣленсходная» связь между явленіями.—Историческое первенство «цѣленсходнаго» ряда. — Смѣшеніе «цѣленсходнаго» знанія съ дѣятельностью, имъ обусловливаемою. — Роль «цѣленсходнаго» мышленія въ раскрытіи причинныхъ отношеній.—Выводъ перваго общаго соціологическаго закона. — Дополнительная теорія факторовъ цивилизаціи. — Провѣрка этой теоріи съ помощью «цѣленсходнаго» метода.—Заключеніе.

Психическое взаимодѣйствіе, общественная группа (семья, племя, нація, классъ и т. п.), личность, образующаяся подъ прямымъ вліяніемъ коллективной среды, наконецъ, такія явленія, какъ наука, религія, философія, искусство, трудъ, частное и общественное поведеніе,—словомъ все, что составляетъ такъ называемую культуру,—вотъ тѣ огромныя суммы, обширныя категоріи фактовъ, относительно которыхъ, на первый взглядъ, нельзя ничего сказать съ точностью, кромѣ, быть-можетъ, того, что они носятъ очень общій характеръ и, повидимому, имѣютъ нѣкоторое родство между собой.

Но болѣе внимательное наблюденіе, болѣе тщательное изслѣдованіе этихъ фактовъ позволяетъ установить постоянный порядокъ, въ которомъ главные разряды ихъ слѣдуютъ другъ за другомъ. Оказы-

вается, что связать эти факты всегда можно двоякимъ отношеніемъ: либо причины къ слѣдствію, либо средства къ цѣли; другими словами, изъ нихъ можно образовать два параллельные ряда, причинный и «цѣлеисходный». Въ первомъ, надорганическое взаимодѣйствіе играетъ роль явленія предшествующаго общественной группѣ, которая, въ свою очередь, занимаетъ то же положеніе относительно личности, являющейся, въ конечномъ анализѣ, непосредственнымъ виновникомъ или причиной всякой дѣятельности, способной измѣнить, въ прогрессивномъ или регрессивномъ смыслѣ, условія общественной жизни. Во второмъ ряду, культура и скопленныя ею духовныя и матеріальныя богатства разсматриваются какъ послѣдняя цѣль соединенныхъ усилій отдѣльныхъ личностей; цѣлью же всякой общественной кооперації признаются эти личности и ихъ благо; наконецъ, самое образованіе и общественныхъ группъ и входящихъ въ составъ ихъ личностей считается осуществимымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой служебнымъ средствомъ къ тому являются двѣ основныя формы психическаго взаимодѣйствія. А это значитъ, что «цѣлеисходный» рядъ, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, оборачиваетъ, симметрически опрокидываетъ рядъ причинный.

Но которая изъ этихъ двухъ послѣдовательностей воспринимается прежде всего нашимъ умомъ, побуждая его затѣмъ отыскивать второй или дополнительный рядъ? Отвѣтимъ съ полною откровенностью: всякому причинному ряду предшествуетъ, подготовляя его, рядъ «цѣлеисходящій». Первая классификація, плѣняющая разсудокъ, неизмѣнно основана на телеологическомъ сужденіи, на разли-

ченіи средствъ и цѣлей. Дѣйствіе никогда не предупреждаетъ знанія,—оно за нимъ слѣдуетъ; оно не управляетъ имъ, оно исполняетъ его велѣнія. Но знаніе на первыхъ шагахъ само выдвигаетъ впередъ практическую или цѣлеисходную точку зрѣнія и даетъ ей перевѣсъ надъ точкой зрѣнія причинной, на которую охотно становится чистая теорія. На эту черту, отличающую начальныя изслѣдованія явленій и придающую нашимъ первымъ познаніямъ, подъ внѣшнимъ видомъ раціональности, глубоко эмпирическій характеръ, не было обращено достаточнаго вниманія; или, вѣрнѣе говоря, слишкомъ часто смѣшивали двѣ различныя вещи, именно: первенство практической (или цѣлеисходной) точки зрѣнія въ тѣсныхъ предѣлахъ даннаго знанія, и первенство самой практики (которая всегда является телеологіей) внѣ этихъ границъ, или ея преобладаніе вообще, ея безотносительную автономію.

Какъ бы то ни было, но если телеологическій рядъ всегда предшествуетъ соотвѣтствующему причинному ряду, то онъ долженъ, безъ сомнѣнія, опредѣлять въ томъ или другомъ смыслѣ послѣдній, онъ долженъ вызывать и ускорять, или задерживать и замедлять его образованіе въ нашемъ умѣ. Оба случая постоянно встрѣчаются: первый въ отрасляхъ знанія, изучающихъ надорганическія явленія, обширный міръ сознанія и разума, въ которомъ возникаетъ и утверждается цѣлеисходное отношеніе, процессъ раціональный по преимуществу; второй въ наукахъ, изучающихъ неорганическую и живую природу, т.-е. тамъ, гдѣ всякая цѣлеисходная аргументація является уже методологической ошибкою, очевиднымъ «соціоморфизмомъ».

Оставимъ совершенно въ сторонѣ послѣдній случай и ограничимся случаемъ, имѣющимъ мѣсто въ соціальныхъ наукахъ. Здѣсь раціональный рядъ двумя различными способами облегчаетъ задачу эмпирическаго изслѣдователя. Онъ даетъ первоначальный планъ, отправную гипотезу индуктивнымъ анализамъ, посвященнымъ отысканію прямыхъ отношеній причинности. И когда обнаруживается, что связь между причиной и слѣдствіемъ совпадаетъ, въ обратномъ направленіи, съ зависимостью цѣли отъ средства (а это, повидимому, является общимъ правиломъ въ разсматриваемомъ разрядѣ наукъ, и это именно и служитъ доказательствомъ, что въ телеологическое разсужденіе не вкралось ни малѣйшей ошибки),— тогда цѣлеисходный рядъ, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, самъ превращается въ орудіе изслѣдованія и провѣрки.

И такова, повидимому, — возвращаясь къ закону эволюціи, насъ занимающему—и была въ дѣйствительности роль, какую цѣлеисходный рядъ: цивилизація—личность—общественная группа—психическое взаимодѣйствіе, сыгралъ, болѣе или менѣе сознательно, въ открытіи и установленіи причиннаго ряда: психическое взаимодѣйствіе—общественная группа—личность—цивилизація. Другими словами, послѣдній рядъ получаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе широкаго гипотетическаго закона, покоящагося частью на индуктивныхъ данныхъ, частью на той поддержкѣ, какую ему оказываетъ,—или на той провѣркѣ, какую ему даетъ,—раціональная перестановка его членовъ.

Законъ этотъ объясняетъ первое происхожденіе, далекій генезисъ той огромной совокупности фактовъ, которую мы называемъ цивилизаціей. Но онъ оста-

навливается на этомъ начальномъ фазисѣ междупсихической эволюціи; онъ не обнимаетъ всей суммы общественныхъ явленій, безпрерывно развивающихся и измѣняющихся въ различныхъ географическихъ и историческихъ средахъ. И въ этомъ смыслѣ, несмотря на свою общность, законъ этотъ не полонъ. Необходимо еще открыть и прибавить къ нему законъ, управляющій развитіемъ тѣхъ четырехъ группъ явленій, за которыми,—разсматривая ихъ, въ свою очередь, какъ конечныя причины, — мы признали выше значеніе «соціальныхъ факторовъ». Но при рѣшеніи этой задачи телеологическій методъ снова принесетъ намъ большую пользу, давъ намъ возможность провѣрить многіе чисто-эмпирическіе выводы и обобщенія.

Самое простое знакомство съ фактами, какъ историческими, такъ и совершающимися на нашихъ глазахъ, уже даетъ право прійти къ заключенію, что, несмотря на все свое видимое различіе, научныя познанія, религіозныя и философскія идеи, изящныя и, наконецъ, полезныя искусства составляютъ явленія, по существу своему, сходныя и, сверхъ того, строго соотносительныя. Они кажутся одновременными, но, въ дѣйствительности, между ними можетъ быть установлена правильная послѣдовательность.

Эти факты образуютъ длинную цѣпь, всѣ звенья которой связаны между собою отношеніями причинной зависимости. Измѣненія, происходящія въ одномъ изъ нихъ, вызываютъ соотвѣтственныя измѣненія во всѣхъ остальныхъ, а общая сумма такихъ перемѣнъ находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ какомъ-либо соціальномъ строѣ или состояніи, слѣдующемъ за другимъ строемъ или состояніемъ.

Таковъ, или приблизительно таковъ, выводъ изъ эмпирическаго опыта. Обыкновенная индукція не ведетъ насъ далѣе. Она не позволяетъ намъ съ точностью опредѣлить мѣсто, занимаемое въ этомъ обширномъ рядѣ причинъ и слѣдствій каждымъ изъ его членовъ. Она оставляетъ поле открытымъ для всякаго рода догадокъ; и дѣйствительно, самыя противоположныя гипотезы до сихъ поръ еще выставляются соціологами именно въ данномъ вопросѣ.

Такъ, въ то время какъ одни продолжаютъ держаться стараго тезиса позитивистовъ, ставящаго всю культуру въ зависимость отъ состоянія нашихъ общихъ или синтетическихъ вѣрованій (скрытый принципъ знаменитаго закона трехъ состояній), другіе, какъ, напримѣръ, соціологи экономической школы и, въ частности, марксисты, развертываютъ новое знамя, на которомъ крупными буквами начертано магическое слово: дѣйствіе. И всѣ не только ищутъ, всѣ находятъ, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, значительное число убѣдительныхъ, или кажущихся доказательными, фактовъ.

Я сдѣлалъ, въ сущности, то же, что дѣлали другіе. Въ свою очередь, я пользовался и индуктивными и эмпирическими пріемами изслѣдованія; я обращался къ исторіи, изучалъ современныя событія, заключалъ отъ частнаго къ общему, дѣлалъ выводы отъ неоднократно наблюденныхъ случаевъ ко всѣмъ имъ подобнымъ; и, въ конечномъ результатѣ, пришелъ къ теоріи четырехъ факторовъ цивилизаціи, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ аналитическое знаніе; на второмъ — религіозные и философскіе синтезы; на третьемъ—эстетическія понятія и воплощающія ихъ изящныя

искусства; на четвертомъ и послѣднемъ, наконецъ, дѣйствіе, практическое поведеніе, полезная работа или трудъ, въ которомъ находятъ себѣ выраженіе самыя разнообразныя технологіи. Согласно этому взгляду, накопленіе и передача спеціальныхъ знаній предшествуетъ, обусловливая ихъ собою, всѣмъ другимъ пріобрѣтеніямъ нашимъ и всѣмъ другимъ психосоціальнымъ обмѣнамъ, являющимся, въ сущности, лишь особыми формами или разновидностями, дальнѣйшимъ развитіемъ одного основного прототипа.

Указанный сейчасъ историческій рядъ имѣетъ одну общую черту съ извѣстной классификаціей наукъ Огюста Конта: подобно послѣдней, онъ является предпосылкой, изъ которой вытекаетъ широкій законъ эволюціи. Въ научной іерархіи Конта роль такого закона играетъ начало возрастающей сложности и убывающей общности явленій, объясняющее весь ходъ развитія нашихъ знаній. А въ историческомъ ряду роль эта принадлежитъ началу тѣснаго соотношенія, объясняющаго состояніе философіи (а слѣдовательно, и религіи) состояніемъ наукъ, состояніе изящныхъ искусствъ состояніемъ общихъ вѣрованій или убѣжденій и, наконецъ, состояніе или характеръ «практической дѣятельности» (или всей совокупности человѣческаго поведенія) состояніемъ трехъ предыдущихъ идеологическихъ факторовъ и ихъ многообразными взаимными реакціями. Однимъ словомъ, рѣчь идетъ о законѣ, управляющемъ тою частью полной эволюціи обществъ, которая называется ихъ цивилизаціей (я намѣренно избѣгаю здѣсь менѣе яснаго и точнаго термина «прогрессъ»). Законъ этотъ является простымъ продолженіемъ, естественнымъ и

неизбѣжнымъ дополненіемъ закона, управляющаго доисторической фазой развитія человѣческихъ союзовъ и освѣщающаго генезисъ соціальной личности, этого перваго источника всѣхъ будущихъ теоретическихъ и практическихъ цѣнностей.

Но въ чемъ выразилась, при построеніи историческаго ряда и при отысканіи общаго закона, изъ него вытекающаго, роль телеологическаго метода? Попытаемся сказать это въ двухъ словахъ.

Мы думаемъ, что въ соціологіи, позади всѣхъ нашихъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ индукцій, можно всегда открыть, въ качествѣ невидимой инсценирующей пружины, телеологическую потребность ума, дѣйствующую здѣсь подобно тому темному влеченію или инстинкту, который, если вѣрить Шопенгауэру, управляетъ всякимъ платоническимъ обожаніемъ, всякой любовной чувствительностью. Намъ сдается, поэтому, что и въ дѣлѣ истолкованія историческихъ и современныхъ фактовъ, которое привело насъ къ извѣстной классификаціи ихъ, мы должны были безсознательно подпасть вліянію противоположнаго распорядка ихъ, раньше прочно засѣвшаго въ нашемъ умѣ и побуждавшаго насъ различать тѣ же группы явленій уже не какъ причины и слѣдствія, а какъ цѣли и средства. Впрочемъ, то же самое вліяніе должно было сказаться—только въ иномъ направленіи и съ инымъ результатомъ—и въ умахъ защитниковъ всѣхъ другихъ теорій.

Такъ, напримѣръ, если Огюстъ Контъ ставитъ научный анализъ въ прямую зависимость отъ философскаго синтеза, то не происходитъ ли это оттого, что онъ видитъ въ послѣднемъ—и притомъ

совершенно правильно—единственную и настоящую цѣль перваго? И если Марксъ и его предшественники отводятъ совершившемуся дѣйствію первое мѣсто и даютъ ему господство надъ задумавшей его мыслью, то не объясняется ли это тѣмъ, что они логично и въ то же время телеологично признаютъ, что всѣ наши стремленія направляются къ одной цѣли: къ своему собственному осуществленію?

Какъ бы то ни было, но въ нашихъ глазахъ телеологическій методъ всегда, въ большей или меньшей степени, руководитъ всякимъ соціологическимъ изслѣдованіемъ. И устранять его, отказываться отъ его услугъ мы не видимъ надобности уже потому, что, при умѣломъ пользованіи имъ, его легко превратить въ вспомогательный методъ контроля или провѣрки. Примѣненіе его можетъ вести къ увеличенію достовѣрности данныхъ, добытыхъ параллельной индукціей. Дѣйствительно, если оказывается, что всѣ составныя части индуктивнаго ряда способны, сверхъ того, образовать еще и другой, раціонально построенный рядъ, гдѣ каждый предыдущій членъ соединенъ съ послѣдующимъ какъ средство связано съ цѣлью, которую оно обслуживаетъ, то отъ этого, разумѣется, доводы, говорящіе въ пользу первоначальнаго наведенія, не поколеблются, а, напротивъ, только усилятся.

Четыре категоріи, обнимающія науку, философію, искусство и дѣйствіе или поведеніе, представляютъ собою обширную систему побудительныхъ мотивовъ или стимуловъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходятъ и развиваются всѣ остальныя соціальныя явленія. Въ этой іерархической лѣстницѣ дѣйствіе, удовлетвореніе нашихъ желаній, реальное осу-

ществленіе нашей воли является конечною цѣлью, къ достиженію которой направлены какъ эстетическія (непосредственно возбуждающія человѣческій трудъ), такъ и философскія и научныя стремленія наши. Познать явленія въ ихъ частностяхъ, схватить и понять ихъ общую совокупность, почувствовать ихъ внутреннюю красоту и судить объ ихъ красотѣ относительной,—вотъ единственные пути, ведущіе къ раціональному поведенію, единственныя средства, способныя превратить механическое или жизненное движеніе въ разумное дѣйствіе. Съ другой стороны, развѣ возможно, независимо отъ какого-либо пониманія единства, общей гармоніи вещей, различить, среди безчисленнаго множества окружающихъ насъ предметовъ, тѣ изъ нихъ, которые болѣе другихъ запечатлѣны этимъ согласованнымъ единствомъ, которые выносятъ его во внѣшній міръ и дѣлаютъ его видимымъ и ощутимымъ для всѣхъ? Философія въ широкомъ смыслѣ слова, охватывающемъ наши наиболѣе общія вѣрованія и синтезы, является, слѣдовательно, въ свою очередь, единственнымъ разумнымъ и плодотворнымъ путемъ, ведущимъ къ развитію и процвѣтанію изящныхъ искусствъ. Наконецъ, та же роль служебнаго средства самымъ очевиднымъ образомъ выпадаетъ, по отношенію къ философіи, на долю спеціальнаго знанія. Всякія общія воззрѣнія, которыя можно составить себѣ о вселенной, о внѣшней природѣ, о человѣкѣ, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, будутъ тѣмъ правильнѣе и будутъ тѣмъ ближе стоять къ истинѣ, чѣмъ болѣе они будутъ основаны на тщательномъ предварительномъ анализѣ, на глубокомъ знакомствѣ съ

послѣдними элементами, къ которымъ сводятся явленія.

Дѣйствіе, искусство, философія, наука: вотъ субъективная или раціональная послѣдовательность, телеологическій рядъ. Если расположить его члены въ обратномъ порядкѣ—подъ условіемъ, разумѣется, чтобы въ наше разсужденіе не вкралось ни малѣйшей логической ошибки,—рядъ этотъ превратится въ объективную или естественную преемственность, въ причинную связь. Мы выходимъ такимъ путемъ за предѣлы эмпирической индукціи, простого предположенія, всегда подверженнаго непредвидѣннымъ оговоркамъ и ограниченіямъ. Мы получаемъ съ этой минуты право утверждать,—съ тою степенью достовѣрности, какую вноситъ во всякій тезисъ его логическое обоснованіе,—что если появленіе и развитіе составныхъ частей великаго психосоціальнаго ряда совершается въ извѣстномъ, неизмѣнномъ порядкѣ, то послѣдній можетъ выразиться лишь въ такомъ чередованіи: наука, философія, искусство, дѣйствіе. Одновременно и съ не меньшимъ правомъ можемъ мы поддерживать положеніе, что въ этой сплоченной іерархіи каждый членъ подчиненъ, прежде всего, непосредственно предшествующему ему члену, а затѣмъ уже всѣмъ остальнымъ. Мы приходимъ такимъ образомъ къ выводамъ, уже однажды нами высказаннымъ, именно: «что великія синтетическія построенія, религіозныя и философскія идеи и вѣрованія всецѣло опредѣляются состояніемъ научныхъ идей и познаній; что философія есть лишь высшая форма, расцвѣтъ науки; что, въ свою очередь, наши эстетическія понятія и чувства (или еще вкусы) несомнѣнно подвластны нашимъ общимъ взглядамъ и

вѣрованіямъ, нашимъ міровоззрѣніямъ; что, наконецъ, наше поведеніе, всѣ наши поступки, начиная съ тѣхъ, которые преслѣдуютъ самые высокіе идеалы, и кончая тѣми, которые служатъ удовлетворенію нашихъ матеріальныхъ потребностей и интересовъ, суть не болѣе, какъ слѣдствіе или выполненіе нашихъ сужденій и приговоровъ о цѣнности вещей (аналитической и гипотетической, синтетической и аподиктической, синкретической и символической; 8 bis).

Изъ сказаннаго видно, что, подвергая наши обобщенія и эмпирическія гипотезы разумному контролю телеологическаго метода, мы съ замѣчательною легкостью достигаемъ неожиданнаго результата.

Людямъ, искусившимся въ тонкостяхъ аналитическаго мышленія и убѣжденнымъ, что они измѣрили, какъ говорится, всю глубокую тщету и безпомощность человѣческаго разума, эта легкость, безъ сомнѣнія, покажется болѣе чѣмъ подозрительною. Они сочтутъ ее за наивность, они станутъ кричать о логическомъ чудѣ. Мѣшать мы имъ не будемъ. Природная слабость человѣческаго ума есть основной догматъ всѣхъ религій и всѣхъ метафизикъ, и догматъ этотъ, къ сожалѣнію, имѣетъ еще глубокіе корни и въ современномъ сознаніи (9).

Въ общемъ ходѣ коллективной эволюціи мы различили двѣ послѣдовательныхъ фазы, или два великихъ ряда тѣсно связанныхъ между собою фактовъ. Первая фаза приводитъ къ морализаціи или соціализаціи органической особи съ помощью группы, къ которой особь эта принадлежитъ; вторая, углубляя еще болѣе уже проложенную борозду, продолжаетъ— безъ видимаго конца — культурную, одновременно

индивидуальную и коллективную работу. Это различеніе является результатомъ абстрактнаго анализа, задающагося цѣлью отмѣтить значительную разницу, въ степени, между зародышевой (и въ этомъ смыслѣ доисторической) культурой и болѣе или менѣе быстрыми успѣхами, критическими, догматическими, символическими и практическими пріобрѣтеніями позднѣйшихъ, уже освѣщенныхъ исторіей эпохъ. Но оно отнюдь не стремится поддержать ложный взглядъ, пытающійся воздвигнуть между первобытнымъ и культурнымъ состояніями почти что непреодолимую преграду. Для насъ, дѣйствительно, очевидно, что даже неразвитой дикарь, разъ онъ живетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, уже пользуется въ извѣстной мѣрѣ услугами всѣхъ главныхъ видовъ психологическаго взаимодѣйствія. Онъ уже обладаетъ обрывками знаній и обмѣнивается ими; онъ строитъ на этой шаткой почвѣ свои общія вѣрованія и старается передать ихъ другимъ; онъ охотно посвящаетъ свой досугъ общимъ играмъ, ему нравящимся и пробуждающимъ въ немъ первыя понятія объ искусствѣ; наконецъ, онъ дѣйствуетъ такъ или иначе, онъ ведетъ себя извѣстнымъ, хотя большей частью непланомѣрнымъ и мало обдуманнымъ образомъ.

Итакъ, слѣдовательно, оба ряда наши тѣсно примыкаютъ другъ къ другу, образуя вмѣстѣ широкій эволюціонный потокъ, остающійся, въ главныхъ, существенныхъ чертахъ, неизмѣннымъ, раскрывающій, если не одни и тѣ же факты и событія, то, по крайней мѣрѣ, однѣ и тѣ же причины фактовъ и событій. Эти причины повсюду и всегда налицо, но онѣ становятся замѣтными, онѣ вліяютъ на общій ходъ вещей съ безконечно различною степенью

силы; и потому производимыя ими дѣйствія справедливо кажутся намъ до крайности неравными и неодинаковыми. Причины эти, сверхъ того, слѣдуютъ другъ за другомъ въ постоянномъ порядкѣ, опредѣляемомъ закономъ строгаго соотношенія, естественно являющимся наиболѣе общимъ изъ всѣхъ законовъ развитія, какіе только можетъ открыть соціологъ. О такомъ обобщеніи, о законѣ, преслѣдующемъ разрѣшеніе основной задачи исторіи,— объяснить, почему и какъ одно общественное состояніе вызываетъ другое, за нимъ слѣдующее и его смѣняющее, мечталъ когда-то, какъ извѣстно, Джонъ Стюартъ Милль (10).

Мы имѣемъ предъ собой эволюціонный рядъ, состоящій, какъ мы видѣли, въ начальной части своей, изъ трехъ членовъ, которые могутъ отвлеченно разсматриваться какъ одно цѣлое, какъ одна идеологическая группа—единство соціальное по преимуществу; а въ другой части, изъ четырехъ членовъ, которые, съ той же отвлеченной точки зрѣнія, образуютъ новую группу, основанную на единствѣ духовномъ или психологическомъ: — въ итогѣ, слѣдовательно, единый эволюціонный рядъ, состоящій изъ семи отвлеченныхъ и общихъ категорій, между которыми распредѣляются всѣ общественные факты безъ малѣйшаго исключенія. И вотъ этимъ-то семичленнымъ рядомъ (минимальная цифра эта, говоря мимоходомъ, даетъ достаточное понятіе о необычайной сложности соотвѣтствующихъ явленій) управляетъ единый законъ эволюціи, который можетъ быть кратко формулированъ слѣдующимъ образомъ:

При всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, во всѣхъ историческихъ или современныхъ конъюнктурахъ, общественная группа или группы будутъ

равноцѣнны тому взаимодѣйствію, сначала психофизическому, а затѣмъ психологическому, которое порождаетъ и образуетъ эти группы. Общественно сложившаяся личность будетъ равноцѣнна той или тѣмъ группамъ, той надорганической средѣ, въ которой она живетъ и дышитъ, и которая всегда придаетъ ей свой собственный обликъ. Первая и глубокая основа всякаго прогресса, всякой цивилизаціи — знаніе, по природѣ своей аналитическое и гипотетическое, будетъ равноцѣнно тѣмъ общественнымъ личностямъ, которыя не только его культивируютъ и распространяютъ, но и воспринимаютъ (или противятся его воспріятію). Могущественный соціальный факторъ—философія (или въ иныхъ случаяхъ—религія), мысль синтетическая и аподиктическая, будетъ равноцѣнна питающей ее своимъ содержаніемъ наукѣ (либо современной, порождающей новыя философіи, отвѣчающія на духовные запросы меньшинства, либо наукѣ минувшихъ эпохъ, служащей опорой устарѣлымъ понятіямъ и вѣрованіямъ мизонеистическаго и реакціоннаго большинства). Другой факторъ прогресса, справедливо признаваемый за высшій цвѣтъ всякой цивилизаціи,—искусство, съ его синкретическими и символическими пріемами, будетъ равноцѣнно міровоззрѣніямъ, широкимъ синтезамъ или общимъ вѣрованіямъ, пробуждающимъ вдохновеніе художника и опредѣляющимъ общественное значеніе его творчества (міровоззрѣніямъ и вѣрованіямъ, которыя могутъ также принадлежать болѣе или менѣе отдаленнымъ по времени эпохамъ и различнымъ культурнымъ средамъ). Наконецъ и послѣдняя цѣль всякаго общественнаго стремленія, дѣйствіе, трудъ,—та живая ткань исторіи, изученію которой соціологи

часто предаются слишкомъ исключительно, забывая изъ-за нея все остальное, — поступки и поведеніе людей, говорю я, будутъ равноцѣнны творчеству эстетическому, возбуждающему ихъ упавшія силы, философскому и религіозному, намѣчающему основныя направленія нравственной или общественной дѣятельности, и, наконецъ, спеціально-научному, руководящему отдѣльными частностями ихъ обычныхъ занятій (при чемъ эстетика, философія и наука эти могутъ, въ свою очередь, принадлежать уже минувшимъ вѣкамъ: такимъ образомъ объяснялись бы, съ одной стороны, отрицательное или даже вредное вліяніе мизонеистически настроенныхъ массъ, а съ другой—значительное число явленій, обыкновенно приписываемыхъ физіологической наслѣдственности и атавизму).

Я изложилъ кардинальные тезисы моей соціальной теоріи: гипотезу о внутренней природѣ общественнаго явленія; специфическій методъ, въ которомъ я вижу не столько новое средство для открытія истины, сколько легко доступный пріемъ контроля или провѣрки правильности образованія извѣстныхъ классификацій, извѣстныхъ индуктивныхъ и эмпирическихъ рядовъ фактовъ; наконецъ, весьма общій законъ, который, обнимая совокупность соціальныхъ явленій и констатируя ихъ постоянное соотношеніе, ихъ тѣсную связь, стремится объяснить ею не только ихъ генезисъ, но и все позднѣйшее развитіе. Пріемлемы ли эти взгляды, имѣютъ ли они какую-либо цѣнность, могутъ ли они служить точками исхода для изслѣдованій новой науки, помогая ей окончательно обосноваться? Отвѣта на всѣ эти вопросы, само собою разумѣется, я могу ждать только отъ моихъ читателей.

КНИГА ВТОРАЯ.

Главные виды общественной мысли.

ГЛАВА I.

Мысль аналитическая и гипотетическая.

Спеціализація мысли.—Субъективное и объективное знаніе.—Эмпиризмъ и апріоризмъ.—Альтруистическая природа знанія.—Его первоисточникъ: о п ы т ъ.—Двусмысленность этого термина.—Опытное изслѣдованіе и прикладное знаніе.—Относительность знанія и ея послѣдствія.—Религія наукп.

Разсмотримъ ближе, въ нашемъ семичленномъ ряду, его четыре послѣднихъ звена, образующихъ то, что мы назвали въ другомъ мѣстѣ «идеологическимъ четверозаконіемъ».

Эта группа обнимаетъ собою ближайшія условія, опредѣляющія явленія «высшей культуры», —тѣ сложныя отношенія, которыя продолжительное п с и х о л о г и ч е с к о е взаимодѣйствіе устанавливаетъ между сознаніями, уже тѣсно соприкасающимися, между умами, уже подпавшими вліянію первичнаго или п с и х о ф и з и ч е с к а г о альтруизма.

Превратившись, силою вещей (благодаря своему двойному движенію—центростремительному и центробѣжному), изъ органической въ надорганическую, человѣческая мысль всецѣло поглощается только что указанными сложными отношеніями. Это значитъ, что основные виды психологическаго взаимодѣйствія являются также и существенными формами обще-

ственной мысли. Изучая первые, мы въ дѣйствительности изучаемъ и послѣднія, мы вплотную подходимъ къ истинному предмету всякаго соціологическаго знанія.

Всѣ или почти всѣ согласны въ слѣдующемъ: мысль, расцвѣтая въ общественной средѣ, облекается въ четыре различныя формы, соотвѣтствующія хорошо извѣстнымъ группамъ фактовъ, носящимъ названіе науки (спеціальное или частное знаніе), философіи (общія вѣрованія), искусства (эстетическіе вкусы и творчество) и, наконецъ, дѣйствія (трудъ и поведеніе). Но отличительныя черты, признаки, дифференцирующіе эти четыре группы явленій, насколько намъ вѣдомо, никогда не были установлены съ достаточной точностью. Пограничныя линіи, отдѣляющія науку отъ философіи, философію отъ искусства, и вообще теорію отъ практики, никогда не были начертаны твердою рукою и «ne varietur». Здѣсь обыкновенно довольствовались смутными опредѣленіями, подсказанными поверхностнымъ знаніемъ; и цѣлыя школы мыслителей строили свои метафизико-соціологическія системы на болѣе или менѣе намѣренномъ и сознательномъ смѣшеніи либо философіи съ наукою (позитивизмъ и законъ трехъ состояній), либо искусства съ философіей (критицизмъ у нѣкоторыхъ изъ его представителей), либо практики съ теоріей (марксизмъ).

Въ нѣкоторыхъ другихъ моихъ работахъ (11) я уже пытался противодѣйствовать господствующему въ этой области эмпиризму. Я старался показать, что четыре главныя проявленія или основныя разновидности коллективной мысли находятся всегда въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга. Онѣ

слѣдуютъ одна за другой въ строго опредѣленномъ причинномъ порядкѣ; а когда ихъ располагаютъ въ телеологическій рядъ, онѣ обнаруживаютъ столь же правильную обратную преемственность.

Въ причинномъ ряду или порядкѣ аналитическая и гипотетическая мысль опережаетъ и порождаетъ мысль синтетическую и аподиктическую, которая, въ свою очередь, опережаетъ и порождаетъ мысль синкретическую и символическую; а эти три формы обобществленной мысли вполнѣ обусловливаютъ, прямо или косвенно, мысль практическую и телеологическую. Напротивъ, въ «цѣлеисходномъ» порядкѣ первое мѣсто принадлежитъ уже практической мысли. Здѣсь раціональное подчиненіе средства цѣли побуждаетъ насъ преувеличить, намѣренно раздуть значеніе послѣдней фазы соціопсихическаго процесса за счетъ его предшествующихъ фазъ. И это естественное и на дѣлѣ полезное преувеличеніе приводитъ насъ къ тому, что въ активной эволюціи обществъ мы начинаемъ видѣть точку исхода ихъ умозрительной эволюціи (эстетической, философской и научной). Въ концѣ-концовъ, мы совершенно упускаемъ изъ виду ту роль огромныхъ и мощныхъ аккумуляторовъ разсѣянной «общественности», какая принадлежитъ различнымъ формамъ теоретической или спекулятивной эволюціи; мы забываемъ ихъ цѣнность и значеніе какъ собирателей силы, какъ скрытыхъ источниковъ, накопляющихъ энергію, которую активная общественная эволюція расходуетъ впослѣдствіи во внѣшнихъ или наружныхъ фактахъ.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе, расположивъ ихъ въ генетическомъ порядкѣ, каждую изъ четы

рехъ основныхъ разновидностей обобществленной мысли.

Аналитическое и гипотетическое мышленіе характеризуетъ знаніе, которое можетъ быть эмпирическимъ или раціональнымъ. Съ помощью догадокъ, ограниченныхъ чувственнымъ опытомъ и, слѣдовательно, всегда провѣряемыхъ, такая мысль стремится свести конкретную дѣйствительность къ ея отвлеченнымъ элементамъ. Только разлагая сложные аггрегаты видимаго міра на ихъ идеальныя составныя части, можетъ наука дать себѣ отчетъ въ той внутренней связи, которая соединяетъ явленія между собой. Всѣ ея обобщенія имѣютъ глубоко аналитическій смыслъ. Мы можемъ, сколько угодно, называть ихъ синтезами, они все-таки, по существу своему, сохраняютъ характеръ чего-то частнаго, не выходящаго за предѣлы даннаго разряда явленій; и простая сумма ихъ никогда не становится равною общему синтезу міра (11 bis).

Научная мысль сводится прежде всего къ спеціализаціи того предмета, на который она обращена. Истинный ученый намѣренно ограничиваетъ свой кругозоръ однимъ какимъ-нибудь разрядомъ, одной опредѣленной категоріей ощущеній и представленій. Это добровольное суженіе умственнаго горизонта ставится ему въ заслугу какъ доказательство такъ называемой объективности. Всякое знаніе кажется намъ тѣмъ болѣе субъективнымъ, чѣмъ менѣе точно оно опредѣляетъ чувственныя или экспериментальныя данныя, съ которыми имѣетъ дѣло. Но въ этомъ смыслѣ наиболѣе субъективнымъ должно быть признано именно знаніе эмпирическое, видимо изнывающее подъ бременемъ разнорѣчивыхъ фактовъ,

которые оно безпорядочно собираетъ, не только не умѣя воспользоваться ими, какъ слѣдуетъ, но и не всегда рѣшаясь отдѣлить ихъ отъ бурнаго и пестраго потока мимолетныхъ впечатлѣній, осаждающихъ со всѣхъ сторонъ наблюдателя. И таковымъ же представляется намъ и знаніе, обыкновенно называемое априорическимъ и являющееся всегда либо результатомъ грубаго и неполнаго анализа (классическимъ примѣромъ чему могутъ служить такъ называемыя «трансцендентныя» изслѣдованія теологовъ и философовъ), либо апостеріорнымъ знаніемъ, первоначальный опытный источникъ котораго успѣлъ съ теченіемъ времени изгладиться изъ нашей памяти. Ни эмпиризмъ, ни апріоризмъ поэтому никогда не достигаютъ послѣдней цѣли аналитической мысли: имъ никогда не удается свести сложную множественность мыслящаго субъекта къ простому единству мыслимаго объекта.

Всякое знаніе открываетъ въ явленіяхъ различныя качества или «свойства», которыя суть въ то же время «отношенія» предметовъ между собою. Всякое знаніе, такимъ образомъ, устанавливаетъ между явленіями идеальную, надорганическую связь. Чтобы познать вещи, надо одновременно и соединить ихъ между собою, и присоединиться къ нимъ; надо быть въ состояніи въ мірѣ внутреннемъ найти міръ внѣшній и, наоборотъ, во внѣшнемъ мірѣ отыскать главные элементы мысли. Познаніе есть, слѣдовательно, въ одно и то же время, и «интеріоризація» мыслимаго объекта, его проекція въ духовный міръ, и «экстеріоризація» мыслящаго субъекта, его проекція вовнѣ, въ чувственный міръ, его безпрерывная альтруизація.

Познаніе есть самое раннее проявленіе обобществленной мысли. Внимательное различеніе предметовъ, выражающееся въ рядѣ анализовъ надъ ихъ конкретными, внѣшними признаками, и безпокойное вопрошеніе природы, выражающееся въ рядѣ гипотезъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя связываютъ явленія между собою, — вотъ, конечно, первые перегоны на длинномъ, столь мало еще изслѣдованномъ пути психосоціальнаго прогресса. Эта двойная работа мысли, уже глубоко альтруистической, безспорно предваряетъ и подготовляетъ всю остальную ея дѣятельность. Она составляетъ начальную главу въ исторіи человѣческихъ цивилизацій.

Этой первой главѣ, однако, въ свою очередь, предшествуетъ обширное предисловіе: такъ называемый о п ы т ъ, — неясный и колеблющійся терминъ, служащій для обозначенія цѣлой массы явленій и процессовъ, часто имѣющихъ лишь весьма отдаленную между собою связь. Оставляя пока въ сторонѣ особыя значенія, придаваемыя этому слову (12), я буду говорить здѣсь только объ обычномъ его пониманіи, соединяющемъ подъ однимъ и тѣмъ же словеснымъ знакомъ два различныхъ случая или два различныхъ эволюціонныхъ момента: «поискъ», предшествующій познавательному пріобрѣтенію, и «примѣненіе», за нимъ слѣдующее. Легко понять причины, приведшія къ этому смѣшенію и поддерживающія его. Дѣйствительно, вслѣдствіе относительнаго характера нашихъ знаній, примѣненіе ихъ является всегда въ то же время и ихъ провѣркой, или испытаніемъ, которому мы ихъ подвергаемъ. Всякое практическое начинаніе, всякій фактъ и всякое событіе можетъ обогатить насъ новыми данными; и примѣ-

неніе уже достигнутаго знанія само обращается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ опытъ, въ первоначальный источникъ открытія истины. Но это превращеніе отнюдь не составляетъ логической, раціональной необходимости, и оно никогда не является настоящей цѣлью самого примѣненія. Иначе обстоитъ дѣло съ начальнымъ поискомъ, неизмѣнно преслѣдующимъ новую истину, безпрестанное увеличеніе общей суммы нашихъ знаній. Этотъ поискъ является поэтому всегда и, такъ сказать, ex definitione, опытомъ.

Очевидно, впрочемъ, что эмпирическій фазисъ развитія въ каждой наукѣ изобилуетъ случаями, оправдывающими или, по меньшей мѣрѣ, извиняющими указанное выше смѣшеніе. Наше знаніе въ эту эпоху такъ ничтожно и мало достовѣрно, что, прилагая его, мы постоянно рискуемъ наткнуться на доказательства его неосновательности или ложности, а это побуждаетъ насъ идти на дѣлѣ не одною, а многими дорогами. Наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ наше знаніе растетъ и зрѣетъ, случаи, когда примѣненіе его готовитъ намъ подобныя неожиданности, становятся все рѣже и рѣже. Практика перестаетъ быть какимъ-то синонимомъ умственныхъ процессовъ, предшествующихъ установленію теоріи; она спеціализируется, она образуетъ область, совершенно отдѣльную отъ области чистой спекуляціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщается и точно разъясняется и самый терминъ опыта, который утрачиваетъ свой первый и неясный смыслъ, позволявшій постоянно смѣшивать поискъ знанія съ его примѣненіемъ.

Какъ бы то ни было, но обусловливаемая опытомъ (конечнымъ результатомъ и выраженіемъ кото-

раго она является), аналитическая и гипотетическая форма альтруистической мысли прочно открываетъ собою эволюцію всего ряда другихъ разновидностей той же мысли. Она содержитъ ихъ всѣхъ въ зародышѣ. Ея старшинство является въ этомъ смыслѣ настоящимъ первенствомъ. Мы должны признать послѣднее, отнюдь, однако, не преувеличивая его значенія. Изъ того, что всѣ явленія уже заданы, такъ сказать, въ ихъ собственныхъ корняхъ или начаткахъ, не слѣдуетъ выводить неправильнаго заключенія, будто одни только корни и начатки явленій имѣютъ научную цѣнность. Наша безсознательная религіозность и наши атавистическіе предразсудки на каждомъ шагу разставляютъ передъ нами незамѣтныя западни. И въ одну изъ нихъ мы невольно попадаемъ, превращая «Науку» въ великій идолъ современности, въ верховное божество новѣйшихъ временъ (13).

ГЛАВА II.

Мысль синтетическая и аподиктическая.

Философскій синтезъ. — Его аподиктическій характеръ (положительный или отрицательный). — «Метанаучное» значеніе всякой философіи. — Религіи и метафизическія системы. — Общественная палеонтологія. — Всеобщія идеи. — Ихъ логическая роль. — Истинный смыслъ слова: познавать. — Синтезъ внутринаучный и синтезъ междунаучный. — Философское умозрѣніе какъ «функція» познанія. — Достовѣрность и ея эволюція. — Сомнѣніе. — Его роль въ наукѣ. — Возможно ли философское сомнѣніе? — Эмпирическая увѣренность и ея превращеніе въ вѣру. — Скептицизмъ. — Борьба за раціональную достовѣрность. — Будущая философія. — Одна основная ошибка Огюста Конта.

Анализъ, порожденный вопросомъ или сомнѣніемъ, превратившимся во временную догадку, вызываетъ и обусловливаетъ собою синтезъ, основанный, въ свою очередь, на отвѣтѣ или скорѣе—такъ какъ дѣло идетъ фактически о множествѣ анализовъ—на отвѣтахъ, уже полученныхъ на поставленные вопросы. Итакъ, анализъ, по самой природѣ своей, гипотетиченъ, а синтезъ—аподиктиченъ (въ смыслѣ утвержденія или отрицанія). Первый является исходной точкою нашихъ частныхъ познаній, второй—твердою опорою нашихъ философскихъ (или религіозныхъ) воззрѣній.

Мысль, служащая выраженіемъ психологическому взаимодѣйствію, идетъ въ своемъ развитіи отъ научнаго анализа къ философскому синтезу. Изъ аналитической и гипотетической она необходимо превращается въ синтетическую и аподиктическую. Теченіе это устанавливается очень рано, съ первыхъ шаговъ, съ самыхъ слабыхъ проявленій психической эволюціи, и впослѣдствіи никогда болѣе не прерывается. Уже самые поверхностные анализы ведутъ къ синтезамъ, въ которыхъ точно отражается ихъ источникъ,—къ синтезамъ или ребяческимъ, или фантастическимъ. Грубыя и невѣжественныя религіи, подобно самымъ утонченнымъ метафизическимъ системамъ, являются плодами, приносимыми древомъ познанія въ соотвѣтствующія эпохи, послѣдними выводами, къ которымъ приходитъ умъ вслѣдъ за сличеніемъ между собою конечныхъ результатовъ своихъ аналитическихъ поисковъ.

Философская мысль глубоко отличается отъ научной. Философъ (какъ метафизикъ, такъ и теологъ) пользуется наиболѣе зрѣлыми идеями своей среды и своего времени (или «частными синтезами» различныхъ наукъ), чтобы съ помощью ихъ воздвигнуть новое зданіе: общій синтезъ міра, т.-е. нѣчто столь же отвлеченное, какъ и анализы, служащіе ему основой, твореніе разума, логическое рѣшеніе задачи, являющейся непосильной для каждой отдѣльной науки, которая не можетъ, безъ явнаго самоотрицанія, переступить черезъ свои собственныя границы. Рѣшеніе философа, будетъ ли оно утвердительное или отрицательное, монистическое, дуалистическое или плюралистическое, религіозное или атеистическое, — всегда носитъ явно метанаучный характеръ. Оно можетъ

быть продуктомъ эмпиризма, или раціональнаго знанія; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ оно одинаково выходитъ за предѣлы всѣхъ спеціальныхъ наукъ. Сверхъ того, оно всегда аподиктично, оно влечетъ за собою разумное убѣжденіе, ту высшую степень увѣренности, которая въ правильно построенномъ силлогизмѣ свойственна выводимому изъ него заключенію (14).

Современныя міровоззрѣнія часто противополагаются, подъ именемъ научныхъ, міропониманіямъ прошедшаго, ставшимъ достояніемъ исторіи. При этомъ почти всегда, однако, забываютъ, что всѣ безъ исключенія религіи и метафизическія системы, когда онѣ возникали, были также философіями, тѣсно связанными съ знаніемъ своего времени. Связь эта продолжалась цѣлые вѣка. Она не порвана и понынѣ; и въ этой чертѣ и заключается проклятіе, тяготѣющее надъ традиціонными вѣрованіями, причина, неуклонно влекущая ихъ къ конечной гибели. Мы сдѣлали бы гораздо лучше, если бъ рельефно выставили многочисленные и рѣзкіе контрасты, отдѣляющіе знаніе нашихъ дней отъ науки минувшихъ эпохъ. Тогда ярко обнаружилась бы вся тщетность возобновляемыхъ время отъ времени попытокъ, таящихъ въ себѣ безумную надежду примирить современную науку съ вѣрою далекихъ предковъ. Съ такимъ же точно успѣхомъ можно было бы стремиться, напримѣръ, къ согласованію нашихъ современныхъ понятій въ астрономіи со взглядами на небесныя явленія первобытныхъ пастушескихъ народовъ; или къ прочному компромиссу между химіей нашихъ лабораторій и древней доктриной о четырехъ элементахъ. Религіи и болѣе старыя метафизическія си-

стемы снабжаютъ общественную палеонтологію самыми цѣнными ея документами. Подобно тѣмъ пластамъ земного шара, въ которыхъ лежатъ кости вымершихъ животныхъ породъ и остатки уже не существующихъ растеній, философскія догмы прошедшаго бережно хранятъ въ своихъ нѣдрахъ, открывая ихъ глазамъ внимательнаго наблюдателя, окаменѣлые слѣды давно изчезнувшей науки.

Однимъ словомъ, и какъ бы она ни называлась въ отличіе отъ другихъ построеній подобнаго же рода, всякая философія есть не что̀ иное, какъ логическій синтезъ, возстанавливающій естественное единство міра, расчлененнаго нашимъ анализомъ. Съ этой цѣлью философія собираетъ, сближаетъ, соединяетъ въ обширныя группы, сводитъ къ небольшому числу универсальныхъ идей высшія отвлеченія, руководящія понятія, разсѣянныя въ многочисленныхъ отдѣлахъ спеціальнаго знанія. Она не можетъ присвоить себѣ функцій науки. Она не стремится къ открытію неизвѣстныхъ отношеній между явленіями и не устанавливаетъ для нихъ новыхъ законовъ. Она не ставитъ себѣ и не рѣшаетъ никакой частной задачи. Она преслѣдуетъ лишь одну цѣль: соединить разумною связью уже добытые результаты, точныя или приблизительныя рѣшенія различныхъ научныхъ проблемъ. Ограниченное ядро идей, поистинѣ всеобщихъ или міровыхъ, позволяетъ намъ уже не постигать вещи въ ихъ частностяхъ, или понимать ихъ нѣсколькими различными способами (прямой смыслъ слова «знать»), но схватывать ихъ въ общей совокупности, понимать ихъ единымъ или однороднымъ образомъ (для обозначенія чего еще не существуетъ термина, который, отличаясь

отъ слова «познаніе», могъ бы служить ограниченію и точному уясненію содержанія послѣдняго).

Конечно, спеціальное знаніе тоже переходитъ отъ анализа къ синтезу. Всегда начинаясь цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе мелочныхъ и кропотливыхъ разложеній и различеній, оно постоянно заканчивается сравнительно широкими сочетаніями понятій. И каждая наука справедливо гордится своею общею частью, придавая ей порою громкій титулъ спеціальной философіи соотвѣтствующей области знанія. Но этотъ крайне неудачный терминъ достаточно обнаруживаетъ глубокую разницу, существующую между синтезомъ ученаго и синтезомъ философа. Подъ страхомъ признанія полной безцѣнности своихъ взглядовъ въ качествѣ научныхъ выводовъ, ученый долженъ стремиться обнять взоромъ только часть горизонта, только одну изъ многихъ сторонъ мірового бытія. И подъ страхомъ признанія ничтожества, полной безцѣнности своихъ взглядовъ въ качествѣ философскихъ выводовъ, философъ долженъ стремиться обнять горизонтъ во всемъ его объемѣ, опредѣляемомъ полнымъ цикломъ отдѣльныхъ наукъ и всѣми частями вселенной.

Самые широкіе синтезы спеціальнаго знанія; относясь лишь къ дробнымъ частямъ міровой суммы явленій, играютъ въ философіи роль матеріаловъ, элементовъ, простыхъ данныхъ. Быть-можетъ, впрочемъ, мы и не совсѣмъ правы, когда, подъ вліяніемъ симетрическихъ привычекъ ума, сводимъ точки отправленія философской мысли къ однимъ законченнымъ научнымъ синтезамъ. Поле, открытое умозрѣнію философа, несомнѣнно гораздо шире, его выборъ гораздо свободнѣе. Его синтети-

ческая мысль можетъ съ такимъ же успѣхомъ быть направлена и на непосредственные результаты анализа въ каждой отрасли отвлеченнаго знанія. Вмѣсто того, чтобы стараться возсоздать міръ окольнымъ путемъ, обращаясь къ частичнымъ интеграціямъ различныхъ наукъ, философъ можетъ пытаться возстановить его прямо, пользуясь съ этой цѣлью знаніемъ послѣднихъ элементовъ его. Во всякомъ случаѣ, синтезъ ученаго никогда не переходитъ за предѣлы одной науки, а синтезъ философа всегда м е ж д у н а у ч е н ъ.

Это различіе весьма важно. Оно проводитъ между наукой и философіей, по меньшей мѣрѣ, столь же глубокую пограничную линію, какъ та, которая отдѣляетъ область науки или философіи отъ области искусства, и область искусства отъ области «дѣйствія» или поведенія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Близкое родство терминовъ: познаніе, синтезъ и т. п., безразлично прилагаемыхъ и къ научному поиску за истиной и къ философской спекуляціи, не должно вводить насъ въ заблужденіе. Философія не есть знаніе. Она, говоря языкомъ математики, есть ф у н к ц і я знанія, какъ искусство, въ свою очередь, есть функція и философіи, и знанія, и какъ дѣйствіе или поведеніе есть одновременная функція искусства, философіи и науки (15).

Всякая философія синтетична въ только что указанномъ нами смыслѣ. Но эта разновидность общественной мысли, кромѣ того, неизмѣнно аподиктична: такова вторая существенная черта, отличающая философію отъ науки.

Но и эту новую демаркаціонную линію старались также стереть. Съ этой цѣлью усердно отрицалась

возможность философской достовѣрности, которая изображалась какъ нѣчто, несравненно болѣе слабое, чѣмъ достовѣрность научная, или какъ самая низкая ступень ея. При этомъ доходили даже до утвержденія, что философія является настоящей лабораторіей гипотезъ, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы вѣчно подымать всякаго рода вопросы съ цѣлью предоставить разрѣшеніе ихъ отдѣльнымъ спеціальнымъ наукамъ.

Недоразумѣніе это одно изъ самыхъ серьезныхъ. Оно объясняется многими причинами, открываемыми намъ исторіей отношеній, издавна установившихся между философіей и наукою; но главнѣйшею между ними, какъ намъ кажется, была чрезвычайная медленность развитія или колеблющееся поступательное движеніе, характеризовавшія дѣтство и раннюю юность различныхъ отраслей знанія и составляющія до сихъ поръ, какъ извѣстно, отличительную черту наукъ о мірѣ надорганическомъ. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы считаться съ этимъ источникомъ слабости древнихъ философскихъ системъ, мы слишкомъ склонны судить объ нихъ безотносительно. Мы спрашиваемъ себя, какое значеніе могутъ имѣть *сами по себѣ* (т.-е., въ дѣйствительности, на нашъ современный взглядъ) синтезы, тѣсно связанные съ такою массою неполныхъ наблюденій, неудачныхъ опытовъ, ложныхъ объясненій, странныхъ гипотезъ, теорій одна нелѣпѣе другой! И, само собою разумѣется, мы отказываемъ имъ въ убѣдительности, которою они въ нашихъ глазахъ уже не пользуются. Мы замѣняемъ такимъ образомъ точку зрѣнія нашихъ предшественниковъ своими собственными взглядами. Мы погрѣ-

шаемъ противъ того великаго начала относительности, которое у насъ вѣчно на устахъ. Мы забываемъ, что достовѣрность, составляющая субъективную сторону познанія, развивается одновременно съ послѣднимъ и испытываетъ одну съ нимъ судьбу.

Поставленная лицомъ къ лицу съ матеріалами, негодность которыхъ она, за неимѣніемъ точекъ сравненія, не могла заподозрить, философская мысль нашихъ предковъ блестяще выполнила свою задачу. Она совершила огромное усиліе, достойное глубочайшаго удивленія: она создала чудесные синтезы теологій, все внутреннее содержаніе положительныхъ религій. Но догматъ, подобно любой философемѣ, прямая противоположность гипотезы. Пока догматъ не рушился, пока въ немъ еще не угасло дыханіе жизни, онъ внушаетъ своимъ приверженцамъ горячее убѣжденіе, онъ даетъ имъ увѣренность, съ которою ничто не можетъ сравниться. Всѣ религіи въ началѣ своего существованія носили такой въ высшей степени аподиктическій характеръ. И только гораздо позднѣе, только тогда, когда знаніе достигло успѣховъ настолько значительныхъ, что вызвало новый расцвѣтъ синтетической мысли,—появился впервые на исторической сценѣ религіозный, а, слѣдовательно, и философскій скептицизмъ. Изъ аподиктическихъ (казавшихся строго доказанными), религіозные догматы сдѣлались утвержденіями ассерторическими (казавшимися основанными на недостаточныхъ доказательствахъ) и, наконецъ, проблематическими (казавшимися сомнительными). Такимъ образомъ достовѣрность — я разумѣю философскую достовѣрность, которая объединяетъ разбросанныя утвержденія спеціальнаго знанія, связывая наиболѣе точныя его

данныя съ менѣе доказательными положеніями чисто-логическими узами — превратилась мало-по-малу въ вѣрованіе или въ простое мнѣніе.

Сомнѣніе имѣетъ реальную цѣнность лишь тогда, когда оно направлено противъ провѣряемыхъ гипотезъ спеціальнаго знанія, противъ фактовъ, первоначальныхъ данныхъ, служащихъ источникомъ и основою великихъ философемъ, управляющихъ духовною жизнью человѣчества. Чтобы отбросить заключеніе, не являющееся очевиднымъ паралогизмомъ, нужно, прежде всего, сумѣть распознать частичную или полную ошибочность посылокъ, на которыхъ оно основано. Философское сомнѣніе составляетъ, въ этомъ смыслѣ, если не простую contradictio in adjecto, то, по крайней мѣрѣ, нѣчто вполнѣ подчиненное сомнѣнію научному, явное послѣдствіе его, родъ эпифеномена, сопровождающаго опытное изслѣдованіе, но никогда не могущее предварить или опередить его. Извѣстно, какъ многіе мыслители (и между ними малые гораздо болѣе, чѣмъ великіе) злоупотребляли неподходящимъ терминомъ: философское сомнѣніе; извѣстны и широкое значеніе, какое они ему придавали, и популярность, пріобрѣтенная этимъ выраженіемъ, вопреки полной его безсодержательности.

Метафизическія системы, смѣнившія въ умахъ избраннаго меньшинства древнія религіозныя воззрѣнія, раздѣлили во всемъ судьбу религій. У каждой изъ нихъ былъ свой періодъ аподиктическаго величія, за которымъ, въ зависимости отъ болѣе или менѣе быстраго хода научныхъ открытій, слѣдовалъ періодъ скептическаго упадка. И то же самое

должно, рано или поздно, случиться и съ пользующимися наибольшей славой міровыми синтезами настоящаго времени.

Разрушая самыя неприступныя съ виду твердыни, воздвигнутыя прежнимъ знаніемъ, позднѣйшая наука загромоздила историческую почву развалинами и вызвала два тѣсно связанныхъ между собою явленія: медленное превращеніе первоначальныхъ философскихъ достовѣрностей въ простыя «вѣрованія», и выступленіе на сцену новаго вида философіи—философіи критической, воинствующей, скептической.

«Вѣра» первобытныхъ эпохъ отожествлялась съ единственнымъ видомъ достовѣрности, который могъ быть порожденъ знаніемъ, существовавшимъ въ то время,—съ убѣжденіемъ эмпирическимъ. И господствовавшая тогда философія, догматическая теологія, очень долго уподоблялась острову съ крутыми берегами, которыхъ не могли залить набѣгавшія волны сомнѣнія. Дѣло стало портиться только вмѣстѣ съ нѣкоторыми позднѣйшими успѣхами спеціальнаго знанія,—успѣхами, которые раскрыли и рельефно выставили существенные и многочисленные дефекты эмпиризма, какъ апостеріорнаго (какимъ онъ представляется въ изслѣдованіяхъ, касающихся фактовъ внѣшняго міра), такъ и апріорнаго (какимъ онъ представляется въ анализахъ, имѣющихъ объектомъ внутренній міръ нашихъ чувствъ, нашихъ стремленій и идей). Твердое убѣжденіе, сопровождавшее эмпирическое знаніе, поколебалось, а соотвѣтствующая этому знанію синтетическая и аподиктическая мысль потерпѣла такое diminutio capitis, отъ котораго она никогда не могла оправиться.

Мысль эта, казалось, должна была раздѣлить судьбу породившей ее науки и исчезнуть вмѣстѣ съ признаніемъ невѣрности данныхъ, служившихъ ей точкою отправленія. Но ея проповѣдники и защитники, въ силу обстоятельствъ, заключавшихся, главнымъ образомъ, въ неравномъ распредѣленіи въ человѣческихъ обществахъ всякаго рода богатствъ, духовныхъ и матеріальныхъ, были вынуждены явить намъ странное и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкое зрѣлище: зрѣлище логическаго вывода, висящаго въ воздухѣ, пережившаго собственныя предпосылки! Какъ бы то ни было, но этотъ «пережитокъ» образовалъ вскорѣ въ философіи особую разновидность, надолго удержавшую за собою названіе «вѣры» или «вѣрованія». И едва ли нужно напоминать, что метафизическія системы, явившіяся для многихъ умовъ наслѣдницами великихъ религіозныхъ обобщеній, подверглись въ свою очередь точно такой же участи.

Однимъ словомъ, все болѣе и болѣе очевидно, что для того, чтобъ сохранить свою силу, не опускаясь на степень чистой вѣры, разумное убѣжденіе философа должно будетъ отнынѣ опираться на достовѣрные результаты полнаго цикла наукъ. Оно до сихъ поръ утверждалось на сравнительно узкомъ фундаментѣ, представляемомъ доказанными истинами наукъ неорганическаго міра, къ которымъ въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ присоединялись и болѣе или менѣе вѣроятныя истины наукъ міра органическаго. И съ этой именно точки зрѣнія и можно говорить о будущемъ обоснованіи философіи, какъ говорятъ о современномъ обоснованіи со-

піологіи, и надѣяться, что первое событіе наступитъ скоро за вторымъ (16).

Другой изъ упомянутыхъ выше фактовъ, медленное проникновеніе научнаго сомнѣнія въ область философіи и вызванное имъ здѣсь броженіе агрессивнаго или разрушительнаго характера, составляетъ, въ свою очередь, неизбѣжный результатъ неустойчивости, свойственной всякому исключительно эмпирическому знанію. Въ самомъ дѣлѣ, что могло сдѣлать міропониманіе, опиравшееся на болѣе развитую науку, видя, что принадлежащее ему по праву мѣсто занято и твердо защищается старымъ строемъ понятій? Ему поневолѣ приходилось вступать въ борьбу съ противными взглядами, оспаривать ихъ право на всеобщее признаніе, пытаться низвергнуть ихъ. Этой задачѣ и посвятили себя, одна за другою, всѣ передовыя философскія системы.

Дѣйствуя отъ имени породившей ихъ науки, философскія системы не замедлили заимствовать у положительнаго знанія и всѣ его боевые пріемы. Въ философію такимъ образомъ вкрался и вскорѣ овладѣлъ ею скептицизмъ, составляющій отличительную черту научной мысли. Смѣшеніе между аналитико-гипотетическимъ и синтетико-аподиктическимъ способами мышленія (смѣшеніе, начало котораго восходитъ къ грубому агностицизму религіозныхъ эпохъ) достигло своего апогея. Одно время могло даже казаться, что философія, послѣдовательно бросаясь въ объятія всѣхъ возможныхъ эмпиризмовъ (эмпиризма физическаго или космологическаго, затѣмъ біологическаго и, наконецъ, этико-общественнаго), окончательно рѣшила встать подъ

знамя одной изъ главныхъ разновидностей эмпиризма психологическаго (такъ называемой теоріи познаванія).

Двусмысленная роль, сыгранная философіей въ теченіе многихъ вѣковъ, была, повторяю, естественнымъ послѣдствіемъ ожесточенной борьбы, которую юныя міровоззрѣнія вели противъ старыхъ, находя, что аподиктическія утвержденія или отрицанія ихъ прямо противорѣчатъ новымъ научнымъ даннымъ и открытіямъ. Безспорное и исключительное обладаніе раціональною достовѣрностью всегда было и останется (пока двѣ разновозрастныя философіи будутъ имѣть возможность столкнуться и помѣряться силами) высшею цѣлью, единственной наградой подобной борьбы, такого соревнованія. Но въ пылу битвы, забывая конечный предметъ спора, обѣ стороны только и думаютъ о способахъ и средствахъ, наиболѣе пригодныхъ для того, чтобъ настигнуть и повергнуть въ прахъ врага. А въ занимающемъ насъ случаѣ такіе способы и средства сводились, главнымъ образомъ, къ доказательству, что тезисы, выдававшіеся противникомъ за наиболѣе достовѣрные, обладали лишь весьма слабой степенью вѣроятности, были гипотезами, лишенными серьезнаго основанія. И все это доказывалось по разнымъ поводамъ такъ часто и такъ успѣшно, что въ концѣ-концовъ создалось впечатлѣніе, сложилось широко распространившееся мнѣніе, которое можетъ быть вкратцѣ выражено такъ: на глубокомъ днѣ всякой философской доктрины лежитъ всеобщая и едва ли доступная повѣркѣ гипотеза (17).

Огюстъ Контъ, какъ извѣстно, пытался дать классификацію главныхъ типовъ философскихъ ученій,

прославившихся въ исторіи. Съ этой цѣлью онъ соединилъ ихъ въ три группы, слѣдующія другъ за другомъ въ неизмѣнномъ порядкѣ. Но эта удобная во многихъ отношеніяхъ и легко запоминаемая, а потому и быстро ставшая популярной классификація глубоко эмпирична,—съ этимъ охотно соглашаются теперь всѣ. Классификація Конта придаетъ чрезмѣрную цѣну нѣкоторымъ внѣшнимъ чертамъ общихъ воззрѣній на міръ, и обходитъ полнымъ молчаніемъ, всецѣло игнорируетъ скрытыя причины, которыя, управляя развитіемъ отвлеченныхъ идей, однѣ только и дифференцируютъ между собою, на самомъ дѣлѣ, великіе міровые синтезы. Въ этомъ смыслѣ предложенная Контомъ классификація имѣетъ столь же мало значенія, какъ и обычное дѣленіе исторіи, напримѣръ, на древнюю, среднюю и новую.

Божественная воля, сущность вещей, естественный законъ—вотъ наиболѣе общіе родовые признаки, служащіе, по мнѣнію Конта, для распознанія главныхъ разновидностей всѣхъ возможныхъ философій: вотъ и три степени посвященія, чрезъ которыя проходитъ разумъ человѣка, стремясь узаконить и оправдать свое право господствовать надъ міромъ.

Но эти признаки своеобразно искажаютъ дѣйствительность, выдавая въ ней причину за слѣдствіе и наоборотъ. Выводя изъ своей классификаціи философій общій соціологическій законъ и утверждая, что всѣ наши спеціальныя знанія проходятъ черезъ три состоянія: что они носятъ печать сначала теологической, затѣмъ метафизической и, наконецъ, положительной мысли, Контъ ясно даетъ понять,

что наука въ своемъ поискѣ за истиной послѣдовательно руководится тремя основными гипотезами, имѣющими универсальный или философскій характеръ. Онъ видитъ такимъ образомъ въ философской мысли первую причину, приводящую въ движеніе мысль научную, т.-е. приписываетъ философіи и въ области знанія ту роль, какую она играетъ лишь по отношенію къ искусству и къ практической дѣятельности. Онъ стремится, къ тому же, закрѣпить неясное и двусмысленное понятіе о міровомъ синтезѣ, какъ о гипотезѣ, одновременно и выходящей за предѣлы каждой отдѣльной научной спеціальности, и оказывающей прямое и сильное вліянье на всѣ безъ исключенія отрасли знанія.

Идеи божества и метафизической сущности вещей несомнѣнно являются въ глазахъ Конта такими именно гипотезами (не знаю, причисляетъ ли онъ къ тому же разряду и идею естественнаго закона). Онъ потому, можетъ-быть, и не рѣшается прямо и безповоротно отвергнуть ихъ; и вмѣсто открытаго отрицанія божества и метафизической сущности, довольствуется, подъ предлогомъ непознаваемости, вѣчной непостижимости для человѣческаго ума обоихъ понятій, простымъ удаленіемъ ихъ съ своей дороги. Онъ, однимъ словомъ, не видитъ, что великія идеи, направлявшія искусство и технику, эстетику и поведеніе человѣчества, но никогда не господствовавшія, какъ онъ ошибочно думаетъ, надъ наукой,— что эти идеи, при первомъ своемъ появленіи, были вполнѣ правильными заключеніями, выведенными изъ силлогизмовъ, посылки которыхъ обнимали всю сумму знаній соотвѣтствовавшей эпохи. И еще менѣе видитъ онъ то, что если эти синтезы мало-по-

малу утратили свое прежнее аподиктическое значеніе, то это могло произойти лишь вслѣдствіе обнаружившагося позднѣе разногласія ихъ съ новыми открытіями положительнаго знанія; при чемъ характеръ простыхъ гипотезъ старые синтезы пріобрѣтали, разумѣется, исключительно лишь въ глазахъ меньшинства, успѣвавшаго тѣмъ временемъ сдѣлать изъ своихъ умноженныхъ и исправленныхъ познаній совершенно иные логическіе выводы.

ГЛАВА III.

Мысль синкретическая и символическая.

Искусство и два его источника: философія и наука.—Понятія красоты и безобразія и ихъ конкретное осуществленіе.—Искусство, какъ соединительное звено между всѣми видами «аподиктическаго синтетизма» (эмпирическое убѣжденіе, вѣра, разумное убѣжденіе) и всѣми формами «цѣлеисходнаго прагматизма».—Зачаточное искусство, соотвѣтствующее эмпирическому знанію (эпоха вѣры).—Болѣе развитое искусство, соотвѣтствующее болѣе раціональному знанію (эпоха господства философіи, слывущая нынѣ за эпоху господства науки). — Соціологическое явленіе «возвратнаго или задержаннаго движенія» и законъ, имъ управляющій.—Растущее значеніе эстетическаго фактора.

Научная мысль и въ особенности опредѣляемая ею мысль религіозная или философская обусловливаютъ собою третью разновидность общественной мысли: именно, мысль эстетическую, или особаго рода отношеніе, въ которое человѣкъ, живущій въ обществѣ себѣ подобныхъ, становится къ другимъ людямъ и къ міру или природѣ вообще. Это отношеніе является необходимой составной частью всякаго психологическаго взаимодѣйствія. Общественная среда немыслима внѣ эстетическаго сужденія въ широкомъ смыслѣ, какое даетъ этому слову Кантъ, т.-е. сужденія, которое, не отдѣляя содержанія явле-

ній отъ ихъ внѣшнихъ признаковъ, разсматриваетъ «формы вещей» съ цѣлью извлечь изъ такого созерцанія особое чувство удовольствія. Каждый изъ насъ такимъ образомъ является въ нѣкоторой степени и поочередно ученымъ, философомъ, художникомъ; эти различныя стороны одной и той же общественной мысли мы и выражаемъ нашими поступками, мы и воплощаемъ въ нашемъ поведеніи (18).

Эстетическія явленія составляютъ прямой продуктъ синкретической и символической мысли. Искусство выполняетъ коллективную и въ высшей степени трудную работу, которую не могутъ предпринять ни наука, ни философія. Въ эстетическомъ творчествѣ дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы разложить окружающій насъ міръ на его послѣдніе элементы, и не о томъ, чтобы съ помощью широкихъ обобщеній возстановить его логическое единство. Задача художника иная: онъ долженъ уловить въ конкретномъ бытіи — не разлагая его аналитически, сохраняя за нимъ всю полноту и подвижность жизни—главную или господствующую идею, то, что Тэнъ называлъ выдающейся чертой, самымъ характернымъ признакомъ явленія.

Этому признаку—не отрывая его отъ окружающей сложной среды, а только подчеркивая, усиливая его, выдвигая его на первый планъ, одаряя его яркими красками и теплотою реальной жизни—мы и даемъ безразлично названія идеальнаго или прекраснаго. Красота, въ этомъ смыслѣ, есть истина, старательно выбранная между сотнями и тысячами другихъ,—истина, которая, возбуждая въ насъ неподдѣльное чувство восторга, укрѣпляетъ нашу вѣру въ самихъ себя, направляетъ избытокъ нашей

энергіи на внѣшній міръ и тѣмъ оживляетъ и поддерживаетъ нашу практическую или полезную дѣятельность.

Я здѣсь могу лишь повторить сказанное мною въ другомъ мѣстѣ: руководимый—всего чаще безсознательно и подчиняясь давленію общественной среды—глубокими анализами ученаго и еще болѣе, можетъ статься, широкими синтезами философа, художникъ приступаетъ къ тщательному отбору въ окружающемъ его обширномъ мірѣ конкретныхъ явленій. Онъ отмѣчаетъ, выдѣляетъ, запоминаетъ извѣстныя реальныя явленія—звуки, линіи, формы, краски, чувства, идеи, поступки и т. д.—которыя кажутся ему болѣе существенными, болѣе важными, чѣмъ остальныя, и которыя, сверхъ того, могутъ быть сопоставлены или соединены такъ, чтобы возбудить въ насъ особое чувство: р а д о с т ь д ѣ й с т в і я (одинъ изъ главнѣйшихъ видовъ радости жить, наслажденія жизнью). На этомъ пути художникъ и открываетъ ту в е с е л у ю и с т и н у, ту легкую и вольную науку, которая, именуясь еще красотою, поддерживаетъ нашу бодрость, возстановляетъ наши истощенныя силы и болѣе всего на свѣтѣ помогаетъ намъ мужественно переносить жизненныя невзгоды и страданія (19).

Правду, которую даетъ намъ художникъ, нельзя назвать ни аналитической и гипотетической (научною), ни синтетической и аподиктической (философскою). Правда или истина его — синкретическая и символическая. Она не можетъ быть иною, главнымъ образомъ, по тремъ слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, сознательно или невольно, но художникъ ищетъ и находитъ «нравящуюся» ему истину, оставаясь всегда подъ вліяніемъ и прибѣгая къ по-

мощи не столько знанія, сколько общихъ вѣрованій своей эпохи. Затѣмъ, чтобы заставить такую истину выйти изъ ряда другихъ и одарить ее самостоятельнымъ существованіемъ, художникъ долженъ собрать, гармонически слить воедино самые разнообразные атрибуты, самыя различныя черты конкретной дѣйствительности. Наконецъ, чтобы сообщить и другимъ пріобрѣтенное имъ «веселое знаніе» и то чувство бодрящей силы, которое съ нимъ неразлучно, художникъ употребляетъ средства, ему одному свойственныя и имъ постоянно совершенствуемыя: онъ говоритъ на всеобщемъ, понятномъ всему человѣчеству языкѣ живыхъ образовъ и ясныхъ символовъ.

Понятія красоты и безобразія часто рѣзко противополагаются другъ другу, при чемъ упускается изъ виду, что подобно понятіямъ добра и зла, и эти двѣ идеи не только соотносительны, но и тожественны по самой природѣ своей. Безобразіе есть всегда лишь низшая ступень красоты, ступень, превзойденная либо правильной эволюціей, либо временною прихотью (модой) эклектической оцѣнки, носящей названіе вкуса. Безобразіе само въ себѣ, какъ зло въ себѣ, какъ покой въ себѣ, какъ всѣ абсолютныя отрицательныя понятія, не можетъ существовать независимо отъ соотвѣтственной положительной идеи красоты, которая обусловливаетъ его и даетъ ему все его реальное содержаніе.

Это настолько вѣрно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ—а они встрѣчаются чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ—признанное безобразіе обращается на нашихъ глазахъ въ безспорную красоту. Тутъ не происходитъ никакого чуда, такъ такъ все совер-

шается въ силу общихъ законовъ, управляющихъ развитіемъ эстетической мысли и сводящихся къ двумъ преслѣдующимъ одну и ту же цѣль пріемамъ или методамъ ума: къ синкретизму, выдвигающему главную или преобладающую черту въ данномъ конкретномъ явленіи, и къ символизму, выражающему ее яснымъ и для всѣхъ понятнымъ образомъ (20).

Мѣсто, занимаемое искусствомъ среди другихъ видовъ психическаго взаимодѣйствія, дѣлаетъ его естественнымъ соединительнымъ звеномъ между всѣми формами аподиктической и синтетической мысли и всѣми оттѣнками мысли телеологической и практической. Какъ религіи и философіи живутъ изслѣдованіями и гипотезами ученыхъ, результаты которыхъ онѣ себѣ усвоиваютъ, такъ искусство живетъ общими, религіозными или философскими идеями своей эпохи, питаясь ихъ сущностью. Дѣтски-наивное искусство свойственно грубому эмпиризму начальныхъ шаговъ обобщающаго ума. Болѣе развитое искусство возникаетъ по мѣрѣ того, какъ расширившееся и углубившееся знаніе выковываетъ орудія, съ помощью которыхъ метафизическая мысль медленно подкапывается подъ древнія истины, превращая ихъ въ простыя вѣроятности. На современный взглядъ, эти два періода сливаются въ одинъ великій «вѣкъ вѣры», сначала безспорной, а затѣмъ все болѣе и болѣе колеблющейся. Ему мы противополагаемъ въ настоящее время такъ называемый «вѣкъ науки», который (въ виду того, что искусство имѣетъ общеніе съ наукой лишь чрезъ философію) было бы правильнѣе называть вѣкомъ

разума или истины, стремящейся сдѣлаться все болѣе и болѣе раціональною.

Отношенія зависимости, устанавливающіяся между четырьмя членами нашего надорганическаго ряда, управляются, повидимому, довольно постояннымъ закономъ, которому можно дать названіе закона «предваренія» (или еще возвратнаго дѣйствія). Въ силу этого закона,—и не говоря уже о грубыхъ пережиткахъ, примѣромъ которыхъ могутъ служить многія религіи, низшія формы искусства и нѣкоторые виды такъ называемой преступной дѣятельности, — ни самая распространенная въ каждую эпоху философія, ни искусство, снискавшее себѣ въ данную минуту всеобщее признаніе, ни поведеніе большихъ человѣческихъ массъ никогда не соотвѣтствуютъ въ точности, первая, философія—современному ей знанію, второе, искусство—господствующей въ ту же эпоху философіи, и, наконецъ, третье, поведеніе—искусству, одобряемому и привѣтствуемому современниками. Всѣ эти основныя разновидности общественной мысли запаздываютъ, отстаютъ отъ дѣйствительнаго времени, обозначеннаго на циферблатѣ исторіи въ моментъ ихъ появленія. Такъ, напримѣръ, философскія системы, въ настоящую минуту властвующія надъ умами, гораздо менѣе отвѣчаютъ знанію конца девятнадцатаго, чѣмъ знанію конца восемнадцатаго вѣка; и то же слѣдуетъ сказать объ искусствѣ по отношенію къ философіи, независимо отъ того, носитъ ли такое искусство или нѣтъ названіе новаго или современнаго. Искусство, освященное господствующимъ вкусомъ, почти всегда вдохновляется уже исчезнувшими философіями, имѣя лишь весьма мало точекъ сопри-

косновенія съ текущими синтетическими попытками. Что же касается практической дѣятельности, — будетъ ли то дѣятельность государственныхъ людей или поведеніе массы простыхъ гражданъ, такъ или иначе причастныхъ къ экономической и технической жизни современныхъ обществъ,—то всѣмъ бросается въ глаза, для всѣхъ очевидно, что и эта дѣятельность и нормирующая ее нравственность жестоко и обидно отстаютъ отъ общаго хода созерцательной жизни, т.-е. и отъ науки, и отъ философіи, и отъ эстетики текущей эпохи.

Какъ бы то ни было, но отсталость, обнаруживаемая поочередно всѣми членами нашего ряда (и названная мною «предвареніемъ» по аналогіи съ извѣстнымъ астрономическимъ явленіемъ и за отсутствіемъ болѣе подходящаго термина), ни мало не нарушаетъ общаго закона тѣснаго соотношенія этихъ членовъ между собою. Законъ этотъ продолжаетъ управлять эволюціей общественной мысли, заставляя ее послѣдовательно проходить черезъ четыре указанныя выше стадіи взаимодѣйствія, къ которымъ можно примѣнить слова, сказанныя Тэномъ по поводу нѣкоторыхъ явленій, связанныхъ между собой его извѣстной эстетической формулой: «Первый членъ ряда влечетъ за собою второй, который влечетъ за собою третій, а третій—четвертый, такъ что малѣйшее измѣненіе въ одномъ изъ членовъ, обусловливая соотвѣтствующее измѣненіе во всѣхъ послѣдующихъ и свидѣтельствуя о соотвѣтствующемъ измѣненіи въ предыдущихъ, позволяетъ съ помощью чистаго разсужденія восходить или спускаться отъ каждаго члена ряда къ любому другому».

Что касается, въ частности, искусства, то всемірный опытъ доказываетъ, что его общественная цѣнность (или мѣсто, занимаемое эстетическими потребностями въ жизни и въ заботахъ человѣчества) растетъ въ прямомъ отношеніи съ развитіемъ двухъ предыдущихъ членовъ психо-соціальнаго ряда, точнаго знанія и, въ особенности, философіи,—съ развитіемъ, составляющимъ истинную канву или основу того, что называется цивилизаціей.

ГЛАВА IV.

Пробѣлъ въ номенклатурѣ искусствъ. Любовь и дружба какъ эстетическія явленія.

Произвольный характеръ эстетическихъ классификацій. — Дуалистическая и эмпирическая психологія.—Страсти и чувства.—Народный прототипъ изящныхъ искусствъ.—Синкретизмъ любви. — Альтруизмъ и двулицый эгоизмъ. — Любовь, какъ стимулъ къ дѣйствію. — Поэзія народа. — Выборъ, очищающій половой инстинктъ. — Ревность.— Аморализмъ, одинаково свойственный любви и другимъ формамъ искусства.— Вліяніе философіи.—Ходячіе афоризмы.

Номенклатура различныхъ формъ синкретической и символической мысли всегда оставляла желать многаго. Она всегда была нѣсколько произвольна, фантастична и, въ особенности (въ этомъ ея главный недостатокъ), узка и поверхностна. Какъ ни старались умножить, растянуть списокъ художественныхъ явленій, занося въ него, рядомъ съ однообразными припѣвами труда, даже мимику и танцы дикарей, этимъ все-таки еще не исчерпывалось обширное содержаніе даннаго вида психологическаго взаимодѣйствія. О немъ имѣли неадэкватное, неполное, отрывочное понятіе, останавливавшееся на внѣшнихъ признакахъ, не проникавшее

во внутреннюю сущность явленій. Такимъ образомъ были устранены, не были признаны имѣющими художественно-творческій характеръ цѣлые разряды общественныхъ фактовъ, о которыхъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ и которые, по моему мнѣнію, достойны занять во всякой эстетической классификаціи выдающееся мѣсто.

Я хочу прежде всего указать на любовь и на дружбу, считая ихъ формами искусства, неправильно пропущенными въ нашихъ обычныхъ перечняхъ эстетическихъ явленій. Я говорю, разумѣется, не о физіологической функціи, а о той сложной общественной надстройкѣ, которая надъ ней высится и составляетъ, несомнѣнно, фактъ надорганическаго порядка (въ смыслѣ, постоянно придаваемомъ мною этому слову).

Казалось, все было сказано отнесеніемъ любви (а также дружбы) къ числу страстей и чувствъ, волнующихъ человѣческое сердце. Такое рѣшеніе вполнѣ удовлетворяло дуалистическую и глубоко эмпирическую психологію, которая, не опираясь ни на біологію, ни на соціологію, до сихъ поръ еще господствуетъ надъ умами. При этомъ, однако, забывалось, что выраженіе «человѣческое сердце», подобно другимъ однороднымъ терминамъ (какъ, напримѣръ, мозгъ, умъ, разсудокъ, совѣсть и т. д.), служитъ лишь къ обозначенію извѣстнаго состоянія или скорѣе извѣстной фазы одного и того же процесса, носящаго названіе надорганическаго явленія или мысли, уже ставшей общественною.

Самыя разнообразныя страсти и чувства примѣшиваются къ точнымъ изслѣдованіямъ ученаго, къ размышленіямъ и широкимъ обобщеніямъ философа

(вспомнимъ хотя бы о доведенной до экстаза религіозности), къ пониманію и творчеству художника, къ малѣйшимъ дѣламъ внѣшней и практической жизни. И, наоборотъ, «нѣтъ ни одного чувства, по крайней мѣрѣ у разумныхъ существъ, которое не опиралось бы на соотвѣтствующую идею или представленіе... Отнимите, удалите, уничтожьте этотъ субстратъ различенія и познанія, и чувство, имѣющее въ немъ всѣ свои корни—ибо рѣчь идетъ не о чисто-физіологическихъ ощущеніяхъ и позывахъ—не замедлитъ исчезнуть» (23).

Такимъ образомъ, изъ преобладанія чувства или страсти въ любви и дружбѣ нельзя дѣлать вывода, что эти явленія, даже когда они выходятъ за предѣлы чисто-животной жизни, лишены идеологическаго содержанія и не могутъ быть включены ни въ одинъ изъ четырехъ главныхъ видовъ психическаго взаимодѣйствія. Тѣмъ хуже для насъ, если, не умѣя распознать сущности этихъ будто бы исключительныхъ страстей и чувствъ, мы считаемъ себя безсильными разрѣшить простую, но, тѣмъ не менѣе, привлекательную задачу и отказываемся отвѣтить на вопросъ: что̀ такое любовь и альтруистическія стремленія, сходныя съ нею и группирующіяся вокругъ нея подобно тому, какъ въ горной цѣпи болѣе низкіе отроги окружаютъ главную и уже издали замѣтную вершину? Есть ли любовь родъ познанія, видъ философіи, отрасль искусства или особый разрядъ дѣятельности?

На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить точно и опредѣленно. Мы думаемъ, что любовь и однородныя съ нею чувства представляютъ собою одну изъ важнѣйшихъ формъ синкретической и символи-

ческой мысли. Любовь—видъ искусства; это, безъ сомнѣнія, наиболѣе распространенная и наиболѣе вліятельная, въ общественномъ смыслѣ, изъ многихъ разновидностей искусства, быть-можетъ даже — корень и прототипъ всѣхъ остальныхъ. Любовь есть не только всегда и неизбѣжно дѣло воображенія, она, сверхъ того, сводится главнымъ образомъ къ неизмѣнному примѣненію того, что мы назвали двумя сходящимися пріемами или методами эстетической мысли: «синкретизма», украшающаго любимый предметъ лучшими качествами, когда-либо наблюдавшимися нами въ однородныхъ существахъ, и преувеличивающаго, усиливающаго эти свойства до такой степени, что ихъ носители становятся въ нашихъ глазахъ образцовыми экземплярами, типами цѣлаго рода; и «символизма», придающаго сентиментальному догмату, если можно такъ выразиться, или любовной идеѣ смыслъ и цѣну доступнаго всѣмъ умамъ символа.

Символизмъ любви есть даже единственное условіе, облагораживающее любовь и защищающее, оберегающее ее отъ извѣстнаго рода нравственной грязи, болѣе отвратительной и въ тысячу разъ болѣе вредной, чѣмъ грязь физическая; единственная вещь, могущая извинить, въ глазахъ благосклонныхъ зрителей любовной драмы, безотчетный и чудовищный эгоизмъ двухъ любящихъ сердецъ. Ибо символъ, вѣчно выставляемый любовью, имѣетъ одинъ смыслъ, означаетъ всегда слѣдующее: въ этомъ существѣ я люблю всѣ существа, ему подобныя, и болѣе того, — всѣ живыя существа, и еще болѣе того, — всю природу, всю вселенную. Всѣ истинные любовники — я чуть было не сказалъ истинные ху-

дожники, виртуозы великаго искусства любить — испытали на себѣ эту центробѣжную напряженность, это неодолимое стремленіе излиться наружу. Благодаря магической силѣ любовнаго символа, эгоизмъ двухъ лицъ, столь же подавляющій и унизительный, какъ и исключительная любовь къ самому себѣ, превращается незамѣтно въ широкій и благодѣтельный альтруизмъ.

Наконецъ, истинная любовь обладаетъ еще однимъ немаловажнымъ эстетическимъ свойствомъ. Она, какъ всѣмъ извѣстно, является наиболѣе энергичной пособницей и возбудительницей практической дѣятельности. Въ этомъ отношеніи любовь ни въ чемъ не уступаетъ вѣрѣ, которая, какъ говорятъ, двигаетъ горами; и чудеса, содѣянныя любовью, уже давно стали баснею міра, и ихъ не перечесть. Но если все, на что мы сейчасъ указали, не даетъ права считать любовь искусствомъ, и самымъ лучшимъ, самымъ славнымъ, самымъ настоящимъ, самымъ чистымъ, то я спрошу, что же достойно этого имени? Неужели опять-таки монотонный перепѣвъ или дикая пляска людоѣда?

Любовь есть великая, серьезная поэзія народа. Она — та форма искусства, въ которой преуспѣваютъ человѣческія массы, и въ которой онѣ могутъ поспорить съ избраннымъ меньшинствомъ, слишкомъ часто, подъ предлогомъ руководства толпою, лишь властвующимъ надъ нею и ее эксплуатирующимъ. Во всякомъ случаѣ, между этимъ народнымъ, неклассифицированнымъ или непризнаннымъ искусствомъ и отраслями искусства, отмѣченными офиціальнымъ штемпелемъ, существуетъ множество сходныхъ чертъ и близкихъ аналогій.

Всѣмъ извѣстна довольно туманная теорія, уподобляющая искусство игрѣ. Но любовь не есть ли по преимуществу игра души самой съ собою, игра, полная привлекательнаго риска и уже по одному этому въ высшей степени заразительная? Художникъ, говорятъ, творитъ чудо, превращая въ божество глыбу мрамора, кусокъ глины, холстъ и краски, распущенныя на водѣ или на маслѣ и т. д. Но развѣ любовь не совершаетъ подобнаго же чуда, развѣ она не возноситъ на ту же недосягаемую высоту существо, иногда болѣе чѣмъ незначительное, щедро одаряя его всѣми видами и формами красоты, разсѣянными въ мірѣ? «Нѣтъ возможности,— говоритъ Станкевичъ, глава литературнаго кружка, изъ котораго вышли Герценъ, Огаревъ, Бѣлинскій, Бакунинъ и нѣкоторые другіе,—пожать руки великану, называемому вселенной; нельзя дать ему страстнаго поцѣлуя; нельзя подслушать, какъ бьется его огромное сердце!» (24). Но именно для того, чтобы оставаться въ постоянномъ общеніи съ міромъ, мы должны любить — любовью пылкою или самоотверженной дружбою—тотъ или другой экземпляръ человѣческаго рода, то или другое микрокосмическое сокращеніе вселенной.

Такъ называемый эстетическій вкусъ сводится, въ сущности, къ подбору, къ избранію. Но и въ этомъ отношеніи тѣсный союзъ двухъ любящихъ сердецъ не былъ чрезъ-мѣру возвеличенъ поэтами, ибо въ немъ въ высшей степени сказывается тотъ в ы б о р ъ, который очищаетъ и облагораживаетъ половой инстинктъ. Сама ревность, эта низменная страсть, обостряющая наиболѣе отвратительныя черты чувства исключительной собственности, находитъ нѣко-

торыя смягчающія обстоятельства въ художественномъ характерѣ оспариваемаго и защищаемаго владѣнія. Съ другой стороны, чистота любви равняется порою невинной простотѣ искусства. «Такъ безумна любовь,— говоритъ Шекспиръ,— что во всемъ, что ей нравится, она, вопреки разуму, никогда не видитъ ничего дурного». Но и искусство, въ свою очередь, одобряетъ все, что ему нравится, и въ этомъ глубокомъ «аморализмѣ» всего болѣе и обнаруживается его высокое нравственное дѣйствіе.

Философія и религія, какъ извѣстно, весьма сильно вліяютъ на всѣ виды искусства. Но то же вліяніе даетъ себя знать и въ дѣлахъ любви и въ дружбѣ. Любовь и дружба различаются, дифференцируются смотря по характеру тѣхъ общихъ идей, которыя преобладаютъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ; и оба чувства въ одномъ и томъ же источникѣ—въ согласіи или тожественности общихъ воззрѣній на міръ—черпаютъ главную силу, связывающую души и дѣлающую ихъ подобными одна другой. Близость философіи и любви нашла себѣ выраженіе даже въ нѣкоторыхъ ходячихъ формулахъ, опредѣляющихъ, напримѣръ, высшій видъ философіи какъ «сознаніе безконечнаго», а высшій видъ любви—какъ «чувство безконечнаго». Точно такъ же и тѣсное родство между любовью (или безкорыстной и пылкой дружбою) и другими видами искусства не разъ невольно подчеркивалось различными афоризмами, изъ которыхъ я упомяну здѣсь только объ одномъ, сдѣлавшемся банальнымъ вслѣдствіе частаго повторенія: любовь, дружба и искусство представляютъ то, что̀ въ насъ есть истинно человѣческаго, что насъ возвышаетъ надъ остальной природой! (25).

ГЛАВА V.

Практическая и телеологическая мысль.

Три корня дѣйствія: искусство, философія и знаніе. — Эстетика и техника.—Искусство въ тѣсномъ и въ широкомъ или производномъ смыслѣ слова.— Первое, будучи прототипомъ второго, сливается съ нимъ въ начальномъ фазисѣ практической и телеологической эволюціи. — Основное различіе между дѣйствіемъ, какъ примѣненіемъ знанія (или философскихъ воззрѣній и эстетическихъ вкусовъ) и опытомъ, какъ предварительнымъ поискомъ за истиной.— Эти двѣ области соприкасаются какъ крайнія точки круга.— Научная необходимость выпрямить кругъ и изучать его какъ прямую линію. — Дѣйствіе «синтетизированное» философіей и «синкретизированное» искусствомъ. — Поведеніе и его содержаніе: трудъ.

Выйдя изъ созерцательной фазы,— подраздѣляющейся на три вида поиска за истиной, а именно, на поискъ за частной или аналитической истиной, на поискъ за всеобщей или синтетической истиной и, наконецъ, на поискъ за истиной, имѣющей условно-конкретный характеръ и привлекающей насъ своимъ бодрящимъ, стимулирующимъ вліяніемъ,— общественная мысль вступаетъ въ дѣятельную, активную фазу. Разумѣется, смыслъ слова «дѣятельность», подобно смыслу всѣхъ слишкомъ общихъ терминовъ, можетъ быть легко расширенъ такъ, чтобы охватить одновременно обѣ стадіи. Въ такомъ

случаѣ надлежало бы противопоставить дѣятельность умозрительную дѣятельности иного рода, уже практической и утилитарной, или дѣйствіе ищущее, находящее и повелѣвающее — дѣйствію прилагающему и повинующемуся. Но это различіе черезчуръ тонко, и мы считаемъ болѣе правильнымъ разсматривать «дѣйствіе» въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ особое отношеніе къ міру или положеніе, неизмѣнно занимаемое человѣческимъ умомъ вслѣдъ за своимъ выходомъ изъ трехъ, столь же особыхъ отношеній или положеній, главныя черты которыхъ были намѣчены нами въ предыдущихъ главахъ.

Дѣйствіе, понимаемое такимъ образомъ, или дѣйствіе, сведенное на трудъ, на исполнительную, техническую работу, или на цѣлый рядъ такихъ работъ, на «поведеніе» людей, составляетъ послѣднюю крупную разновидность общественной мысли.

Достигнувъ этого кульминаціоннаго пункта, общественная мысль можетъ обновиться, лишь вернувшись къ своимъ первымъ источникамъ, лишь снова погрузившись въ нихъ и опять сдѣлавшись научною, философскою или эстетическою.

Но пока она выполняетъ свою практическую функцію, общественная мысль подчиняется особымъ условіямъ, замѣтно отличающимъ эту фазу ея эволюціи отъ всѣхъ предшествующихъ. Теперь умъ преслѣдуетъ, отыскиваетъ въ окружающей дѣйствительности, остающейся конкретно нераздѣльной, практическую истину: — такъ зоветъ онъ истолкованіе или переводъ, на языкъ «механическихъ движеній» (полезныхъ съ троякой точки зрѣнія: біологической, общественной и психологической), истинъ другихъ порядковъ, — истинъ уже от-

крытыхъ и болѣе или менѣе твердо установленныхъ наукой, философіей и искусствомъ. Движенія, о которыхъ мы говоримъ, разсматриваются при этомъ всегда какъ средства, служащія къ достиженію тѣхъ или иныхъ біологическихъ, соціальныхъ или психологическихъ цѣлей.

Конечно, и другія основныя формы общественной мысли допускаютъ, въ свою очередь, телеологическіе методы и способы разсужденія. Но эти пріемы здѣсь никогда не исключаютъ обратныхъ или причинныхъ методовъ изслѣдованія. Ученый, мыслитель, художникъ заняты столько же (если не гораздо больше) происхожденіемъ, генезисомъ явленій, сколько ихъ назначеніемъ, ихъ цѣлью, или тѣми потребностями, удовлетворенію которыхъ они могутъ служить. Практическій дѣятель, наоборотъ, разсматриваетъ всякую вещь единственно подъ послѣднимъ угломъ зрѣнія.

Полная зависимость практической мысли отъ теоретической не возбуждаетъ и тѣни сомнѣнія. Какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, «наши спеціальныя знанія, идеи, общія вѣрованія, чувства и эстетическіе вкусы образуютъ весь направляющій аппаратъ—руль и паруса огромнаго корабля, называемаго практическою дѣятельностью... И всякая новая оріентировка ума—въ наукѣ, въ философіи, въ искусствѣ—могущественно вліяетъ на наши пріемы или способы дѣйствія, сначала потрясая и разстраивая, а затѣмъ преобразовывая ихъ... Превратившись, подъ вліяніемъ соціальной энергіи, вырабатываемой постояннымъ соприкосновеніемъ или столкновеніемъ сознаній, въ существо разумное, человѣкъ, прежде чѣмъ вмѣшаться въ міръ живыхъ существъ и не-

одушевленныхъ предметовъ, его окружающихъ, съ рискомъ навсегда слиться съ нимъ, принимаетъ, такъ сказать, свои предосторожности. Онъ сначала наблюдаетъ и различаетъ, затѣмъ судитъ и соединяетъ, наконецъ, выбираетъ, символически отмѣчаетъ свои предпочтенія. И только подготовивъ такимъ образомъ свое дѣйствіе, онъ ему отдается, онъ его выполняетъ. Можно сказать, слѣдовательно, что каждый изъ насъ, хотя и въ весьма различной степени, является поперемѣнно ученымъ, философомъ, художникомъ и, наконецъ, практическимъ дѣятелемъ» (26).

Практическая и телеологическая мысль управляется тѣмъ же общимъ закономъ развитія, которому подчинены и всѣ другія сферы общественно-духовной жизни. Правда, извѣстная часть нашей «прикладной» дѣятельности кажется намъ зависящей исключительно отъ соотвѣтствующихъ знаній. Но общая сумма нашихъ поступковъ, или наше поведеніе въ его совокупности всегда носитъ, прежде всего, глубокій отпечатокъ нашихъ эстетическихъ понятій и вкусовъ. Если красота прямой потомокъ истины, то она, въ свою очередь, непосредственный предокъ практическаго добра или пользы, а не наоборотъ, какъ увѣряетъ и учитъ весьма распространенная школа соціологовъ.

На второмъ мѣстѣ стоитъ вліяніе, оказываемое на наши поступки религіей или философіей. Вліяніе это особенно велико въ общественныхъ группахъ, гдѣ эстетическая мысль развита слабо, гдѣ искусство находится еще на очень низкомъ уровнѣ. Это и понятно, потому что въ такихъ случаяхъ передаточный механизмъ между движущей силой, пред-

ставляемой общими идеями и вѣрованіями, съ одной стороны, и производительной работой, которую эта сила порождаетъ, съ другой, является величиною сравнительно ничтожною.

Впрочемъ, на тѣсное родство, существующее между искусствомъ и практическою дѣятельностью, указываетъ и изученіе всѣхъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, одно и то же слово — искусство — одинаково выражаетъ и трудность, побѣжденную эстетическою мыслью или вдохновеніемъ, и трудность, побѣжденную мыслью или вдохновеніемъ практическимъ; и то же самое слово служитъ для обозначенія методовъ, которые въ обоихъ случаяхъ — будетъ ли дѣло касаться изящныхъ или полезныхъ искусствъ,—одинаково позволяютъ намъ устранить встрѣтившееся препятствіе. Эстетика во многихъ пунктахъ соприкасается съ техникой. Первая знаменуетъ собою излишекъ свободной или оставшейся безъ употребленія психосоціальной силы; она возбуждаетъ, вслѣдствіе того, энергію второй. А техника, въ нормальномъ ходѣ вещей, обращается къ эстетикѣ, ждетъ ея совѣтовъ и слѣдуетъ имъ. Цвѣтущая промышленность никогда не стремится руководить эстетическими идеями и вкусами. Такія притязанія всегда указываютъ на упадокъ искусства,— упадокъ, причины котораго слѣдуетъ искать въ остановкѣ развитія либо философскихъ, либо научныхъ идей, т.-е. въ разстройствѣ, выражающемся, рано или поздно, въ пониженіи или ослабленіи и самой практической дѣятельности.

Конечно, я вовсе не хочу сказать, что изящныя искусства въ исторической дѣйствительности всегда предшествовали полезнымъ. Въ данномъ случаѣ,

какъ и въ тѣхъ, которые касались философіи или науки, такая послѣдовательность можетъ быть раскрыта только съ помощью самаго отвлеченнаго анализа. Вполнѣ достовѣрнымъ, наоборотъ, кажется то, что вначалѣ, при первыхъ шагахъ практической и телеологической эволюціи, оба рода искусствъ никогда строго не разграничивались (27).

Подобное же стремленіе характеризуетъ и другія основныя формы общественной мысли. Смѣшеніе между собой сосѣднихъ членовъ психосоціальнаго ряда является, повидимому, закономъ, общимъ правиломъ во всякой зачаточной эволюціи.

Мысль, ставшая практическою, преслѣдующая одну только пользу,— не что̀ иное, какъ само дѣйствіе. Въ этомъ отношеніи, однако, замѣчается коренное различіе между дѣйствіемъ, идущимъ прямо къ цѣли, примѣняющимъ уже извѣстныя, если не всегда достаточно испытанныя средства — болѣе или менѣе счастливыя находки знанія, философіи, искусства,— и дѣйствіемъ, которое ограничивается предварительнымъ розыскомъ и цѣлей и средствъ, которое стремится къ постановкѣ цѣлей, къ открытію и первоначальной координаціи средствъ. Только первому виду дѣятельности соотвѣтствуетъ, по нашему мнѣнію, названіе д ѣ й с т в і я. Второй видъ долженъ обозначаться словомъ о п ы т ъ, которому и слѣдовало бы, поэтому, придать болѣе точное или совершенно спеціальное значеніе.

Въ конкретной, живой и ежедневной дѣйствительности области дѣйствія и опыта соприкасаются, какъ двѣ к р а й н і я точки одного и того же к р у г а. Но въ абстрактной дѣйствительности (или съ точки зрѣнія чистой теоріи) возникаетъ опредѣленное на-

учное требованіе: выпрямить окружность и изучить ее — аналитически и гипотетически — какъ прямую линію. Напомнимъ здѣсь кстати, что мы уже не въ первый разъ предлагаемъ «отнести изслѣдованія ученаго, философа и художника въ особую группу, отличную отъ обширной категоріи, содержащей въ себѣ всѣ другіе виды человѣческой дѣятельности. Въ послѣдній отдѣлъ тогда и включалось бы дѣйствіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, — трудъ, вышедшій изъ спекулятивной и вступившій уже въ исполнительную стадію развитія. Такимъ образомъ получилась бы особая соціо-психическая формація, въ которой вліяніе мысли на окружающій міръ самымъ тѣснымъ образомъ сочеталось бы съ обратнымъ вліяніемъ міра на мысль».

Мысль — сѣмя, дѣйствіе — плодъ. Но зерно, въ свою очередь, не содержится ли въ жатвѣ, и не можемъ ли мы, поэтому, измѣнивъ нашу точку зрѣнія, сказать, что мысль вытекаетъ изъ сложнаго факта, что отвлеченное выходитъ изъ конкретнаго? Да, и мы всегда утверждали это. Но логическая ловушка, въ которую мы здѣсь наивно попадаемъ, бросается въ глаза. Мы изучаемъ явленія, въ одномъ случаѣ, наблюдая ихъ на кривой круга, о которомъ я только что говорилъ, а въ другомъ,— размѣщая ихъ по выпрямленной уже линіи. Но такъ какъ одинъ и тотъ же умъ не можетъ одновременно разсматривать одну и ту же сумму фактовъ подъ двумя различными углами зрѣнія (невозможность эта ни въ чемъ не уступаетъ невозможности, для геометрической фигуры, занимать сразу двѣ различныя плоскости въ пространствѣ), то мы и вынуждены сдѣ-

лать выборъ между этими противоположными тезисами.

Мы уже указывали на то, какъ слѣдуетъ поступать ученому: онъ долженъ, съ помощью гипотезы, выпрямить реальный кругъ и изучать отвлеченно и аналитически самыя дробныя его части. Наука такимъ образомъ раскрываетъ «во всякой практической дѣятельности, даже свободной отъ гнета чистой теоріи, даже завоевавшей себѣ, повидимому, полную автономію, лишь зачаточную теорію, еще не разработанную, еще покрытую густымъ шлакомъ конкретныхъ фактовъ».

На совсѣмъ иную точку зрѣнія становится практическій дѣятель, не встрѣчающій надобности разлагать конкретную реальность на ея составныя части, вынужденный, напротивъ того, тщательно оберегать ея полноту и цѣльность. Такой дѣятель, не колеблясь, выводитъ высшія идеальныя цѣнности науки, философіи и искусства не изъ опыта, какъ мы его только что опредѣлили, а изъ текущей практики, изъ элементарной экономической техники. Онъ сводитъ движеніе абстрактное (простое и однородное) къ движенію конкретному (сложному и разнородному) и самый разумъ выводитъ изъ дѣйствія. Онъ дѣлается, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, жертвою умственной иллюзіи, которую Бэконъ пропустилъ въ своемъ перечнѣ обычныхъ «идоловъ» или предразсудковъ человѣческаго ума, но которая, повидимому, занимаетъ середину между двумя заблужденіями, называемыми имъ «идолами расы» и «идолами пещеры». Я говорю о «цѣлеисходномъ» отношеніи, ложно принимаемомъ за причинное. Дѣйствіе есть необходимое слѣдствіе, конечная цѣль всякой

идеологіи. Думать, что оно есть ея начало или источникъ, значитъ смѣшивать телеологическій или обратный ходъ мысли, отъ слѣдствія къ причинѣ, отъ цѣли къ средству, съ чистымъ отношеніемъ причинности, съ прямымъ ходомъ мысли отъ причины къ слѣдствію, отъ предыдущаго къ послѣдующему (28).

Подъ вліяніемъ философіи, стремящейся придать имъ единство, систематизировать ихъ, и подъ вліяніемъ искусства, стремящагося сдѣлать ихъ привлекательными (избранными, рѣдкими, исключительными), единичныя дѣйствія и поступки образуютъ связный или генетическій рядъ, называемый поведеніемъ. Поведеніе имѣетъ своимъ содержаніемъ человѣческій трудъ.

ГЛАВА VI.

Соціологическое опредѣленіе идеи свободы.

Эволюція, ведущая отъ невѣжественной и импульсивной дѣятельности къ поведенію сознательному и строго мотивированному. — Иллюзія свободной воли. — Метафизическое значеніе идеи свободы. — Новое опредѣленіе этого понятія. — Угнетеніе и свобода, какъ крайнія формы одного и того же соціальнаго процесса. — Право на возмущеніе. — Сомнѣніе, облеченное въ форму «терпимости». — Заключеніе.

Внимательное изученіе фактовъ, зарегистрованныхъ исторіей, показываетъ, что медленная, но правильная эволюція, прерывающаяся лишь на относительно короткіе промежутки времени, ведетъ человѣчество отъ импульсивной и полной противорѣчій дѣятельности, направляемой эмпирическимъ полузнаніемъ, подчиненной религіозной вѣрѣ и возбуждаемой зачаточнымъ искусствомъ,— къ поведенію все болѣе и болѣе осмысленному, сознательному, управляемому отвлеченной наукой, опирающемуся на логическую достовѣрность, вдохновляемому и облагораживаемому цвѣтущимъ искусствомъ.

Въ области чистой мысли мы можемъ ярко противопоставить другъ другу эти два вида поведенія. Но въ исторической дѣйствительности переходъ отъ

одного къ другому происходитъ постепенно, почти незамѣтно. Увлеченные вихремъ великихъ общественныхъ событій, къ которымъ неотступно примѣшиваются наши мелкія личныя заботы, мы живемъ, умираемъ, воскресаемъ въ нашихъ потомкахъ, не отдавая себѣ, какъ слѣдуетъ, отчета ни въ пройденномъ пространствѣ, ни въ разстояніи, отдѣляющемъ насъ отъ идеальной цѣли. Гдѣ мы находимся? Гдѣ остановились послѣднія поколѣнія,—на какой стадіи этого, повидимому, произвольнаго, но, въ сущности, строго логическаго движенія, которое, быть-можетъ, никогда не приведетъ насъ въ тихую пристань, но которое постоянно раскрываетъ передъ нами новые горизонты обезпеченнаго счастья?

Вотъ вопросъ, полный глубокаго интереса. Но захватываемая имъ область такъ обширна, и содержаніе ея такъ сложно, оно затрогиваетъ столько серьезныхъ и увлекательныхъ задачъ, которыя ставились тысячу разъ и все еще не разрѣшены, что мы ни минуты не можемъ думать о томъ, чтобъ приступить здѣсь къ его подробному изслѣдованію. Мы ограничимся простымъ указаніемъ на одну изъ основныхъ сторонъ этой значительной проблемы.

Съ этой цѣлью мы попробуемъ подойти ближе не къ метафизическому обоснованію вопроса о свободѣ, а къ его формулировкѣ соціологической, или, если хотите, экономической и политической (29).

Оставимъ пока въ сторонѣ большія народныя массы, поведеніе которыхъ—импульсивное и полное нелѣпыхъ предразсудковъ — слишкомъ хорошо извѣстно. И обратимся къ такъ называемому избранному меньшинству, то увѣряющему, что оно управляетъ массами, то горько жалующемуся на мѣшаю-

щее ему сосѣдство «варваровъ». Согласуетъ ли это меньшинство свою жизнь и поведеніе съ началами и нормами, кореннымъ образомъ отличающимися отъ тѣхъ, которыми регулируется жизнь и поведеніе громаднаго большинства? Для насъ является несомнѣннымъ, что отвѣтственность такихъ передовыхъ группъ была бы ужасна, если, обладая тайною научно-разумнаго поведенія, онѣ продолжали бы хранить ее про себя, не прибѣгая къ самымъ революціоннымъ мѣрамъ, чтобы обнаружить и раскрыть ее передъ всѣми. Дѣятельность, до такой степени противообщественная, не замедлила бы навлечь на эти группы всеобщее презрѣніе.

Къ счастью для обоихъ классовъ и къ чести человѣчества, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Самые образованные умы нашего времени до сихъ поръ еще невольно подпадаютъ вліянію старыхъ религіозныхъ и метафизическихъ призраковъ. Эти привидѣнія, плодъ невѣжества нашихъ предковъ, отличаются огромной живучестью. Сколько разъ, напримѣръ, выносился смертный приговоръ идеѣ божества или понятію о свободѣ воли! Но это не помѣшало первой возродиться и расцвѣсть въ современномъ агностицизмѣ, а второму облечься въ форму смутной юридической идеи, настоящаго метафизическаго идола, которому поклоняются и кадятъ ѳиміамъ всѣ партіи, или словесной сущности, на которую всѣ ссылаются, которую всѣ превозносятъ, какъ высшую норму достойнаго и плодотворнаго поведенія, но о которой никто не знаетъ навѣрное, что она скрываетъ и таитъ подъ своимъ сфинксообразнымъ ликомъ. Мыслитель, который рѣшилъ бы эту задачу, который разсѣялъ бы окружающій ее туманъ,

который далъ бы намъ точное опредѣленіе этого загадочнаго и двусмысленнаго термина, былъ бы достоинъ, по меньшей мѣрѣ, полной Нобелевской преміи.

Ни мало не посягая на эту щедрую награду, и заранѣе увѣренный, конечно, въ единодушномъ отказѣ скандинавскихъ комитетовъ присудить ее за подобнаго рода изслѣдованіе, я, съ своей стороны, сдѣлалъ нѣсколько усилій, чтобъ разобраться въ вопросѣ (30). И вотъ, вкратцѣ, главные выводы, къ которымъ я пришелъ.

Недостаточно построить и истолковать новое понятіе о свободѣ въ строго детерминистическомъ смыслѣ. Чтобы опять не впасть въ метафизическую иллюзію, надо еще указать и опредѣлить точно положительное содержаніе, раскрыть сущность, разоблачить внутреннюю природу сложныхъ и безконечно разнообразныхъ общественныхъ фактовъ и процессовъ, которые обозначаются этимъ общимъ терминомъ. Но всѣ эти факты и процессы, разсматриваемые вблизи и пристально, всегда обнаруживаютъ одинъ и тотъ же признакъ, не лишенный мрачнаго величія: свободное дѣйствіе есть дѣйствіе задерживающей, принудительной силы, мощи, д е с п о т и ч е с к и проявляемой отдѣльной личностью или общественною группою по отношенію либо къ внѣшней природѣ, либо къ другимъ однороднымъ личностямъ и группамъ, либо, наконецъ, къ самой себѣ. Такимъ образомъ еще разъ провѣряется логическій законъ тождества «надотвлеченныхъ» противоположностей, великихъ родовыхъ идей разума,—законъ, составляющій одинъ изъ краe-

угольныхъ камней неопозитивизма (строго монистическаго міропониманія).

Свобода и деспотизмъ — явленія однородныя, несмотря на рѣзкій антагонизмъ, ихъ раздѣляющій. Они происходятъ отъ одного корня, они питаются одними и тѣми же источниками и часто смѣшиваются, принимаются одно за другое. Нерѣдко худшіе реакціонеры и деспоты взываютъ къ свободѣ и слагаютъ въ ея честь ярые, страстные диѳирамбы; и наоборотъ, избытокъ сдавленной свободы вырывается наружу, въ извѣстные моменты, съ механической и неотвратимой точностью, въ фактахъ грубаго угнетенія. Пора отбросить сладостную грезу о невинности свободы, о непричастности ея къ преступленіямъ, совершаемымъ отъ ея имени; потому что, придерживаясь этой фикціи, нужно было бы, въ видахъ логической послѣдовательности, объявить невиннымъ и старшаго брата всякой свободы, деспотизмъ, и сразу, однимъ мазкомъ обѣлить самыхъ несомнѣнныхъ злодѣевъ исторіи!

Откуда же черпаютъ свое начало, изъ какого общаго корня развиваются — притомъ въ направленіяхъ, необходимо кажущихся намъ противоположными, — эти двѣ принудительныя и по природѣ своей тожественныя силы? Образующая ихъ «плазма», если можно такъ выразиться, состоитъ вся изъ тѣхъ главныхъ видовъ психологическаго взаимодѣйствія или общественной мысли, которые не только управляютъ человѣческимъ поведеніемъ, но и порождаютъ, создаютъ его въ прямомъ смыслѣ слова; а эти виды общественной мысли, въ конечномъ анализѣ, сводятся къ той суммѣ знаній, которую человѣчество обладаетъ или не обладаетъ (дѣло идетъ

тогда объ относительномъ невѣжествѣ) въ данную историческую эпоху. Мы такимъ образомъ приходимъ къ слѣдующему простому и ясному, связному и точному опредѣленію свободы: это — знаніе, уже вступившее въ позднѣйшую, активную стадію эволюціи и разсматриваемое исключительно подъ этимъ новымъ угломъ зрѣнія.

Степень свободы или деспотизма зависитъ отъ уровня знаній, примѣняемыхъ къ дѣйствію. Большое, значительное знаніе выразится въ широкой свободѣ, а малое, ничтожное — въ свободѣ стѣсненной и ограниченной. Каждый человѣкъ, общественный классъ и народъ имѣетъ то, что заслуживаетъ, пьетъ изъ чаши благодатной или горестной, смотря по обстоятельствамъ и согласно съ точной мѣрой усвоенныхъ знаній. Деспотизмъ отвѣчаетъ наиболѣе низкому, въ данную эпоху, уровню знанія и справедливо приравнивается къ невѣжеству. Но дѣло не въ его принудительной силѣ, которая по качеству мало чѣмъ отличается отъ принудительной силы свободы. Такая сила деспотизма покажется несправедливымъ гнетомъ, стѣснительнымъ или даже невыносимымъ, только въ глазахъ людей, обладающихъ болѣе обширнымъ или глубокимъ знаніемъ, или, другими словами, располагающихъ болѣе значительной «надорганической» силою.

Только послѣдніе и поднимутъ знамя возстанія; они одни будутъ возмущаться мелочными и узкими формами деспотизма и преслѣдуемыхъ имъ цѣлей и плановъ. Какъ бы упорна и продолжительна ни была борьба, каковы бы ни были ея жертвы, герои и мученики съ обѣихъ сторонъ, она всегда кончается побѣдою высшаго знанія надъ низшимъ

(потому ли, что представители высшаго знанія, овладѣвъ силами природы, направляютъ ихъ противъ своего врага, или же потому, что имъ удается поколебать увѣренность послѣдняго въ своей правотѣ и они заставляютъ его мало-по-малу измѣнить свои понятія и вѣрованія).

Новые, неизвѣданные виды свободы и новое право, ихъ освящающее, замѣняютъ такимъ образомъ, изъ вѣка въ вѣкъ и, въ менѣе рѣзкой степени, отъ поколѣнія къ поколѣнію, старыя ея формы и охраняющее ихъ традиціонное право. Сегодняшній освободитель роковымъ образомъ становится завтра деспотомъ. Онъ является таковымъ въ глазахъ массы только потому, что имѣетъ возможность примѣнять принудительную власть своей науки, которая, въ свою очередь, покажется отсталою болѣе избраннымъ и прогрессивнымъ умамъ, обладающимъ уже успѣвшею снова возрасти и уйти впередъ суммою знаній. Такова обычная исторія и людей, добившихся успѣха, и классовъ, господствующихъ надъ другими классами, и націй-побѣдительницъ.

Но въ этой послѣдовательной смѣнѣ явленій свобода и знаніе составляютъ какъ бы двѣ стороны — лицевую и обратную — одного и того же общественнаго факта. Мы дѣлаемся «свободными» въ нашихъ сближеніяхъ или столкновеніяхъ съ другими людьми, съ живыми существами вообще и съ окружающими насъ предметами лишь постольку, поскольку намъ уже удалось достигнуть знанія ихъ истинныхъ отношеній между собою и къ намъ, и непреложныхъ законовъ, ими управляющихъ. Знаніе въ широкомъ смыслѣ, точно такъ же, какъ философія и искусство, есть накопившаяся

и скрытая свобода; а свобода есть наука, философія, эстетика, ставшія активными и выражающіяся вовнѣ.

Абсолютный деспотизмъ, какъ и абсолютная свобода, не существуютъ въ дѣйствительности; но различныя ступени, проходимыя свободою, воспринимаются нами какъ различныя степени знанія, а различныя ступени деспотизма, какъ различныя степени невѣжества. Въ исторіи мы не всегда наблюдаемъ прямой конфликтъ между относительнымъ знаніемъ и относительнымъ невѣжествомъ, между свободою и деспотизмомъ; гораздо чаще встрѣчаются — обиліе этихъ случаевъ и характеризуетъ эмпирическій періодъ въ развитіи науки, философіи и искусства — коллизіи между двумя болѣе или менѣе одинаковыми невѣжествами, между двумя деспотизмами. Пока люди не сознаютъ такого положенія вещей, борьба, завязывающаяся между враждующими деспотизмами, острая и жестокая, какъ всѣ междоусобныя войны, какъ всѣ домашнія распри, влечетъ за собою и обычныя послѣдствія, поочередное или одновременное ослабленіе обоихъ противниковъ. Но когда, наоборотъ, уже созрѣло полное сознаніе эмпиризма и недостовѣрности, царствующихъ въ извѣстной области знанія и отражающихся въ соотвѣтствующемъ порядкѣ дѣятельности —а въ такомъ именно положеніи и находится въ настоящее время общественная наука и зависящая отъ нея политика,—тогда замѣчается ненормальное, преходящее, но весьма интересное явленіе: простая терпимость или нейтральность смѣшиваются съ свободой, порождая множество недоразумѣній,

разсѣять которыя можетъ лишь дальнѣйшее развитіе положительныхъ знаній.

Наше отрицательное знаніе, наше сомнѣніе всегда и почти въ одинаковой мѣрѣ толкуется въ пользу самыхъ разнообразныхъ, если даже не противоположныхъ рѣшеній одной и той же задачи. Не желая подвергаться риску грубо ошибиться, мы принимаемъ выжидающее положеніе, мы воздерживаемся отъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія. «Laissez faire, laissez passer» становится въ нашихъ глазахъ высшей, почти чудодѣйственной формулой. Мы только терпимъ тѣ или другія явленія, и свою терпимость выдаемъ за чужую или общую свободу! Но если первая, терпимость, и кажется намъ высокимъ качествомъ, то лишь потому, что, подобно сомнѣнію, практическимъ исходомъ которому она служитъ, она является превосходнымъ методомъ изслѣдованія, самымъ краткимъ и вѣрнымъ путемъ, ведущимъ къ открытію истины, къ обладанію той дѣеспособною силою, которую мы зовемъ либо знаніемъ, либо свободою. Но не слѣдуетъ смѣшивать средства съ цѣлью, и терпимости съ свободою. Въ эту логическую ошибку безсознательно впадаютъ многіе современные умы, выводя свое общее понятіе о свободѣ изъ временныхъ и исключительныхъ условій, въ которыхъ находятся нынѣ общественное знаніе и его техническія примѣненія. Практически, и въ теченіе нѣкотораго времени, тутъ не произойдетъ большой ошибки; и проповѣдь воздержанія и терпимости можетъ, въ указанныхъ предѣлахъ, оказаться очень полезной. Но въ теоріи такіе взгляды неправильны уже съ самаго начала, ab initio. А позднѣе, когда, вслѣдствіе значительныхъ

успѣховъ соціологіи, настоятельныя нужды практическаго дѣла заставятъ апостоловъ терпимости отказаться отъ любимаго тезиса, побудятъ ихъ отречься отъ глубоко-метафизическаго и противорѣчиваго догмата абсолютной свободы, они или преемники ихъ, несомнѣнно, должны будутъ убѣдиться въ своемъ заблужденіи.

Факты, недавно такъ волновавшіе общественное мнѣніе во Франціи и нашедшіе себѣ отголосокъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, будутъ, какъ мнѣ кажется, повторяться все чаще и чаще. Вопросъ идетъ не о конфессіональномъ обученіи только. Всюду медленно и незамѣтно назрѣваютъ экономическія, политическія и нравственныя задачи, уже допускающія подобныя же, если не гораздо болѣе радикальныя рѣшенія. Все это, конечно, возбудитъ въ кроткихъ душахъ доктринеровъ либерализма чувство новой и горькой обиды; но, въ концѣ-концовъ, человѣчеству вѣдь надо же итти впередъ и знаніе должно прогрессировать; оно вѣдь и въ соціальныхъ вопросахъ не можетъ не сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ оно стало съ давнихъ поръ въ физикѣ и уже цѣлое столѣтіе въ химіи и біологіи: силою, не только достойною преклоненія, но передъ которой и на самомъ дѣлѣ преклоняются (31).

Надо, сказалъ я сейчасъ, чтобы человѣчество шло впередъ. Но движеніе это, какъ извѣстно, происходитъ крайне медленно и совершается по кривой, извилистой линіи, на которой обходы, возвращенія вспять, остановки составляютъ самое обычное явленіе. Это настолько вѣрно, что мы должны вернуться къ первой половинѣ XVII вѣка, минуя болѣе близкихъ къ намъ по времени мыслителей, чтобы въ лицѣ

забытаго писателя этой отдаленной эпохи, Коменіуса, найти прямого духовнаго предка изложеннаго выше взгляда на тожество знанія и свободы. Сущность этого взгляда выражена у Коменіуса просто, но въ достаточной степени сильно: «Что такое богачи безъ науки,— восклицаетъ онъ,— какъ не свиньи, откормленныя отрубями? И что такое бѣдные, лишенные познанія вещей, какъ не ослы, нагруженные тяжестями?» (32).

Метафизическія идеи о внутренней природѣ свободы отжили свой вѣкъ и должны исчезнуть. Идеи эти соотвѣтствовали начальной фазѣ въ эволюціи человѣческаго поведенія; онѣ обслуживали дѣятельность случайную, эмпирическую, импульсивную. Теперь уже настало время для смѣны ихъ научнымъ, соціологическимъ пониманіемъ и объясненіемъ фактовъ, обозначаемыхъ терминомъ «свобода» (а также словомъ «терпимость»). Изъ эзотерической доктрины, доступной весьма немногимъ, объясненіе это должно, рано или поздно, превратиться въ широко распространенную, общепризнанную теорію.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Предвѣстники новаго нравственнаго порядка

(основаннаго на знаніи соціологическихъ законовъ).

ГЛАВА I.

Дифференціальное объединеніе знаній и его послѣдствія.

Продукты мысли аналитической и гипотетической и продукты мысли синтетической и аподиктической.—Формула Спенсера и законъ причинности.—Два крупныхъ историческихъ факта. — Эмпиризмъ. — Апріоризмъ. — Позитивная теорія.— Теологія и метафизика. — Философія и искусство. — Вторженіе технической точки зрѣнія въ область причиннаго изслѣдованія.—Власть свѣтская и власть духовная.—Своеобразная ошибка Огюста Конта.—Господство общественнаго мнѣнія.—Постепенная дифференціація (спеціализація, о б о с н о в а н і е) соціологіи и философіи.

Одинъ великій процессъ развитія наполняетъ собою всю исторію человѣчества. Онъ является главнымъ предметомъ изученія соціолога, отвлеченный анализъ котораго стремится разложить его на фазисы или періоды, соотвѣтствующіе основнымъ формамъ психическаго взаимодѣйствія. Соціологъ старается затѣмъ найти постоянныя отношенія, связывающія между собой эти періоды и эти формы. Онъ убѣждается въ двойственной природѣ этихъ отношеній, изъ которыхъ одни устанавливаютъ причинную, а другія—телеологическую или цѣлеисходную послѣдовательность между явленіями. Онъ тщательно изслѣдуетъ и ту и другую и приходитъ къ заключе-

нію, что цѣлеисходный рядъ лишь размѣщаетъ въ обратномъ порядкѣ всѣ члены ряда причиннаго. Само собою разумѣется также, что онъ останавливается предпочтительно на послѣднемъ (33).

Но когда соціологъ утверждаетъ, что общественная эволюція въ своихъ главныхъ стадіяхъ или основоначальныхъ формахъ обнаруживаетъ всеобщій законъ причинности, онъ имѣетъ въ виду двѣ вещи. Онъ допускаетъ, во-первыхъ, что начальная фаза общественной эволюціи является, по необходимости, менѣе дифференцированною, чѣмъ ея позднѣйшее теченіе. Всякое слѣдствіе уже въ зародышѣ содержится въ своей причинѣ; но наблюдать его извнѣ, какъ нѣчто, производящее, въ свою очередь, извѣстные результаты, можно лишь по прошествіи нѣкотораго времени. На зарѣ всякой цивилизаціи мы поэтому естественно встрѣчаемъ полное смѣшеніе всѣхъ видовъ общественной мысли, всѣхъ разрядовъ культурныхъ стремленій.

Во-вторыхъ, соціологъ утверждаетъ, что въ самой природѣ общественной эволюціи, распространяющейся свободно (или сообразно силѣ пріобрѣтеннаго знанія), лежитъ постепенное выдѣленіе входящихъ въ составъ ея элементовъ (членовъ эволюціоннаго ряда) и стремленіе каждаго изъ нихъ завоевать себѣ независимость или автономію, совмѣстную съ непрерывностью причинной связи.

Дѣло идетъ не объ одномъ только элементарномъ различеніи предшествующаго факта отъ послѣдующаго. Длящееся слѣдствіе пріобрѣтаетъ мало-по-малу въ нашихъ глазахъ реальное существованіе, отличное отъ такого же существованія его причины. И когда—а эти случаи нерѣдки—нѣкоторыя явленія все снова

и снова повторяются, несмотря на многочисленныя перемѣны, происшедшія въ ихъ первоначальныхъ условіяхъ, мы, повинуясь аналитическимъ требованіямъ нашего ума, легко поддаемся искушенію провести между такими явленіями и ихъ начальными причинами, уже породившими новыя слѣдствія, болѣе или менѣе глубокую разграничительную линію. Такъ, напримѣръ, когда положительныя религіи процвѣтаютъ наперекоръ значительнымъ успѣхамъ знанія и вызваннымъ этими успѣхами новымъ представленіямъ о мірѣ, — эти религіи, эта ушедшая впередъ наука и эти міропониманія поражаютъ насъ, какъ три разряда фактовъ, глубоко отличающихся другъ отъ друга. И мы въ правѣ такъ думать, — спѣшимъ признать это, — но лишь постольку, поскольку мы упускаемъ изъ виду тѣсную связь религіозныхъ фактовъ съ суммой точнаго знанія, обусловившей ихъ первое появленіе, или съ той древней наукой, которая теперь уже кажется намъ навсегда исчезнувшею, но которая, на самомъ дѣлѣ, продолжаетъ, почти что въ прежнемъ видѣ, плѣнять собою безчисленные умы. Измѣненная причина есть всегда причина новая; и было бы напраснымъ трудомъ пытаться недавней стадіей ея развитія объяснять слѣдствія, обязанныя своимъ возникновеніемъ совершенно иному фазису эволюціи.

Какъ бы то ни было, но скрытая отъ нашихъ глазъ наслоеніями новыхъ фактовъ (въ которыхъ мы справедливо видимъ новыя причины) неизмѣнность старыхъ условій и зависящихъ отъ нихъ слѣдствій, вотъ что вызываетъ длинный рядъ явленій, столь часто описанныхъ подъ названіемъ д и ф ф е-

ренціаціи, спеціализаціи, раздѣленія труда. Знаменитая формула Спенсера—интеграція, въ силу которой матерія и неразсѣянное движеніе переходятъ отъ неопредѣленной и несвязной однородности къ опредѣленной и связной разнородности—составляетъ, въ сущности, простой пересказъ или перефразировку великаго закона причинности. И въ универсальности Спенсеровской формулы точно отражается универсальный характеръ этого закона.

Итакъ, по нашему мнѣнію, закона причинности вполнѣ достаточно, чтобы объяснить слѣдующіе два общеизвѣстные и замѣчательные факта: 1) смѣшеніе или, какъ сказалъ бы Спенсеръ, несвязную однородность различныхъ основныхъ формъ общественной мысли, отсутствіе точныхъ границъ между наукой, философіей, искусствомъ и практическою дѣятельностью, составляющее главную отличительную черту младенческихъ обществъ, едва зародившихся цивилизацій; и 2) прогрессивно растущую дифференціацію тѣхъ же явленій, все болѣе и болѣе рельефно выступающую спеціализацію, все болѣе и болѣе отчетливое раздѣленіе труда между учеными, философами, художниками и практиками, или все увеличивающуюся разнородность главныхъ сторонъ общественной эволюціи, по мѣрѣ того какъ она продолжается, расширяется и углубляется.

Эмпиризмъ, въ которомъ съ первыхъ же своихъ шаговъ увязло человѣческое знаніе, распространялся на всѣ области психологическаго взаимодѣйствія; онъ проникалъ въ философію, въ искусство, въ практику и технику всякаго рода, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ были объяты однимъ и тѣмъ же духомъ непримиримаго традиціонализма и слѣпой

рутины. Но эта всеобщая однородность особенно рѣзко обозначалась во взаимныхъ отношеніяхъ между непосредственно соприкасавшимися другъ съ другомъ или сосѣдними отраслями умственной дѣятельности. Настоящая спеціализація занятій, всякое раздѣленіе труда становились здѣсь совершенно невозможными. Начинающая наука широко и гостепріимно открывала свои двери передъ идеями и субъективными построеніями эмпиризма религіознаго и философскаго (болѣе извѣстнаго подъ именемъ апріоризма). Она въ самомъ дѣлѣ прошла черезъ теологическое и метафизическое состоянія, какъ это было вѣрно подмѣчено Огюстомъ Контомъ. Но Контъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что одинаковая участь постигла и философію, которая, заимствовавъ у частнаго знанія его главнѣйшіе методы, одновременно вступила на путь и самаго кропотливаго анализа и самыхъ смѣлыхъ гипотезъ. Онъ не видѣлъ и того, что, не довольствуясь захватомъ науки, философія старалась, съ другой стороны, не столько подчинить своему вліянію область эстетики,—что входило въ ея нормальную функцію,—сколько перенести на собственную почву основные методы и пріемы искусства, сколько самой сдѣлаться одной изъ его главныхъ отраслей, чѣмъ-то въ родѣ обширной архитектоники понятій.

Это продолжительное смѣшеніе — оно не вовсе прекратилось и нынѣ—синтетической и аподиктической мысли съ мыслью синкретической и символической заслуживаетъ особаго вниманія. Оно вѣрно и мѣтко характеризуетъ, какъ положительныя религіи, такъ и смѣнившія ихъ болѣе отвлеченныя міропостроенія. Изъ него даже можно было бы вы-

вести одно изъ наиболѣе точныхъ опредѣленій теологическихъ и метафизическихъ системъ. И тѣ и другія постоянно прибѣгаютъ къ одному и тому же пріему. Имѣя дѣло съ очень общими идеями, съ отвлеченіями наивысшихъ степеней, онѣ, не довольствуясь придачей имъ значенія универсальныхъ концептовъ, всячески стараются, сверхъ того, индивидуализировать, синкретически «воплощать» эти обширныя идеологическія категоріи съ тѣмъ, чтобы превратить ихъ впослѣдствіи въ живые символы, способные возбуждать практическую дѣятельность людей или служить образцами для ихъ поведенія. Такъ, напримѣръ, отрицательное понятіе «не-вселенной», которое, согласно логическому закону надотвлеченныхъ родовыхъ идей, утверждаетъ существованіе вселенной, становится, въ рукахъ этихъ «трансцендентныхъ» художниковъ, не только идеей божества, но еще, смотря по обстоятельствамъ, личностью Бога или верховною сущностью, управляющею судьбами міра. Большинство религіозныхъ догматовъ и метафизическихъ постулатовъ облечены антропоморфнымъ и реалистическимъ характеромъ, который превращаетъ ихъ въ плодъ художественнаго творчества, въ прямой объектъ (а съ теченіемъ времени—и въ рѣдкій пережитокъ) искусства (34).

Смѣшеніе, господствовавшее среди главныхъ формъ спекулятивной мысли, само собою разумѣется, нашло могучее эхо и въ области практическихъ идей, въ обширной сферѣ индивидуальнаго и коллективнаго поведенія. Здѣсь мы наглядно видимъ, какъ происходитъ вторженіе техники, или цѣлесообразнаго примѣненія средствъ, въ область теоріи, или

причиннаго изслѣдованія цѣлей. Простая память фактовъ, голая эрудиція занимаетъ тутъ первое мѣсто, культъ господствуетъ надъ религіей, полезныя искусства успѣшно спорятъ съ изящными, политика господствуетъ надъ нравственностью. Въ результатѣ констатируется явленіе огромной важности, на которое впервые, быть-можетъ, указалъ Контъ, но которое было понято имъ, какъ мнѣ кажется, слишкомъ узко и неправильно истолковано. Я говорю объ отношеніяхъ, устанавливающихся между такъ называемыми «свѣтскою» и «духовною» властями.

Эти отношенія развивались въ смыслѣ того общаго закона, который управляетъ всѣми общественными фактами. И, конечно, обычное и полное смѣшеніе обѣихъ властей было въ гораздо меньшей степени отличительной чертой новаго времени—презрительно именуемаго Контомъ метафизическимъ или критическимъ—чѣмъ тѣхъ эпохъ слѣпой вѣры и безсознательнаго эмпиризма, какими являются средніе вѣка, такъ высоко превозносимые основателемъ позитивной философіи. Но развѣ критическія эпохи были не первыми, пытавшимися распеленать, такъ сказать, общественное мнѣніе, научить его стоять на собственныхъ ногахъ и ходить безъ посторонней помощи? Развѣ не онѣ противопоставили эту совершенно новую силу всѣмъ формамъ «прежняго» или варварскаго поведенія, подготовляя, путемъ многочисленныхъ и достопамятныхъ конфликтовъ, конечное отдѣленіе законодательной и направляющей власти отъ власти исполнительной и управляемой?

«Дифференціація», которой Контъ отводитъ мѣсто уже въ средніе вѣка и которая у него затѣмъ какимъ-то чудомъ исчезаетъ, никогда еще не была осуществлена въ исторіи.

Папа и императоръ спорятъ между собою не о власти различнаго типа. Видѣть въ первомъ представителя философской (въ то время религіозной) мысли—такая же наивность, какъ видѣть во второмъ носителя общественнаго или моральнаго знанія той же эпохи. Одинъ былъ живымъ символомъ, главою и первымъ служителемъ культа, прикладной религіи, теологической дѣятельности или поведенія; другой—живымъ символомъ, главою и первымъ служителемъ политики въ узкомъ смыслѣ слова, прикладного соціальнаго знанія, дѣятельности или поведенія экономическаго, административнаго, юридическаго и т. п. Возникшее между ними въ извѣстный моментъ соперничество никогда не выходило изъ рамокъ «практическаго дѣла», подобно тому, какъ изъ тѣхъ же рамокъ не выходитъ, напримѣръ, и борьба, завязавшаяся въ наше время между представителями труда и представителями капитала. Можно сказать даже, что прямымъ объектомъ соревнованія и съ той и съ другой стороны была всегда, главнымъ образомъ, лишь свѣтская власть.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о процессѣ дифференціаціи, который, проявляясь во всей исторіи міра, захватываетъ въ свое время и сложные аггрегаты, называемые человѣческими обществами. Послѣднія подвергаются съ теченіемъ вѣковъ глубокимъ измѣненіямъ. Основныя формы общественной мысли, главнѣйшіе виды психологическаго взаимодѣйствія переходятъ отъ аморфнаго состоянія къ

состоянію точно опредѣленному, отъ начальной безсвязности къ систематическому построенію, отъ эмпирической нераздѣльности къ раціональной спеціализаціи.

Въ этомъ великомъ движеніи, координирующемъ всѣ живыя силы нашего ума, впереди идетъ частное знаніе,—первый зародышъ, которымъ обсѣменяется нива общественной мысли. Смѣшеніе изслѣдованій, анализовъ и проблематическихъ сужденій ученаго съ умозрѣніями, синтезами и аподиктическими или ассерторическими сужденіями философа—смѣшеніе, въ которомъ трудно было видѣть статическое условіе человѣческаго духа—не могло продолжаться вѣчно. Оно, правда, потребовало много времени, чтобы разсѣяться и исчезнуть. Прошли вѣка, понадобилась огромная работа, прежде чѣмъ спеціализація главныхъ отдѣловъ знанія, отпаденіе ихъ сначала отъ теологіи, а затѣмъ отъ метафизики, стало совершившимся фактомъ.

Такъ называемый «исходъ» наукъ изъ философіи—ослабленіе, а затѣмъ и разрывъ узъ, связывавшихъ частныя дисциплины съ метафизикой—составляетъ во многихъ отношеніяхъ наиболѣе знаменательный фактъ исторіи. Явленіе это глубоко измѣняетъ духовную жизнь соотвѣтствующихъ эпохъ, оно вліяетъ на истинныя причины общественныхъ процессовъ и событій, оно далеко отражается на прямыхъ и косвенныхъ послѣдствіяхъ этихъ причинъ; однимъ словомъ, оно играетъ самую рѣшительную и выдающуюся роль въ великомъ поступательномъ движеніи, называемомъ прогрессомъ.

Но процессъ дифференціаціи двустороненъ по самой сущности своей или ex definitione. Всякій

разъ, слѣдовательно, когда частная наука, отрываясь отъ философіи, завоевываетъ себѣ автономію, строитъ и провѣряетъ proprio motu свои гипотезы, и философія въ одинаковой мѣрѣ освобождается отъ многочисленныхъ путъ, отъ настоятельной необходимости разрѣшать научныя задачи и предаваться изслѣдованіямъ нравственнымъ, психологическимъ, біологическимъ и т. п. Она, въ свою очередь, возвращаетъ себѣ свободу, она полнѣе отдается своему верховному призванію, она все болѣе и болѣе становится тѣмъ «свѣтлымъ маякомъ», который озаряетъ большія, торныя дороги и проселочные пути, гдѣ развертываются эстетическія и дѣятельныя силы человѣчества.

ГЛАВА II.

Упадокъ религій и метафизическихъ системъ.

Ископаемая наука и философскіе синтезы, ее представляющіе.—Антилогія знанія и сознанія. — Медленное вымираніе теологической вѣры и метафизическаго апріоризма. — Кризисъ въ современной духовной жизни.—Автономія нравственнаго знанія.—Агностицизмъ и пессимизмъ.—Метафизическая идея о безконечномъ прогрессѣ.—Дисгармоніи органическаго или жизненнаго порядка. — Дисгармоніи надорганическаго или нравственно-общественнаго порядка. — Ложный логическій кругъ.

Реальные факты исторіи указываютъ на существованіе значительнаго числа философскихъ синтезовъ, до сихъ поръ еще тѣсно примыкающихъ къ породившему ихъ знанію низшаго качества (грубо эмпирическому или, что̀ то же, утонченно апріористическому). Примѣромъ такихъ синтезовъ служатъ всѣ религіи, еще не растерявшія вѣрующихъ, и нѣкоторыя метафизическія системы. Но это пережиточное явленіе нисколько не удивительно, и оно не имѣетъ ровно ничего общаго съ занимающей насъ дифференціальной эволюціей. Такія міропониманія, хотя порою и становятся реакціонными и вредными, обыкновенно представляютъ, однако, лишь странное— и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ утѣшительное—зрѣ-

лище организмовъ, связанныхъ съ трупомъ, несмотря на то, что въ жилахъ ихъ еще течетъ и движется кровь. Древнее знаніе, изобличаемое современнымъ разумомъ въ томъ, что оно цѣликомъ соткано изъ неточно наблюденныхъ фактовъ, безплодныхъ гипотезъ и ложныхъ объясненій, не можетъ быть возвращено къ жизни. Такая архаическая наука уже не даетъ болѣе повода къ новымъ изслѣдованіямъ, сомнѣніямъ или спорамъ; она не ставитъ и не рѣшаетъ никакихъ проблемъ.

Теологіи и метафизическія системы, синтезировавшія такое знаніе, теперь уже сами смотрятъ на него какъ на caput mortuum; но онѣ въ то же время избѣгаютъ, какъ серьёзнѣйшей опасности, малѣйшаго вторженія въ область новой и живой науки. Какая разница съ радостнымъ оживленіемъ и настойчивымъ трудомъ, какимъ предавались нѣкогда религіи и старыя метафизическія системы! Вмѣшиваясь въ самыя спеціальныя проблемы знанія своей эпохи, онѣ считались компетентными во всѣхъ вопросахъ, онѣ съ напряженнымъ любопытствомъ взирали на міръ и его явленія: и соотвѣтственно этому на каждое событіе накладывалось религіозное клеймо, каждой истинѣ, каждому мнѣнію, давалась, въ той или другой мѣрѣ, философская инвеститура.

Въ наши дни, даже въ странахъ съ средней культурой, дѣло, какъ извѣстно, приняло иной оборотъ. Со всѣхъ сторонъ теперь взываютъ къ терпимости, требуя уваженія для религіозныхъ и метафизическихъ взглядовъ подъ тѣмъ болѣе чѣмъ страннымъ предлогомъ, что «они находятся внѣ науки, что они составляютъ неотъемлемое право человѣческой личности». «Знаніе» рѣзко противополагается

«сознанію», при чемъ совершенно упускаютъ изъ виду, что, какъ было замѣчено мною въ моей книгѣ о Добрѣ и Злѣ, «ни одна мысль, ни одно вѣрованіе не могутъ выйти за предѣлы области наблюденія и опыта, не могутъ освободиться изъ-подъ власти законовъ логики»; такъ что говорить о «сознаніи, тайные изгибы котораго никогда не освѣщаются лучами знанія», можно, лишь опредѣляя «безсознательное» и другіе виды чисто біологическаго сознанія.

Но послѣ господства надъ міромъ, дойти постепенно до подобнаго результата, все равно, что готовиться къ медленному умиранію. Таково положеніе, въ которомъ находятся въ настоящее время религіозная вѣра и метафизическій апріоризмъ, поставленные лицомъ къ лицу съ современнымъ, уже автономнымъ знаніемъ и новой, вырабатывающейся изъ него философіей. Выводъ этотъ сталъ неизбѣжнымъ уже около вѣка тому назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ біологія обосновалась научно, а слѣдомъ за нею и соціологія смѣло вступила на тотъ же путь, увлекая на него и психологію вмѣстѣ съ теоріей познанія (которыя нынѣ все болѣе и болѣе признаютъ свою полную зависимость отъ наукъ біологическихъ и наукъ соціальныхъ).

Научное обоснованіе соціологіи расширяетъ кругъ нашихъ положительныхъ знаній до самыхъ крайнихъ его предѣловъ. Оно подчиняетъ изученіе надорганическихъ фактовъ методамъ точной науки, которая такимъ образомъ прочно и навсегда вступаетъ въ обладаніе огромнымъ нравственнымъ міромъ общественныхъ группъ и личностей. Доведенная до конца, эта великая побѣда знанія не замедлитъ уни-

чтожить послѣднее препятствіе, мѣшающее спеціализаціи философскихъ идей, или обособленію ихъ въ смыслѣ Спенсера, переходу ихъ отъ состоянія «разнородной сегментаціи» къ состоянію «однородной интеграціи». Она поможетъ осуществиться этой дифференціаціи, уже давно таящейся въ умахъ, она позволитъ ей проявиться наружу въ конкретныхъ и осязаемыхъ фактахъ. Мнѣ лично даже кажется, что въ этихъ новыхъ стремленіяхъ заложены задатки великой духовной революціи, коренного переворота въ нашихъ привычныхъ способахъ думать, чувствовать и дѣйствовать.

Современное человѣчество переживаетъ тяжелый кризисъ. Медленное вымираніе древнихъ религіозныхъ вѣрованій и старыхъ метафизическихъ догматовъ, внутреннее безсиліе или безсодержательность новыхъ философскихъ построеній, непростительныя колебанія и отсрочки въ дѣлѣ умственной и нравственной эмансипаціи народныхъ массъ и многія другія причины создаютъ всеобщее чувство боязливой неувѣренности и постояннаго безпокойства, которое временами смягчается и стихаетъ, а временами обостряется и грозитъ перейти въ страшные припадки гнѣва и злобы.

По нашему мнѣнію, это положеніе вещей разрѣшится—въ будущемъ, особую близость котораго мы не смѣемъ предсказывать—путемъ установленія новаго, болѣе прочнаго modus vivendi между результатами аналитической и гипотетической мысли и результатами мысли синтетической и аподиктической. За этой эволюціей необходимо послѣдуетъ аналогичная перемѣна какъ въ отношеніяхъ между философскими идеями и продуктами эстетическаго творчества, такъ

и въ отношеніяхъ между событіями, нравами, учрежденіями, съ одной стороны, и знаніями, убѣжденіями и господствующими вкусами эпохи—съ другой.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но одинъ фактъ уже теперь не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: это полный разрывъ, совершившійся между нравственнымъ познаніемъ — ядромъ наукъ надорганическаго міра, элементарной соціологіей — и всѣми видами философіи. Разрывъ этотъ означаетъ, что прежнее отношеніе между частнымъ понятіемъ и понятіемъ общимъ замѣняется отношеніемъ прямо противоположнымъ; что нравственное знаніе перестаетъ быть смиреннымъ слугою религіознаго или метафизическаго догмата; что оно открыто заявляетъ о своемъ правѣ образовать основную и автономную науку; что оно, въ свою очередь, стремится стать точкой отправленія, сдѣлаться «сырымъ матеріаломъ» для умозрѣній философа. Человѣческій умъ при этомъ впервые отдаетъ себѣ полный отчетъ въ ложной глубинѣ и неизбѣжной безплодности философскихъ попытокъ, задающихся цѣлью открыть или доказать истины научнаго порядка. Онъ впервые постигаетъ и правильно оцѣниваетъ и скрытую игру причинъ, породившихъ и упрочившихъ два великихъ зла, отъ которыхъ такъ долго страдало человѣчество, двѣ основныхъ иллюзіи, противъ которыхъ борются въ настоящее время и соціологія и психологія.

Я говорю объ агностицизмѣ и пессимизмѣ — ученіяхъ, имѣющихъ одинъ общій корень, одинаково обязанныхъ своимъ происхожденіемъ первоначальному и неизбѣжному смѣшенію различныхъ видовъ общественной мысли. Въ сущности, дѣло

идетъ тутъ о нѣкоторой слабости или даже порчѣ ума, которая облекается въ двѣ различныя формы, смотря по тому, наблюдаемъ ли мы ее въ наукѣ и философіи, съ одной стороны, или въ искуствѣ, въ нашей практической дѣятельности—съ другой. Въ первомъ случаѣ «пессимизмъ познанія» обусловливаетъ и вызываетъ у мыслителя болѣе или менѣе скрытый возвратъ къ религіозности, къ первобытному незнанію (агностицизмъ); а во второмъ ту же роль играетъ пессимизмъ въ обычномъ смыслѣ слова, недовольство жизнью, всегда слагающееся изъ неуспѣвшаго развиться или подавленнаго эстетическаго чувства и ослабленной, истощенной активной воли, которая, слѣдуя внушеніямъ собственной лѣни или дѣйствительно нуждаясь въ отдыхѣ, стремится найти его въ своихъ органическихъ первоисточникахъ.

Отмѣтимъ мимоходомъ, какъ наше соціологическое и психологическое невѣденье сумѣло обратить причину, которая должна была привести къ его исчезновенію — прогрессъ знаній — въ условіе, содѣйствовавшее распространенію этихъ двухъ родственныхъ иллюзій, агностицизма и пессимизма. Въ самомъ дѣлѣ, опираясь на метафизическое понятіе о «безконечномъ прогрессѣ», было не трудно убѣдить себя въ томъ, что знаніе, способное безконечно увеличиваться, и разумъ, способный безконечно совершенствоваться, должны быть: первое — величиною всегда сравнительно малою, а второй — орудіемъ изслѣдованія всегда достаточно несовершеннымъ. Тезисъ о врожденной или органической слабости человѣческаго ума превратился такимъ образомъ въ догматъ, логически доказуемый, и

агностицизму оставалось только извлечь изъ него всѣ заключавшіеся въ немъ пессимистическіе выводы.

Въ трудѣ, приготовляемомъ къ печати (Соціологія дѣйствія), мы будемъ имѣть случай ближе изучить эти два душевныхъ состоянія, агностицизмъ и пессимизмъ, въ которыхъ такъ ярко выражается былое и частью современное безсиліе или немощность нашего знанія не только въ смежныхъ областяхъ соціологіи и психологіи, но и въ біологіи. Какъ справедливо доказываетъ, въ недавно появившейся книгѣ, Мечниковъ, всякій религіозный или философскій пессимизмъ коренится въ сознаніи людьми глубокихъ и жестокихъ «дисгармоній» ихъ органической природы, т.-е. въ чувствѣ угнетенія, которое ничѣмъ не уравновѣшивается и не смягчается, а, напротивъ, лишь обостряется и усиливается подъ вліяніемъ всеобщаго убѣжденія въ безполезности всякой борьбы противъ этихъ неотвратимыхъ факторовъ упадка и разрушенія. Къ основнымъ дисгармоніямъ органическаго характера присоединяются, конечно, другія, не менѣе важныя, но относящіяся уже къ порядку явленій надорганическихъ или общественныхъ. И по мѣрѣ того, какъ человѣчество сознаетъ ихъ, пессимистическая язва все болѣе растравляется и углубляется. Несправедливость, неравенство между людьми, нищета и т. д. начинаютъ разсматриваться какъ неизбѣжное зло, какъ роковыя условія всякаго коллективнаго существованія; еще шагъ въ этомъ направленіи, и недочеты надорганическаго характера уже возводятся на степень прочныхъ устоевъ всякаго человѣческаго общества (35).

Ни дисгармоніи біологическаго, ни дисгармоніи соціальнаго происхожденія и свойства никогда не изучались серьезно и чисто-научнымъ образомъ. Встрѣчаясь съ такими проблемами, религіи и метафизическія системы либо отказывались рѣшать ихъ, либо противополагали имъ свои глубоко пессимистическіе взгляды на врожденную слабость человѣческаго ума и на крайнюю ограниченность человѣческихъ знаній. Изъ этого замкнутаго круга можно было выйти только путемъ обнаруженія и осужденія той рѣзкой petitio principii, которая легла въ его основу, или, другими словами, только низвергнувъ старый идолъ Непознаваемаго. И въ наши дни въ этомъ направленіи уже сдѣлано нѣсколько твердыхъ шаговъ.

По мѣрѣ того, какъ будетъ уменьшаться наше соціологическое и психологическое незнаніе, люди увидятъ, что оно породило массу лжи, что оно вызвало длинный рядъ общихъ и частныхъ заблужденій, которыя выставлялись и до сихъ поръ еще выставляются какъ истины самой высокой пробы и чуть ли не какъ безспорныя аксіомы. Не подвергая такія неправильныя умозаключенія подробному пересмотру—что завело бы насъ слишкомъ далеко (36)—мы позволимъ себѣ, въ видѣ примѣра, указать въ слѣдующихъ главахъ на два разряда ошибочныхъ тезисовъ, тѣсная связь которыхъ съ кризисомъ, переживаемымъ нынѣ науками надорганическаго міра и философіей, не возбуждаетъ, повидимому, никакихъ сомнѣній.

ГЛАВА III.

Ложныя теоріи познаванія.

Односторонній (біологическій) характеръ современныхъ теорій познаванія. — «Феноменизмъ» и иллюзія, искажающая нуменальное бытіе.—Классификація наукъ Огюста Конта.—Ошибочное различеніе между формальнымъ и матеріальнымъ знаніемъ.—«Нормативныя» и «объяснительныя» науки.—Различное содержаніе науки, философіи, искусства и техники.—Методологическая дифференціація.

Такъ какъ знаніе есть фактъ конкретнаго порядка, обязанный своимъ происхожденіемъ тѣсному сочетанію психофизическихъ явленій съ общественными, то и «теорія» его ни въ коемъ случаѣ не могла опередить научнаго обоснованія біологіи и соціологіи. Но въ настоящее время только первая изъ этихъ двухъ отвлеченныхъ дисциплинъ заслуживаетъ названія науки, уже вышедшей изъ дѣтскаго возраста. А потому, даже не касаясь болѣе старыхъ и совершенно ошибочныхъ эмпирическихъ взглядовъ, слѣдуетъ признать, что въ нашихъ современныхъ теоріяхъ познаванія до сихъ поръ господствуетъ и первенствуетъ біологическій элементъ. Въ нихъ сложный фактъ познанія систематически сводится къ ощущенію, къ органическому акту различенія, при чемъ совершенно упускается изъ виду другой корень знанія. Соціологъ

тутъ поступаетъ не лучше геолога, который бы пытался объяснить строеніе земного шара при помощи однихъ только законовъ тяжести, игнорируя остальныя физическія и химическія силы или свойства матеріи.

Наиболѣе популярныя теоріи познаванія, прикрываясь «феноменизмомъ», невозможностью проникнуть въ сердцевину вещей, проповѣдуютъ странное ученіе, согласно которому главной функціей нашихъ органовъ воспріятія является «искаженіе» реальнаго міра. Теоріи эти утверждаютъ, что наиболѣе точное изъ нашихъ знаній составляетъ, въ сущности, лишь «галлюцинацію», менѣе другихъ отдаленную отъ голой истины.

Наше безсиліе свести знаніе къ его корнямъ или составнымъ элементамъ порождаетъ острое чувство пустоты исканій, направленныхъ къ такой цѣли. Но вмѣсто того, чтобы открыто признаться въ нашей временной безпомощности, мы даемъ свободу фантазіи и пускаемся въ объясненія, отличающіяся глубокой нелогичностью. Мы впадаемъ въ вульгарную ошибку, состоящую въ произвольной замѣнѣ, въ одномъ и томъ же сужденіи, болѣе широкаго понятія болѣе узкимъ; именно такъ поступаютъ теоріи, разсматривающія всякое знаніе какъ непол. ный или даже призрачный обликъ истиннаго бытія.

Дѣйствительно, если, съ одной стороны, защитники этихъ теорій и сознаются, что они не могутъ объяснить, какъ образуется познаніе, которое обыденный здравый смыслъ разъ навсегда отожествляетъ съ міромъ вещей видимыхъ и осязаемыхъ, то, съ другой—они упорно продолжаютъ сводить

самый фактъ познанія исключительно къ его біологическимъ элементамъ. Сопоставляя затѣмъ часть съ цѣлымъ, одну изъ причинъ съ общимъ слѣдствіемъ многихъ факторовъ, они справедливо находятъ, что между сравниваемыми явленіями существуетъ значительная разница. Но вмѣсто того, чтобы, ограничившись утвержденіемъ этой очевидной истины, показать намъ, что актъ познанія, въ свою очередь, подчиненъ общимъ нормамъ, управляющимъ наилучше изслѣдованными естественными процессами, явленіями количественными, механическими, химическими и т. д. (гдѣ совокупный результатъ многихъ факторовъ всегда можетъ быть представленъ, какъ болѣе или менѣе глубокое измѣненіе одного изъ нихъ), они, какъ мы уже сказали, замѣняютъ неизвѣстное намъ цѣлое явленіе извѣстной намъ частью его, и въ собственной логической ошибкѣ усматриваютъ доказательство «непознаваемости» и окружающей насъ дѣйствительности, и нашего внутренняго или духовнаго міра.

Господствующія нынѣ теоріи познаванія не ищутъ точекъ опоры въ соціологіи и довольствуются скуднымъ содержаніемъ, какое можетъ дать имъ чистая метафизика. Это видно, между прочимъ, на примѣрѣ классификаціи наукъ, съ которой Огюстъ Контъ связалъ свое имя и которую «теоретики познанія» систематически замалчиваютъ, предпочитая здоровой и укрѣпляющей пищѣ Конта то тощее мясо—какъ сказалъ бы Бэконъ—которое до сихъ поръ еще подается, въ видѣ главнаго блюда, за самыми роскошными столами современной мудрости. Мы имѣемъ здѣсь въ виду въ особенности разныя архаическія разсужденія о границахъ, отдѣляющихъ формальныя

знанія отъ знаній матеріальныхъ (или науки «нормативныя» отъ наукъ «объяснительныхъ»).

Намъ говорятъ, напримѣръ, что формальныя науки, къ которымъ относятся математика, логика и теорія познанія, обладаютъ степенью достовѣрности, не принадлежащею наукамъ матеріальнымъ. Насъ увѣряютъ, что первыя, изучая лишь «формы» явленій, выставляютъ тезисы, отличающіеся абсолютной необходимостью, между тѣмъ какъ вторыя, изслѣдуя «содержаніе» тѣхъ же явленій, никогда не достигаютъ познанія ихъ первыхъ или самыхъ отдаленныхъ причинъ.

Но полная безцѣльность этого раздѣленія наукъ рѣзко бросается въ глаза. Формальныя дисциплины вѣдь не только не игнорируютъ начала причинности, а громко провозглашаютъ его и, въ свою очередь, настойчиво навязываютъ такъ называемымъ объективнымъ наукамъ. Остается различіе между формой и содержаніемъ. Оно въ одно и то же время и эмпирично и незначительно. Оно заимствовано частью отъ ходячихъ понятій повседневной жизни и частью отъ нѣкоторыхъ пріемовъ, употребляемыхъ художникомъ съ цѣлью либо придать своему произведенію видимое подобіе жизни, либо отдѣлить его искусственною гранью отъ окружающихъ его предметовъ. Во всякомъ иномъ смыслѣ, форма сливается съ содержаніемъ. Истинный объектъ «матеріальныхъ» наукъ не заключается ли гораздо болѣе въ «отношеніяхъ» между явленіями, чѣмъ въ самыхъ явленіяхъ? И не можемъ ли мы сказать вообще, что настоящій предметъ всякаго знанія сводится къ собственному вкладу ученаго, или къ обработкѣ (которую мы и называемъ формой), какую онъ даетъ опыту,

превращая его въ знаніе? Равнымъ образомъ, сущностью или внутреннимъ содержаніемъ философіи является то, что мыслитель прибавляетъ къ знанію своей эпохи (а еще чаще къ знанію эпохъ предшествующихъ), съ цѣлью превратить его въ возможно однородное пониманіе міра. И, наконецъ, сущностью или содержаніемъ практической дѣятельности должно быть признано то, что каждый изъ насъ прибавляетъ къ даннымъ науки, философіи и искусства, чтобы обратить ихъ, смотря по обстоятельствамъ, въ полезный или вредный трудъ, въ тѣ ряды фактовъ и дѣйствій, которые называются индивидуальнымъ и коллективнымъ поведеніемъ.

Раздѣленіе наукъ на формальныя и матеріальныя объясняется еще чисто методологическими соображеніями. Отрасли знанія, которыя прибѣгаютъ преимущественно къ дедуктивному методу, именно вслѣдствіе этого и представляются намъ формальными. Наоборотъ, чѣмъ болѣе наука является индуктивной, тѣмъ болѣе она кажется намъ матеріальной. Но всѣ наши знанія пользуются обоими методами и потому имѣютъ одинаковое право считаться и матеріальными и формальными. Правда, въ нѣкоторыхъ наукахъ дедукція преобладаетъ; таковы науки о наиболѣе простыхъ явленіяхъ, изученіе которыхъ значительно подвинулось впередъ (математика, нѣкоторые отдѣлы физики и т. д.), и всѣ «конкретныя» науки въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову (психологія, логика, гносеологія, но также, напримѣръ, геологія или метеорологія, которыя, однако, ни одинъ теоретикъ познанія не назоветъ науками формальными).

Что же касается до противоположенія между науками о «внѣ-человѣческихъ необходимостяхъ, выражающихся въ неизмѣнныхъ законахъ», и науками о «человѣческихъ изволеніяхъ, выражающихся въ правилахъ, подлежащихъ измѣненіямъ», то оно въ самомъ корнѣ или въ сущности своей основано на умственной иллюзіи. Въ немъ можно видѣть лишь общее указаніе на различныя стадіи или ступени развитія, черезъ которыя обычно проходятъ всѣ отрасли знанія. Какъ нѣтъ и не можетъ быть взрослаго, не бывшаго когда-то ребенкомъ, такъ нѣтъ и не можетъ быть науки, которая бы не была сначала «нормативной». Здѣсь я могу лишь повторить слово въ слово то, что я говорилъ о наукахъ такого рода въ моей книгѣ: Обоснованіе этики. «Эта категорія обнимаетъ всѣ отрасли знанія, которыя еще научно не установлены, напримѣръ, этику, логику, естественное право и т. д., всѣ ученія и теоріи, прикрывающія свою безсодержательность общими философскими тезисами. Эти дѣтскія науки (сдѣлавшіяся подъ конецъ, быть-можетъ, и порочно скороспѣлыми) предписываютъ намъ въ приподнятомъ тонѣ то, что онѣ называютъ «нашими обязанностями». Онѣ говорятъ: «такъ слѣдуетъ, такъ должно», во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда развитыя и зрѣлыя науки заявляютъ: «такъ есть». Провозглашаемыя ими нормы дѣятельности временно замѣняютъ собою и исполняютъ функціи еще не открытыхъ законовъ, управляющихъ соотвѣтствующими разрядами явленій. Подобныя правила являются большею частью результатомъ простого выбора, производимаго умомъ между необъясненными явленіями, — выбора, который, подчиняясь средѣ,

эпохѣ, индивидуальному темпераменту мыслителя, остается всегда, если не произвольнымъ въ строгомъ значеніи слова, то, по меньшей мѣрѣ, субъективнымъ. Настоятельныя и неотложныя требованія, предъявляемыя къ намъ практическою дѣятельностью, облекаютъ нормативныя науки искусственнымъ и всегда спорнымъ авторитетомъ. За неимѣніемъ точной и совершенной теоріи, практическая дѣятельность не прекращается, не останавливается, а поручаетъ руководство собою теоріи приблизительной и отрывочной, если даже не системѣ узкихъ и ложныхъ взглядовъ» (37).

ГЛАВА IV.

Гносеологическіе тезисы неопозитивизма.

Увлеченіе «гносеологіей» у новѣйшихъ философовъ.—Главные тезисы моей теоріи познанія. — Борьба съ Непознаваемымъ.— Ложная антиномія между надорганическимъ и органическимъ, между познаніемъ и жизнью. — Теорія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ. — Опытъ общественной группы и традиція. — Біосоціальная наслѣдственность и иллюзія «формъ познанія».—Знаніе объективное и знаніе субъективное. — «Асоціальная» мысль.— Опредѣленіе конкретнаго съ помощью абстрактнаго.—Психическое взаимодѣйствіе и коллективный опытъ.—Общій выводъ.

Главный недостатокъ ходячихъ теорій познанія заключается въ ихъ до сихъ поръ еще глубоко философскомъ характерѣ, въ томъ, что ихъ принимаютъ и выдаютъ за настоящія онтологіи, за системы «первичной» философіи. Самые сложные вопросы, самыя спеціальныя проблемы знанія почти всецѣло ускользаютъ такимъ образомъ отъ плодотворнаго и всесторонняго изученія.

Начальное смѣшеніе частныхъ знаній съ философіей, выразившееся въ долгомъ господствѣ эмпиризма въ наукахъ и апріоризма въ религіи и въ метафизикѣ,—фактъ столь же несомнѣнный, какъ и послѣдовавшая за нимъ постепенная дифференціація

этихъ двухъ основныхъ видовъ общественной мысли. Огромное большинство положительныхъ знаній въ настоящее время вполнѣ отдѣлилось отъ философіи, но соціологія и психологія все еще признаютъ надъ собою власть синтетической мысли. Однако зависимость ихъ отъ послѣдней уже въ значительной мѣрѣ поколеблена, и связь ихъ съ философіей слабѣетъ съ каждымъ днемъ. Обѣ, и соціологія и психологія, видимо, стремятся завоевать себѣ полную научную автономію. Но успѣхи ихъ и, въ особенности, болѣе быстрое развитіе психологіи еще задерживаются многими причинами, между которыми нельзя не упомянуть о крайней односторонности современныхъ психологическихъ изслѣдованій.

Наиболѣе сложныя психическія явленія—и между ними, на первомъ планѣ, факты познанія—составляютъ продуктъ могущественнаго воздѣйствія общественной среды на среду органическую. А потому, пока двойственное происхожденіе фактовъ этого рода не будетъ признано всѣми, пока при изслѣдованіи ихъ не будетъ приниматься въ расчетъ ихъ прямая общественная причинность, до тѣхъ поръ въ психологіи всегда найдетъ себѣ вѣрное убѣжище изгнанная изъ другихъ наукъ апріористическая философія. Здѣсь, съ помощью средствъ, которыми она одна располагаетъ, философія не перестанетъ воздѣлывать добровольно уступленный ей уголокъ частнаго знанія. Она охотно и безъ мѣры будетъ преувеличивать его значеніе, она постарается искусственно раздвинуть его границы во всѣ стороны, она превратитъ его въ прямой эквивалентъ вселенной, въ настоящее и достовѣрное ядро всякаго реальнаго бытія.

Современная философія представляетъ намъ именно такое зрѣлище. Наиболѣе прославленныя ея системы, двусмысленный критицизмъ Канта, узкій и порою даже мистическій позитивизмъ Конта, трансцендентный историзмъ Гегеля, пессимистическій этелизмъ Шопенгауэра, агностическій эволюціонизмъ Спенсера, нравственный нигилизмъ Ницше,—всѣ подвергались, часто въ высокой степени, угнетающему господству «гносеологической» идеи. Явно или скрытно, но проблема познанія подчиняетъ себѣ въ современныхъ философскихъ синтезахъ всѣ другія задачи. А такъ какъ никто не можетъ убѣжать отъ своей эпохи или измѣнить по собственной волѣ условія окружающей его умственной среды, то мнѣ едва ли нужно указывать на то, что и я въ моихъ философскихъ трудахъ слѣдовалъ общему теченію, что и я поступалъ какъ всѣ: и я старался наполнить извѣстнымъ числомъ выработанныхъ ad hoc гносеологическихъ тезисовъ тѣ пробѣлы, ту огромную пустоту, которая образовалась въ области общаго умозрѣнія вслѣдствіе «ухода» изъ философіи цѣлаго ряда спеціальныхъ наукъ. Но я долженъ сказать въ свое оправданіе, что я никогда не скрывалъ отъ читателя, насколько изслѣдованія такого рода выиграли бы, если бъ они предпринимались и велись, вмѣсто философа, спеціалистомъ-ученымъ. Я, кромѣ того, неоднократно заявлялъ, что до тѣхъ поръ, пока теорія познанія не будетъ разсматриваться какъ часть психологіи и изучаться какъ конкретная наука, зависящая одновременно отъ соціологіи и отъ психофизики, самыя раціональныя, повидимому, рѣшенія наши въ вопросахъ этого рода сохранятъ въ высшей степени гадательный ха-

рактеръ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, я считаю небезполезнымъ напомнить здѣсь, — хотя бы только для того, чтобы противопоставить ихъ господствующимъ еще теоріямъ познанія — о нѣкоторыхъ изъ моихъ гносеологическихъ тезисахъ.

1. Укажу, во-первыхъ, на мою критику агностицизма во всѣхъ его формахъ, теологической, метафизической и полунаучной. Эта критика имѣла цѣлью свести непознаваемое къ неизвѣстному (а чрезъ него и къ извѣстному), или всякое сверхчувственное бытіе къ опытному; и она дала результаты, на которые я не разсчитывалъ, по крайней мѣрѣ, въ такой короткій срокъ. Агностицизмъ уже въ значительной мѣрѣ пересталъ быть философскимъ лозунгомъ, объединяющимъ наиболѣе научно-культивированные умы нашего времени.

Но вмѣстѣ съ доктриной непознаваемаго падаютъ и наиболѣе извѣстные логическіе выводы изъ нея: основное противоположеніе субъекта объекту, значеніе котораго не выходитъ за предѣлы изучающаго генезисъ этихъ понятій частнаго знанія; дуализмъ явленія, чувственной или ощущаемой дѣйствительности, и нумена, дѣйствительности сверхчувственной (38); наконецъ, и безсодержательный дуализмъ матеріи и духа, утратившій нынѣ свой первоначальный смыслъ и служащій лишь средствомъ для различенія сравнительно болѣе простыхъ естественныхъ аггрегатовъ отъ другихъ, сравнительно болѣе сложныхъ.

2. Упомяну затѣмъ о моей біо-соціальной гипотезѣ, также, повидимому, успѣвшей распространиться и завоевать согласіе многихъ умовъ. И мыслители, изучающіе гносеологическіе вопросы, и философы,

изучающіе вопросы нравственные и соціологическіе, уже все болѣе и болѣе склоняются къ тому, чтобъ видѣть въ сложной игрѣ духовныхъ явленій и въ познавательныхъ пріобрѣтеніяхъ нашего ума продуктъ общественной среды (или спеціальное приспособленіе къ этой средѣ условій органической жизни). Такимъ образомъ раскрывается логическая несостоятельность антиноміи между бытіемъ надорганическимъ и бытіемъ органическимъ—этого догмата, лежащаго въ основѣ всякаго пессимистическаго міровоззрѣнія и всякой послѣдовательной теоріи непознаваемаго. По самой природѣ своей знаніе не только не обманчиво, не является обольщеніемъ, не составляетъ опасности, вѣчной угрозы для жизни, но, напротивъ того, служитъ ей надежной защитой и оплотомъ; оно всегда и вездѣ—естественный союзникъ жизни, главный и лучшій охранитель и распространитель ея.

3. Наоборотъ, моя теорія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ почти вовсе не нашла себѣ отклика среди современныхъ соціологовъ, мало расположенныхъ, въ частности, къ тому, чтобы вмѣстѣ со мною отнести психологію къ разряду знаній, по существу своему производныхъ и дедуктивныхъ. Искушеніе подчинить соціологическія изслѣдованія психологическимъ, придавъ такимъ образомъ первымъ всѣ отличительныя черты конкретнаго знанія, не потеряло своей силы, и ему мало противятся. Это двойное смѣшеніе можетъ казаться тѣмъ болѣе удивительнымъ, что оно прямо идетъ вразрѣзъ съ упомянутой выше біо-соціальной теоріей, которую тѣ же мыслители рѣшаются одобрить.

Такое же точно замѣчаніе вызываетъ и мой способъ доказательства закона тожества взаимно отрицающихъ другъ друга «сверхотвлеченныхъ» родовыхъ понятій. Несмотря на спеціальный или гносеологическій характеръ этой формулы, ее часто смѣшиваютъ съ универсальнымъ тезисомъ Спинозы, принятымъ впослѣдствіи и развитымъ Гегелемъ; при чемъ, соглашаясь съ большинствомъ выводовъ, вытекающихъ изъ указаннаго закона, все-таки не рѣшаются признать его принципіальную вѣрность.

Въ этомъ случаѣ совершенно упускаютъ изъ виду, что упомянутые выше взгляды (какъ я говорилъ о томъ въ предисловіи къ моему первому опыту по этикѣ), а также, безъ сомнѣнія, и перечисляемые ниже тезисы, неотдѣлимы другъ отъ друга, тѣсно связаны между собою, что они образуютъ цѣльную систему, являясь въ ней, употребляя модное выраженіе, частями одного и того же блока (39).

4. Оставимъ здѣсь въ сторонѣ о б щ е с т в е н н у ю роль или функцію философіи, искусства и практической дѣятельности и разсмотримъ съ этой точки зрѣнія лишь одно познаніе.

Коллективный духъ есть первая форма, въ какой отливается душа біологической особи, глубоко отмѣченная впослѣдствіи печатью общественности. Но вліяніе группы, постояннаго союза людей, столь очевидное или замѣтное въ области традиціи (которою и умножается и увѣковѣчивается наука), не менѣе сильно и значительно уже въ первыхъ стадіяхъ эволюціи, когда еле зарождается слабое знаніе. Послѣднее образуется какъ результатъ опыта, не только непрерывнаго, но и возобновляемаго по желанію; а такимъ можетъ быть

исключительно лишь опытъ коллективный. До тѣхъ поръ, пока индивидуальный опытъ не повторенъ другими людьми, пока онъ не воспроизведенъ или даже не можетъ быть воспроизведенъ цѣлымъ рядомъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній, онъ не порождаетъ никакого знанія. Такая соціализація опыта (или гуманизація, ибо терминъ «національзація», который извѣстная школа публицистовъ пріучила насъ употреблять лишь въ примѣненіи къ однимъ матеріальнымъ благамъ, могъ бы шокировать здѣсь своею узостью) составляетъ реальную основу всякаго знанія и является условіемъ, необходимымъ для поднятія чистаго эмпиризма на степень научной теоріи. Процессы отвлеченія и обобщенія, а слѣдовательно, и методы индукціи и дедукціи могутъ имѣть своимъ объектомъ лишь общій опытъ, могутъ относиться лишь къ фактамъ, подтвержденнымъ болѣе чѣмъ однимъ свидѣтельствомъ, если даже не къ фактамъ, безконечно повторяющимся.

Возобновляясь фантастическое число разъ на протяженіи баснословнаго ряда вѣковъ, опытъ человѣческаго рода проникаетъ, всасывается въ каждаго изъ насъ до такой степени, что нѣкоторыя вытекающія изъ него элементарныя знанія, повидимому, обнаруживаютъ стремленіе передаваться и упрочиваться путемъ біологической наслѣдственности. Такимъ, несомнѣнно, способомъ понятія о безграничномъ времени, о безконечномъ пространствѣ и т. д.,— которыя въ виду короткой жизни и естественной смерти отдѣльныхъ лицъ, могли образоваться только въ обществѣ — становятся, въ концѣ-концовъ, какъ

бы формами познанія, условіями, подготовляющими, дѣлающими возможнымъ личный опытъ.

Впрочемъ, только сравнивая индивидуальный опытъ, порожденный и управляемый опытомъ коллективнымъ, съ индивидуальнымъ же опытомъ, изъятымъ, въ извѣстной и всегда слабой степени, изъ-подъ этого вліянія (ибо для того, чтобы найти въ настоящее время личный опытъ, вполнѣ независимый отъ опыта соборного, нужно спуститься до животнаго міра),—можемъ мы говорить объ объективномъ знаніи, противополагая его знанію субъективному. Послѣднимъ видомъ знанія, однако, не обладаютъ ни животныя, ни дѣти въ самомъ раннемъ возрастѣ (когда вырабатываются лишь ощущенія, представленія и воспоминанія, ускользающія отъ контроля общепризнанной логики); и оно составляетъ только болѣе низкую ступень знанія объективнаго, разновидность его, основанную на неполномъ, отрывочномъ или противорѣчивомъ коллективномъ опытѣ. И въ этомъ смыслѣ, поэтому, можно еще сказать, что всякое знаніе бываетъ сначала всегда субъективнымъ (недостаточно соціализированнымъ или «гуманизированнымъ»), и что только мало-по-малу оно становится объективнымъ (вполнѣ соціализированнымъ, научно установившимся). Добавлю, что одно объективное знаніе можетъ претендовать на значеніе силы дѣйствительной, достаточно приспособленной къ условіямъ внѣшняго міра, біологическаго и механическаго: оно одно равнозначно со свободой въ истинномъ, научномъ смыслѣ этого слова. Субъективное знаніе, наоборотъ, всегда остается силой, не вполнѣ приспособленной къ условіямъ среды, и такое зна-

ніе можетъ породить только деспотизмъ или произволъ.

5. Ощущенія, которыя кажутся намъ несводимыми другъ къ другу, вотъ что анализъ открываетъ въ психическихъ группахъ, называемыхъ «представленіями» о вещахъ. Представленія суть суммы различныхъ и болѣе или менѣе устойчивыхъ ощущеній,— агломераты особаго рода, образующіеся и разлагающіеся, увеличивающіеся и уменьшающіеся, слѣдующіе другъ за другомъ, соединяющіеся въ короткіе или длинные ряды.

Всѣ живыя существа, одаренныя чувствительностью, не смутной только и разсѣянной, а сосредоточенной въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, гдѣ ее обслуживаютъ физіологическіе органы (согласно закону функціи достаточно сильной, чтобъ создать дифференцированный органъ),—слѣдовательно, и такія существа, какъ зоологическій человѣкъ и большая часть животныхъ, способны превращать внѣшнія возбужденія въ ощущенія. И всѣ они, сверхъ того, обладаютъ и способностью соединять ощущенія въ болѣе или менѣе обширныя и разнообразныя группы, или способностью представлять себѣ предметы, мыслить міръ извѣстнымъ, такъ называемымъ конкретнымъ образомъ.

Конкретная мысль принадлежитъ недѣлимому въ строго біологическомъ смыслѣ этого слова. Она образуетъ сырой матеріалъ сознательнаго опыта извѣстнаго рода,—опыта, который можно также назвать біологическимъ или органическимъ, ибо онъ является свойствомъ изолированнаго существа и при жизни послѣдняго, а тѣмъ болѣе, послѣ его смерти, не передается другимъ существамъ, но

долженъ быть возобновляемъ или повторяемъ каждой отдѣльной особью за собственный счетъ и рискъ. Этой чертой (а также сознательнымъ характеромъ своимъ) біологическій опытъ и отличается отъ инстинкта, который, какъ извѣстно, можетъ передаваться по наслѣдству.

Органическій опытъ приводитъ живое существо къ двоякаго рода утвержденіямъ: къ такимъ, что имѣютъ отношеніе къ сходству или несходству его собственныхъ представленій; и къ такимъ, гораздо болѣе важнымъ (вслѣдствіе своего болѣе глубокаго аналитическаго характера), которыя касаются тожества или различія ощущеній (къ чему, какъ извѣстно, въ концѣ-концовъ, сводятся всѣ наши представленія о конкретныхъ предметахъ). Наконецъ, вслѣдъ за этимъ распознаніемъ и въ видѣ его увѣнчанія или окончательнаго результата, біологическая особь выдѣляетъ еще, въ различныхъ рядахъ явленій, подвергшихся ея опыту, и нѣкоторые общіе признаки или элементы.

Эти элементы образуютъ содержаніе новаго вида индивидуальной мысли, которая, переставъ быть конкретною въ цѣломъ, in toto, уже стремится стать отчасти абстрактною и впервые, поэтому, могла бы предъявить притязаніе на титулъ знанія. Но такъ какъ оба термина — абстракція и знаніе — уже пріобрѣли, какъ мы сейчасъ увидимъ, болѣе точное и ограниченное значеніе, то я предпочитаю дать высшимъ продуктамъ «одинокой» духовной дѣятельности названіе «субъ-абстракцій», а соотвѣтствующему эмпирическому знанію—названіе «субъ-эмпиризма». Общіе признаки, отмѣчаемые въ предметахъ «асоціальною» мыслью — напримѣръ, крас-

ный, твердый, сладкій и т. д.—еще не составляютъ того, что обыкновенно называется отвлеченіями; это еще не понятія красноты, твердости, сладости, и, тѣмъ болѣе, конечно, не идеи цвѣта, сопротивленія, удовольствія и т. д. Причина тому очень простая: пока онъ не подтвержденъ опытомъ другихъ особей того же рода, жившихъ раньше (традиція) или живущихъ одновременно (контроль, повѣрка, примѣръ и т. д.), индивидуальный опытъ не можетъ ни «обобщиться», ни «объективироваться» сколько-нибудь прочно или надолго. Такой опытъ не достигаетъ ни отдаленнаго прошлаго вещей, ни ихъ невѣдомаго будущаго.

Въ границахъ, которыя мы только что поспѣшно набросали, знаніе не является общественнымъ, а остается біологическимъ фактомъ, хотя и представляющимъ собою наивысшій расцвѣтъ жизни. Но именно въ указанныхъ предѣлахъ общепринятая психологія и ищетъ начатковъ, первыхъ зародышей всякаго человѣческаго знанія. Традиціонная психологія упорно отказывается видѣть въ «общественности» (психофизическомъ взаимодѣйствіи) первоисточникъ всѣхъ психологическихъ явленій и процессовъ. Она ставитъ рядомъ и разсматриваетъ подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія и отношенія особи къ другимъ особямъ того же біологическаго вида, и отношенія ея къ представителямъ иныхъ видовъ, и отношенія ея къ окружающимъ предметамъ, къ природѣ вообще. Она усвоиваетъ себѣ «упрощенный» взглядъ, выводящій общественный фактъ изъ факта психологическаго и подчиняющій первый второму; при чемъ, само собою разумѣется, рѣшительно отвергается тезисъ, производящій духовное отъ обще-

ственнаго и утверждающій, что образованіе коллективнаго духа необходимо предшествуетъ медленному появленію того разума, который мы продолжаемъ называть индивидуальнымъ (въ біологическомъ смыслѣ) въ то время какъ онъ уже является личнымъ (въ соціальномъ смыслѣ). Но — и я обращаю на это особенное вниманіе читателя — даже въ глазахъ такой несовершенной и мало аналитической психологіи отвлеченная идея необходимо представляется уже о б о б щ е н і е м ъ (признакомъ или чертой, находимыми въ нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ), а конкретный предметъ является лишь однимъ изъ этихъ случаевъ. Но подобный взглядъ, ни мало не противорѣчащій нашей біо-соціальной теоріи, приводитъ насъ къ опредѣленію всякаго конкретнаго бытія какъ соединенія, собранія или «союза» абстракцій.

6. Двѣ гипотезы — провѣрка ихъ принадлежитъ біологіи и соціологіи, — формулированныя нами во второй главѣ этого труда и относящіяся, одна, ко внутренней природѣ органическаго явленія, а другая, къ природѣ явленія надорганическаго, вводятъ въ современныя теоріи познаванія совершенно новыя точки зрѣнія, непредвидѣнныя и способныя, какъ кажется, глубоко измѣнить эти ученія.

Припомнимъ, что первая изъ нашихъ гипотезъ сводитъ органическій фактъ къ «внутри-молекулярному (химическому) взаимодѣйствію», развивающемуся въ каждомъ живомъ существѣ, взятомъ въ отдѣльности, а вторая сводитъ надорганическій фактъ въ «внутри-церебральному (психо-физическому) взаимодѣйствію», имѣющему своимъ объектомъ, по необходимости, г р у п п у живыхъ существъ, — и остановимся

на нѣсколько минутъ на этомъ второмъ видѣ взаимодѣйствія.

Мы видѣли, что, будучи ограниченъ однимъ существомъ, или единичнымъ сознаніемъ, опытъ обнимаетъ, въ конечномъ результатѣ, лишь кратковременныя ощущенія и представленія и не менѣе мимолетныя сужденія, эмоціи и желанія. Онъ не раскрываетъ ни всеобщихъ признаковъ и постоянныхъ свойствъ вещей, ни сложныхъ сужденій, чувствъ и изволеній, сопровождающихъ родовыя и видовыя идеи, отвлеченія разныхъ степеней, или зависящихъ отъ нихъ. И какъ разъ съ той точки, гдѣ обнаруживается это оскудѣніе жизни, это безсиліе взаимодѣйствія на механической основѣ, начинается роль общественности, инсценируется взаимодѣйствіе на жизненной основѣ, сперва чисто психофизіологическое, а затѣмъ все болѣе и болѣе психологическое.

Взаимнаго вліянія, оказываемаго другъ на друга наиболѣе простыми состояніями сознанія (ощущеніями, представленіями и т. д.), достаточно для того, чтобъ превратить, въ соотвѣтствующихъ средахъ, односторонній или индивидуальный опытъ въ опытъ многосторонній или коллективный. Во всѣхъ такихъ случаяхъ чужой опытъ соединяется съ опытомъ біологической особи, вліяя на него, съ одной стороны, и подчиняясь, съ другой, его воздѣйствію; и оба опыта сливаются въ одинъ экспериментальный потокъ, одновременно и болѣе широкій, и болѣе глубокій, и болѣе постоянный и длительный, способный передаваться во времени и пространствѣ и дѣйствительно передающійся отъ одной личности къ другой и отъ группы къ группѣ,

на протяженіи цѣлыхъ частей свѣта, многихъ странъ и длиннаго ряда вѣковъ.

Этотъ безконечно расширенный и безконечно продолженный опытъ (или, по прекрасному выраженію Паскаля, этотъ «преемственный рядъ людей, представляющихся намъ какъ бы однимъ человѣкомъ, вѣчно живущимъ и вѣчно учащимся») составляетъ истинную точку исхода, единственный первоисточникъ всѣхъ общественныхъ фактовъ и событій безъ исключенія; и опытъ этотъ въ то же время является одной изъ двухъ великихъ причинъ, производящихъ всѣ рѣшительно психологическіе факты и событія. Огюстъ Контъ и Литтре, какъ мнѣ кажется, живо чувствовали первую изъ этихъ истинъ, приписывая такое огромное значеніе тому, что они называютъ традиціей, духовной филіаціей поколѣній и, болѣе конкретно, общественнымъ обученіемъ и воспитаніемъ. Понятая такимъ образомъ, традиція составляетъ, конечно, соціологическій фактъ болѣе общій и болѣе существенный, чѣмъ, напримѣръ, подражаніе, которое является только однимъ изъ многихъ методовъ или пріемовъ, примѣняемыхъ традиціей (преимущественно къ поступкамъ или внѣшнему поведенію), съ цѣлью распространить или увѣковѣчить себя.

Односторонній или строго индивидуальный опытъ можетъ быть графически изображенъ одной линіей, связывающей между собою, въ группахъ ощущеній, возникающихъ въ сознаніи одинокой особи, нѣкоторыя общія или сходныя точки. Такая линія всегда коротка, она часто уклоняется въ сторону (патологическія состоянія и т. п.), она, наконецъ, неожиданно и быстро обрывается естественною смертью

одинокаго наблюдателя. Наоборотъ, разносторонній или коллективный опытъ образуетъ огромную сѣть линій, перекрещивающихся во всѣхъ направленіяхъ и соединяющихъ двойнымъ путемъ (чрезъ переходъ отъ одного сознанія къ неопредѣленному числу другихъ сознаній и чрезъ обратное возвращеніе отъ послѣднихъ къ первому) общія черты, тождественные признаки конкретныхъ аггрегатовъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, все снова и снова наблюдаются съ тысячи различныхъ точекъ зрѣнія. Эта сѣть, сказалъ я, огромна; но ея размѣры или занимаемая ею площадь всегда находятся въ прямомъ отношеніи съ возрастомъ или съ интенсивностью культуры, начертавшей ея главныя линіи и поддерживающей и охраняющей ихъ, не терпящей ихъ перерыва, не перестающей умножать ихъ числа.

Коллективный опытъ, какъ, безъ сомнѣнія, уже замѣтилъ читатель, есть только другое названіе—болѣе конкретное и болѣе популярное—для обозначенія «общественности», психическаго взаимодѣйствія. Понятіе, выражаемое этимъ словомъ, доступно самымъ положительнымъ умамъ. Смѣю, вслѣдствіе того, льстить себя надеждою, что по этому поводу меня не станутъ обвинять (какъ это случилось по поводу термина: «соціальный психизмъ») въ пристрастіи къ словеснымъ «сущностямъ», въ метафизическихъ стремленіяхъ и чуть ли даже не въ мистицизмѣ.

7. Перечислимъ еще нѣкоторыя послѣдствія—огромныя преимущества, драгоцѣнныя благодѣянія, хочется сказать, когда становишься на точку зрѣнія, ставящую счастье людей въ зависимость отъ высокой степени ихъ духовной культуры—коллективнаго

опыта, этого совершеннѣйшаго синонима «общественности».

а) Различные ряды «асоціальныхъ» опытовъ (характеризующіеся отсутствіемъ или неполнымъ образованіемъ родовыхъ и видовыхъ понятій и почти исключительнымъ господствомъ всего частнаго, конкретнаго) создаютъ хаотическій, безпорядочный міръ бѣглыхъ отожествленій (субъ-абстракцій), которыя опытомъ объединеннымъ, ставшимъ длительнымъ и общественнымъ, неустанно противополагаются другъ другу, съ цѣлью ихъ провѣрки, одобренія или опороченія, очищенія отъ конкретныхъ примѣсей, исправленія въ цѣломъ или въ частностяхъ.

Путемъ послѣдовательныхъ урѣзокъ и повторныхъ исключеній и ограниченій, общественный опытъ открываетъ, въ свою очередь, новый міръ тожествъ (абстракцій), отличающихся отъ своихъ смутныхъ прототиповъ двумя существенными чертами: большимъ реализмомъ или объективностью, съ одной стороны, неопредѣленною продолжительностью или постоянствомъ—съ другой.

б) Сведеніе конкретныхъ явленій, аггрегатовъ неорганическихъ, органическихъ или надорганическихъ (соціальныхъ и психическихъ комплексовъ) къ цѣлому ряду всегда тожественныхъ элементовъ (пространство, время, число, форма, цвѣтъ, звукъ, вкусъ, и т. д.), которымъ и приписывается наивысшая степень реальности и наивысшая степень длительности или постоянства, — такова цѣль, преслѣдуемая коллективнымъ опытомъ, такова его главная функція.

Но термины «объективность» и «безконечность» (постоянство, которому не видно конца) не могутъ ли

встревожить, наравнѣ съ терминомъ «общественность», иные умы, считающіе себя научными, но грѣшащіе избыткомъ осторожности и являющіеся, вслѣдствіе того, черезчуръ робкими и боязливыми? Въ такомъ случаѣ, успокоимъ эти умы и скажемъ, что «объективное» и «безконечное» имѣютъ въ нашихъ глазахъ одинъ только смыслъ: они означаютъ не болѣе и не менѣе, какъ «коллективное». Мы приписываемъ явленіямъ объективную цѣнность, когда всѣ нормально организованные умы воспринимаютъ и сознаютъ ихъ одинаковымъ образомъ; и мы придаемъ имъ прочное существованіе, мы признаемъ ихъ безконечную продолжительность, когда они становятся объектомъ такого знанія, которое кажется намъ способнымъ непрерывно передаваться отъ одного ума къ другимъ или, скорѣе, отъ одного поколѣнія умовъ ко всѣмъ слѣдующимъ духовнымъ поколѣніямъ.

По мѣрѣ того, какъ изъ асоціальнаго, ограниченнаго однимъ существомъ, опытъ становится соціальнымъ или коллективнымъ, онъ превращаетъ многочисленные параллельные ряды «полуабстрактныхъ ощущеній» или «полуконкретныхъ идей», рождающихся въ умахъ біологическихъ особей (красный, твердый, теплый, мягкій и т. д., и ихъ оттѣнки), въ непрерывный рядъ «общихъ понятій», широкихъ абстракцій, которыя нельзя назвать иначе, какъ коллективными, если имѣется въ виду и желательно понять и объяснить ихъ генезисъ и внутреннюю природу. Этимъ абстракціямъ соотвѣтствуютъ ихъ словесные или письменные знаки, «имена коллективныя», къ несчастью, слишкомъ часто смѣшиваемыя съ абстрактными реальностями. Историческое

развитіе «коллективныхъ именъ», впрочемъ, точно сообразуется съ ходомъ эволюціи, которая отъ первобытной орды, черезъ племенную ассоціацію (кланъ) и родину (отечество), привела людей къ все болѣе и болѣе обширнымъ и развѣтвленнымъ группамъ, къ націи, къ государству, къ классамъ, къ разнообразнѣйшимъ союзамъ, внутреннимъ и международнымъ.

Пробуждая въ насъ понятіе объ «общемъ» и противополагая его понятію о «частномъ», коллективный опытъ одновременно и неизбѣжно вызываетъ въ нашемъ умѣ и всѣ идеи, вытекающія изъ двухъ указанныхъ концептовъ: въ томъ числѣ и идею о «степеняхъ общности», совпадающихъ — что̀ бы ни говорилъ объ этомъ Спенсеръ—со степенями абстракціи, и идею «отношенія», имѣющую такую огромную важность для всякаго знанія, и идеи закона, порядка, повторности явленій и т. д.

в) Коллективный опытъ былъ также первоисточникомъ, въ которомъ мало-по-малу образовалась и откуда вышла вѣчно торжествующая и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно непризнаваемая и попираемая великая соціальная сила, управляющая людьми и всею ихъ дѣятельностью (сила, опасная и для самихъ боговъ, которыхъ она въ концѣ-концовъ низвергаетъ), — я разумѣю л о г и к у въ ея двухъ главныхъ формахъ: 1) сужденія, общаго, силлогистическаго, индуктивнаго, дедуктивнаго, прямого (или причиннаго) и обратнаго (или телеологическаго); и 2) количественнаго или математическаго знанія, этой первичной науки, послужившей естественнымъ фундаментомъ для всѣхъ остальныхъ.

Многими правильно мыслящими умами давно уже былъ признанъ глубоко объективный характеръ логики и ея народнаго синонима — р а з у м а. Они ясно видѣли, что если законы разсудка связываютъ людей, если они обязательны для всѣхъ сознаній, то только потому, что такія формулы состоятъ изъ понятій или отношеній между понятіями, смыслъ которыхъ остается постояннымъ и не мѣняется при передачѣ или переходѣ отъ одного человѣка или отъ одного поколѣнія людей къ другому; или, иными словами, только потому, что такіе законы необходимо превращаются въ общія мѣрила для всѣхъ соціальныхъ цѣнностей. Образованіе логическихъ законовъ или руководящихъ началъ всякаго раціональнаго знанія, очевидно, обусловлено психическимъ взаимодѣйствіемъ, непрестаннымъ сотрудничествомъ нашего «я» съ другими «я», задающимися одинаковыми цѣлями опытнаго изслѣдованія и открытія. Логика съ ея нормами, съ ея непреложными законами есть первый зрѣлый и наиболѣе драгоцѣнный плодъ — позволяющій намъ достигнуть всего остального и терпѣливо ожидать момента этого достиженія — коллективнаго опыта и коллективнаго знанія.

г) Наука, которая, въ силу самаго опредѣленія своего, разлагаетъ конкретное для извлеченія изъ него абстрактнаго, должна въ этомъ отношеніи занять мѣсто непосредственно вслѣдъ за логикой, если не рядомъ съ нею. Методологія наукъ своеобразно продолжаетъ, обогащаетъ и развиваетъ дѣло разума. Чистый эмпиризмъ есть родъ ариѳметики, сводящей конкретную сложность явленія къ его наличнымъ составнымъ частямъ (къ частнымъ фактамъ, когда дѣло идетъ объ обширныхъ и сложныхъ сочетаніяхъ

аггрегатовъ, и къ такъ называемымъ элементарнымъ ощущеніямъ, когда дѣло касается болѣе простыхъ сочетаній). А чистая наука есть родъ алгебры, работающей надъ достигаемыми гораздо позднѣе составными элементами явленій, какъ-то: общими признаками ихъ, отвлеченными идеями, существенными сходствами между различными рядами фактовъ, ощущеній или представленій.

Эмпирическое знаніе никогда не выходитъ за предѣлы конкретной «видимости», довольствуясь, какъ общее правило, описаніемъ безчисленныхъ и кажущихся случайными измѣненій ея. А теоретическое знаніе кладетъ начало тому полному ясности и спокойной мощи взгляду на міръ, который открываетъ и обнажаетъ передъ нами постоянныя и необходимыя отношенія между конечными элементами вселенной.

д) Прямая связь, соединяющая знаніе людей съ ихъ коллективнымъ опытомъ, вполнѣ оправдываетъ то заглавное или первенствующее мѣсто, которое мы отвели наукѣ въ нашей соціологической системѣ. Наука составляетъ, если не primum movens (такъ какъ умственное взаимодѣйствіе предшествуетъ знанію и обусловливаетъ его), то, по крайней мѣрѣ, непосредственно слѣдующую за взаимодѣйствіемъ или такъ называемую вторую причину обширной совокупности фактовъ, носящей названіе цивилизаціи. Прогрессъ, сознательное соціальное развитіе (противополагаемое эволюціи безсознательной) иного основанія не имѣетъ; а общественный застой и общественный регрессъ могутъ быть всегда, въ конечномъ результатѣ, сведены къ какой-нибудь значи-

тельной задержкѣ, къ какой-нибудь серьезной остановкѣ въ поступательномъ ходѣ нашихъ знаній.

Соціологи, приписывающіе ту же роль «перваго двигателя» дѣйствіямъ или поступкамъ людей,—а число такихъ соціологовъ въ наше время очень значительно,—становятся, какъ намъ кажется, жертвою заблужденія или иллюзіи, о которой я уже имѣлъ случай говорить. Именно, ослѣпленные внѣшнимъ блескомъ дѣйствія,—того дѣлового «жеста», которое управляетъ «орудіемъ», отличающимъ человѣка отъ его зоологическихъ сородичей—они не дѣлаютъ никакого различія между двумя діаметрально противоположными полюсами соціальной эволюціи: коллективнымъ опытомъ, непосредственнымъ выраженіемъ психическаго взаимодѣйствія, и поведеніемъ, конечнымъ результатомъ болѣе или менѣе медленныхъ завоеваній человѣческаго общенія и культуры. Они сразу сокращаютъ разстояніе, отдѣляющее еще неумѣлый поискъ отъ искуснаго приложенія, совершенно упуская изъ виду, что между первымъ и вторымъ должно найтись мѣсто и для посредствующихъ звеньевъ. Они, повидимому, не хотятъ знать, что психическое взаимодѣйствіе не можетъ превратиться вдругъ въ соціальное дѣйствіе, а должно раньше того дифференцироваться, облечься въ различныя формы, распасть на три основныхъ вида: на науку, на философію и на искусство, которые одни только и могутъ управлять многообразными разрядами практической дѣятельности.

Эти-то разряды, а не ихъ первый и отдаленный источникъ (коллективный опытъ), новѣйшая соціологія воли и дѣйствія и возводитъ въ верховное начало всѣхъ общественныхъ явленій. Тутъ факти-

чески обнаруживается наклонность къ «упрощенію», обычно отличающая зачаточныя и только слагающіяся отрасли знанія. Но въ настоящее время къ этой причинѣ присоединяются и многія другія, еще болѣе увеличивающія смѣшеніе понятій и препятствующія проявленію истины. Однѣ изъ нихъ носятъ постоянный характеръ: такова телеологія разума, заставляющая его принимать преслѣдуемую цѣль за мотивъ, опредѣляющій усиліе (и побуждающая его, слѣдовательно, видѣть въ практическомъ дѣйствіи истинный корень чистаго умозрѣнія). Другія имѣютъ преходящее значеніе: онѣ зависятъ отъ умственныхъ привычекъ, унаслѣдованныхъ отъ далекаго прошлаго, или отъ предвзятыхъ понятій сравнительно недавняго происхожденія. Соціологія еще во многихъ отношеніяхъ находится подъ несознаваемымъ ею вліяніемъ чисто описательной исторіи, простыхъ разсказовъ о великихъ событіяхъ и поступкахъ людей. Съ другой стороны, ей не чужды, повидимому, и злобы дня, заботы текущей минуты, изъ которыхъ иныя легко могли содѣйствовать упроченію тезиса о первенствѣ или главенствѣ дѣйствія. Отмѣчу здѣсь по этому поводу и въ видѣ примѣра, быть-можетъ, нѣсколько неожиданнаго, глубокія демократическія стремленія нашей эпохи. Правильно или нѣтъ, но наиболѣе сильные умы нашего времени воздвигли высокій пьедесталъ народу, большинству, невѣжественной массѣ, всецѣло поглощенной физическимъ трудомъ. А такъ какъ вслѣдствіе многочисленныхъ соціальныхъ дисгармоній (смягчать которыя или уничтожать и составляетъ прямое призваніе соціолога), массы еще весьма часто дѣйствуютъ, не руководясь ни знаніемъ, ни размышленіемъ, то можетъ пока-

заться, что прославляя чистый «актъ» или дѣйствіе, мы воздаемъ должное «демосу», являющемуся наиболѣе яркимъ представителемъ практической или технической мысли. При этомъ, однако, забывается, что и въ данномъ случаѣ, какъ во всѣхъ остальныхъ, не дѣйствіе управляетъ незнаніемъ или отсутствіемъ размышленія, а оно управляется ими.

е) Ощущеніе есть біологическая граница знанія, а отвлеченная идея есть его соціальный предѣлъ. Такимъ образомъ всякое знаніе — по крайней мѣрѣ всякое человѣческое знаніе—одновременно и субъективно, т.-е. составляетъ функцію біологической особи, и объективно, т.-е. составляетъ функцію соціальной группы (проявляющейся черезъ соціальную особь или въ соціальной особи). И въ этомъ смыслѣ—гораздо болѣе, чѣмъ въ томъ, который обыкновенно приписывается термину «объектъ»,—знаніе и можетъ быть опредѣлено какъ продуктъ субъекта-объекта.

Но пока научная мысль не сознаетъ, чѣмъ она обязана коллективному опыту, пока, игнорируя свое соціальное происхожденіе и свою соціальную природу, она придаетъ значеніе лишь своимъ біологическимъ корнямъ и своей біологической природѣ, она сводитъ всѣ явленія, въ конечномъ анализѣ, къ ряду элементарныхъ или неразложимыхъ ощущеній. Міръ является тогда въ ея глазахъ м о и м ъ представленіемъ о мірѣ, формулою, широко раскрывающею двери передъ агностицизмомъ и его почти неизбѣжнымъ спутникомъ, иллюзіонизмомъ. И въ самомъ дѣлѣ, явный перевѣсъ тогда получаетъ скептическій тезисъ: и с т и н н ы й міръ не есть, б ы т ь м о ж е т ъ, мое представленіе о мірѣ.

Но по мѣрѣ того, какъ аналитическая мысль начинаетъ сознавать свое біосоціальное происхожденіе, она разсматриваетъ всякій конкретный аггрегатъ какъ сочетаніе абстрактныхъ идей, какъ постоянную сумму отношеній между нашими ощущеніями, отдѣльно взятыми, или уже соединенными другъ съ другомъ (представленія). Міръ становится тогда въ ея глазахъ нашею идеею о мірѣ,—существенная поправка, предполагающая, что мое представленіе равняется нашей идеѣ, безъ чего мое представленіе признается ложнымъ (или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ субъективнымъ, недостаточно объективнымъ). И поправка эта разъ навсегда закрываетъ двери передъ агностицизмомъ и иллюзіонизмомъ: ибо, принявъ ее, уже нельзя болѣе допустить, чтобы всеобщая идея могла быть чѣмъ-либо инымъ, какъ только необходимымъ продуктомъ міра, его послѣднимъ превращеніемъ или еще конечнымъ сосредоточеніемъ въ самомъ себѣ (40).

ГЛАВА V.

Идейный нигилизмъ.

Характерная иллюзія ума.— Фанатизмъ конкретнаго факта.— Заблужденіе платонизма и расплата за него.—Реальное тожество родовыхъ понятій наивысшихъ степеней отвлеченія. — Лже-специфичность «надотвлеченныхъ» концептовъ. — Религіозное и агностическое увлеченія.—Реализація абстрактнаго. — Различныя значенія этого термина. — Практическая реализація и реализація эстетическая.—Какимъ образомъ реализуется конкретное? — Подражаніе природѣ. — Религіозныя и метафизическія олицетворенія. — Эстетическое творчество и творчество техническое. — Роль соціолога и роль теоретика познаванія. — Глубокій смыслъ идеи относительности. — Бытіе и знаніе.

Почти полное невѣденіе законовъ, управляющихъ образованіемъ нашихъ отвлеченныхъ понятій и нормирующихъ ихъ взаимныя отношенія, привело человѣческій умъ къ странному и чрезвычайно упорному заблужденію. Ему стало казаться, что колеблющіяся границы міра жизни замыкаютъ собою, наподобіе волшебнаго круга, все конкретное бытіе, обнимаютъ всю достижимую истину. За предѣлами этого круга начинается огромная пустота, простирается безсводное небо, лишенное всякаго «измѣримаго» содержанія и населенное призраками съ измѣнчивою и причудливою внѣшностью, тотъ горній

Олимпъ, на которомъ живетъ и движется толпа чистыхъ идей: простыхъ отблесковъ или отраженій—слишкомъ часто, увы, обманчивыхъ—реальныхъ вещей, которыя можно осязать и видѣть».

Nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu, — элементарная истина эта подтверждаетъ внутреннее тожество конкретныхъ и абстрактныхъ реальностей; къ сожалѣнію, ее поняли въ узкомъ и эмпирическомъ смыслѣ, ее исказили до придачи ей какъ разъ противоположнаго значенія. И въ настоящее время еще ведется упорная борьба съ «платонизмомъ духа», опредѣляемымъ какъ «миражъ, одаряющій реальною жизнью пустую абстракцію». А между тѣмъ попытка Платона была, въ худшемъ случаѣ, лишь мало искусной, преждевременной, несоотвѣтствующей состоянію психологическаго знанія его эпохи; но и она уже вдохновлялась похвальнымъ, несмотря на свою неясность, стремленіемъ: заложить первыя основы естественной науки идей.

Идейный нигилизмъ явился какъ бы искупительной жертвою, — расплатою, на мой взглядъ, чрезмѣрною,—за слишкомъ ранній расцвѣтъ платонизма. Въ теченіе долгихъ столѣтій, начиная съ среднихъ вѣковъ и вплоть до нашихъ дней, ученіе номинализма держало подъ своими болѣзненными чарами лучшіе умы человѣчества. Оно выдавало себя и охотно принималось за эзотерическую истину, постигнуть которую могло лишь небольшое число посвященныхъ.

Успѣхи новѣйшихъ психо-физическихъ изслѣдованій, въ связи съ сравнительно недавними попытками доказать логическій законъ, устанавливающій

реальное тожество, на высшихъ ступеняхъ отвлеченія, положительныхъ и отрицательныхъ родовыхъ идей, нанесли первый рѣшительный ударъ близкимъ другъ къ другу ученіямъ агностицизма и идеологическаго иллюзіонизма (41).

Всякое отрицаніе «вещи въ себѣ», «первой причины», «конечной цѣли», «абсолютнаго блага», «свободы» въ метафизическомъ смыслѣ слова и т. д. необходимо влечетъ за собою и отрицаніе соотвѣтственныхъ противоположныхъ понятій: «явленія», «причинности», «цѣлесообразности», «абсолютнаго зла», «необходимости» и т. п. И обратно, утвержденіе понятій, которыя входятъ въ одну изъ этихъ двухъ категорій, всегда равносильно утвержденію идей, имъ противостоящихъ, занимающихъ мѣсто подъ противоположнымъ знакомъ. Типичный примѣръ такой двузначности или обманчивой двойственности мы имѣемъ въ равенствѣ (признаніе котораго все чаще проникаетъ даже въ сравнительно невѣжественные умы), открывающемся между идеей о Богѣ (какъ о причинѣ міра, отличной отъ него) и понятіемъ о вселенной или природѣ.

Другими словами, великій логическій трудъ утвердительныхъ или отрицательныхъ различеній остается безплоднымъ, пока онъ прилагается къ однимъ лишь высшимъ родовымъ понятіямъ. Онъ становится полезнымъ и производительнымъ только тогда, когда мысль работаетъ надъ многообразными видами, содержащимися въ такихъ родовыхъ понятіяхъ, или надъ отношеніями между собою этихъ видовъ.

Въ среднихъ или промежуточныхъ областяхъ мысли, отрицаніе одного вида равняется всегда утвержденію (сначала смутному, но уяснить его и

является отдаленною цѣлью отрицанія) нѣкоторыхъ другихъ видовъ, заключающихся въ томъ же родовомъ понятіи; а утвержденіе какого-либо вида всегда равносильно отрицанію (сдѣлать его болѣе опредѣленнымъ и стремится утвержденіе) сосѣднихъ или «однородныхъ» разновидностей.

Но умственныя привычки, пріобрѣтенныя путемъ разработки видовыхъ понятій (чѣмъ, въ сущности, и ограничивается наше знаніе, аналитическое и гипотетическое по самой природѣ своей), неправильно переносятся въ область философіи, въ сферу всеобщихъ или міровыхъ идей, рѣзко отличающихся отъ научныхъ понятій своимъ синтетическимъ и аподиктическимъ характеромъ. И вотъ мы искренно, хотя и довольно наивно, убѣждаемъ себя въ томъ, что отрицаніе «явленія» налагаетъ на насъ обязанность утвержденія соотвѣтственной «нуменальной сущности»; или, прибѣгая къ нѣсколько болѣе сложному случаю, что идея «причинности», напримѣръ, обязываетъ насъ отбросить, какъ логически ей противорѣчащую, идею «первой причины» и т. д. Но такой выводъ ошибоченъ въ корнѣ или въ своей исходной точкѣ.

Вещь сама въ себѣ (нуменъ), противополагаемая явленію, какъ его отрицаніе, есть скрытое утвержденіе явленія, всегда стремящееся стать явнымъ; «первая причина» не отрицаетъ, а утверждаетъ причинную связь вообще; и то же самое слѣдуетъ сказать о всѣхъ безъ исключенія «идеологическихъ вершинахъ», о всѣхъ наивысшихъ точкахъ отвлеченія. Это горная страна, гдѣ ни климатъ ни почва не поддаются пріемамъ культуры, пригоднымъ и полезнымъ въ лежащихъ ниже долинахъ. Здѣсь

бытіе Бога подтверждаетъ бытіе міра, множественность подтверждаетъ единство, зло подтверждаетъ добро, свобода подтверждаетъ необходимость. И обратно, разумѣется, существованіе вселенной, напримѣръ, доказываетъ бытіе Бога, и необходимость, напримѣръ, является логической предпосылкой свободы, — два вывода, которые, безъ сомнѣнія, покажутся болѣе чѣмъ странными въ устахъ невѣрующаго атеиста и убѣжденнаго детерминиста. Но я прошу читателей не забывать точнаго смысла моего тезиса и того, что «утверждать» вовсе не значитъ у меня «отличать», а, напротивъ, значитъ «выставлять сходнымъ», отожествлять.

Логической ошибкѣ, на которую я указалъ и въ которую впали, вслѣдъ за теологами, и метафизики всѣхъ школъ, мы именно и обязаны наиболѣе важною частью «разсудочнаго» содержанія религій и философскихъ системъ. Вмѣсто того, чтобы, допустивъ интуитивную очевидность цѣлаго ряда равенствъ: Богъ = міру, нуменъ = феномену, первичная причина = вторичной причинѣ, конечная цѣль = цѣли предконечной, единство = множественности, свобода = необходимости и т. д., пойти дальше, приступить къ изслѣдованію идеологическихъ видовъ и подвидовъ, т.-е. перейти къ прямому изученію ф а к т о в ъ, обозначаемыхъ высшими родовыми идеями, и отношеній этихъ фактовъ между собою, — психологи, теоретики познаванія и моралисты, подчиняясь традиціоннымъ методамъ, стали обращаться съ этими родовыми понятіями и ихъ ложными отрицаніями какъ съ настоящими, подлинными видами. Всѣ они думали, что изучаютъ дѣйствительныя отношенія между идеологическими категоріями послѣдней или

наивысшей степени, и всѣ поочереди испытали тяжелое чувство, которое ощущается нами, когда, стремясь устранить воображаемое препятствіе, мы встрѣчаемъ впереди себя пустое пространство. Вотъ, какъ намъ кажется, истинная причина того чувства страха передъ зіяющей пропастью, отъ котораго не могли отдѣлаться величайшіе метафизики, которому не были чужды ни идеалисты, ни матеріалисты, ни спиритуалисты, ни позитивисты, ни критицисты, которое одинаково удручало Платона и Паскаля, Конта и Спенсера, Канта и Гегеля, Шопенгауера и Ницше. Длинный рядъ мыслителей получилъ заслуженное возмездіе. Имъ пришлось безплодно топтаться на мѣстѣ, довольствоваться словами, заниматься, вопреки собственной волѣ и часто не замѣчая того, тавтологическимъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее (42).

Реализація абстрактнаго, стоящая во главѣ обычнаго списка смертныхъ грѣховъ, въ которыхъ упрекаютъ теологическія и метафизическія системы, есть терминъ двусмысленный и неясный. Ему можно придать нѣсколько совершенно различныхъ значеній. Реализуемъ ли мы абстрактную идею, когда мы въ области аналитической мысли (если дѣло идетъ о частномъ понятіи) или въ области мысли синтетчиеской (если дѣло касается мірового концепта) констатируемъ ея наличность, и ея силу, и ея живучесть въ умахъ, гдѣ она зародилась, гдѣ она возникла и образовалась, постепенно или внезапно, не только подъ давленіемъ нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ біологическихъ и соціальныхъ событій и фактовъ, но и ассимилируя, претворяя въ свою собственную идеологическую сущность (quidditas) ту или иную часть, какъ бы мала она ни была,

этихъ реальныхъ фактовъ? Реализуемъ ли мы, другими словами, голое отвлеченіе, разлагая конкретную дѣйствительность и заставляя ее исчезнуть такимъ же точно образомъ, какимъ газы, вырывающіеся наружу изъ зажженнаго костра, уничтожаютъ видимость дерева, или какимъ вода, получаемая въ результатѣ тѣснаго соединенія извѣстнаго количества кислорода съ двойнымъ, по объему, количествомъ водорода, упраздняетъ нѣкоторыя химическія и физическія свойства этихъ двухъ элементарныхъ тѣлъ? И далѣе, реализуемъ ли мы абстрактную мысль, когда убѣждаемся въ томъ, что она легко переходитъ съ мѣста на мѣсто, или что она заразительна, что она передается, подобно извѣстнымъ физіологическимъ и патологическимъ состояніямъ, отъ человѣка къ человѣку, или отъ одинокой личности къ цѣлой совокупности ихъ, или отъ одной толпы къ другой, или отъ поколѣнія къ поколѣнію и отъ одного вѣка къ послѣдующимъ столѣтіямъ? Реализуемъ ли мы ее, сверхъ того, когда удостовѣряемся въ томъ, что она способна дѣйствовать на разстояніи, подобно многимъ видамъ энергіи, распространяясь такимъ же точно матеріальнымъ путемъ? Или когда признаемъ ея удивительную выносливость, ея крѣпкое, здоровое сложеніе, побудившее поэтовъ — всегда склонныхъ къ преувеличеніямъ — провозгласить ее безсмертной? Или, наконецъ, когда утверждаемъ, что она, въ свою очередь, съ помощью механической энергіи живой матеріи, превращается въ цѣлый рядъ движеній (дѣйствія людей), которыя она согласуетъ между собою и направляетъ, становясь, на самомъ дѣлѣ, верховной силой въ природѣ, руководящей всѣми другими ея силами? Вотъ, думается намъ,

легко допустимые способы реализаціи абстрактной идеи. И намъ кажется также, что, принимая въ расчетъ физіологическія, психо-физическія и соціальныя знанія, являющіяся необходимымъ постулатомъ подобной попытки, уже нельзя отнестись къ ней какъ къ преждевременной или неосторожной, — упрекъ, котораго вполнѣ заслуживалъ въ свое время реализмъ Платона и среднихъ вѣковъ.

Но формулѣ: «реализовать абстракцію» можно придать еще два другихъ значенія, смотря по тому, осуществляется ли соотвѣтствующій умственный процессъ въ области эстетической, или же въ области практической, въ сферѣ нашего поведенія. Оставляемъ здѣсь совершенно въ сторонѣ послѣдній случай, не нуждающійся въ объясненіи: реализація идеи, какъ бы высоко такая идея ни стояла въ лѣстницѣ отвлеченій, есть, пожалуй, наилучшее изъ всѣхъ возможныхъ опредѣленій человѣческаго дѣйствія; и упрекать практика за реализацію идеи значитъ преподать ему, въ качествѣ урока высшей мудрости, совѣтъ безволія и бездѣйствія. Но мы должны сказать нѣсколько словъ объ эстетической реализаціи абстрактнаго.

Художникъ не заботится о дѣйствительномъ присутствіи идеи въ индивидуальныхъ умахъ; ему нѣтъ дѣла до ея безчисленныхъ перекочевокъ, до ея прибытій и отбытій, до ея захватовъ, до ея медленнаго эволютивнаго хода, до ея внезапныхъ революціонныхъ порывовъ; его не интересуютъ ни степень ея сопротивляемости, ни ея координирующее значеніе, ни ея чудесная направляющая сила. Все это имъ допускается или не допускается, смотря по мѣсту и по эпохѣ, и въ зависимости отъ вліяній научнаго

или философскаго характера, которымъ онъ самъ подвергался. Но все это является у него, такъ сказать, уже предопредѣленнымъ, все это уже предшествуетъ его художественному плану и исполненію послѣдняго. Замышляя свое произведеніе, онъ дѣлаетъ тщательный выборъ между идеями, онъ допускаетъ и терпитъ въ своей Валгаллѣ однѣ лишь «типическія» созданія ума, болѣе другихъ способныя возбуждать, стимулировать наши желанія, проявленія нашей воли и тѣ дѣйствія, которыя отъ нихъ зависятъ.

Но этого еще мало: для того, чтобы преслѣдуемое въ видѣ «цѣли» слѣдствіе могло воплотиться во внѣшнемъ мірѣ, не разсѣиваясь и исчезая почти мгновенно (подобно цѣлямъ, преслѣдуемымъ играми дѣтей, дикарей, животныхъ и, въ меньшей степени, игрою актеровъ, виртуозовъ исполненія и т. д.), чтобы такое слѣдствіе длилось какъ можно дольше, повторялось и прочно воспринималось другими лицами (общественная роль искусства), — для этого надо, чтобы оно могло скопляться въ какомъ-либо центральномъ фокусѣ, откуда оно уже излучалось бы и распространялось во всѣ стороны. Необходимо, другими словами, чтобы художникъ остановилъ и укрѣпилъ избранную имъ и соотвѣтственно преувеличенную (раздутую, ставшую важною, говоритъ Ницше) идею-образецъ, идею-типъ извѣстными пріемами, способными произвести сильное и постоянное впечатлѣніе на ту или другую группу нашихъ чувствъ (смотря по культивируемой отрасли искусства).

Но наши чувства — таковъ физіологическій законъ, считающійся непреложнымъ—открыты вполнѣ

только для конкретныхъ реальностей, то-есть для явленій, которыя мы всегда опредѣляли какъ «группы абстракцій», какъ «естественные» (исключающіе активное содѣйствіе надорганическихъ силъ) или «искусственные» (допускающіе сотрудничество человѣка) конгломераты качествъ и свойствъ (или, если хотите, нуменовъ).

Взятыя порознь, эти свойства не менѣе реальны, чѣмъ тогда, когда они соединяются въ группы и существуютъ въ конкретномъ видѣ. Но мыслятся они «отдѣльно» — въ отвлеченномъ видѣ — однимъ только умомъ (у человѣка въ формѣ ясныхъ понятій и чистыхъ идей, у животныхъ — въ видѣ образовъ и болѣе или менѣе смутныхъ представленій). Во всякомъ случаѣ, свойства эти — не пустыя схемы вещей, какъ думаютъ и говорятъ многіе, а послѣдніе элементы конкретныхъ событій и фактовъ.

Но возвратимся къ спеціальной задачѣ искусства. Художникъ, желающій прямо и сильно подѣйствовать на наши чувства, долженъ сумѣть тѣсно связать главную или господствующую идею своего произведенія съ цѣлою массою идей, неизбѣжно сопутствующихъ ей въ мірѣ конкретныхъ явленій и агломератовъ. Онъ стремится поэтому придать ей какъ можно больше жизни и яркости. Онъ не жалѣетъ усилій, чтобы очаровать и въ то же время обмануть наши чувства, чтобы породить въ насъ полную иллюзію. Но если это такъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что художникъ реализуетъ абстрактное только въ первой фазѣ вдохновенія, когда онъ ищетъ и находитъ свою главную идею, когда онъ задумываетъ тотъ символъ, который впослѣдствіи насквозь освѣтитъ, оживитъ и одухотворитъ его произведеніе?

Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ онъ поступаетъ синкретически; онъ осуществляетъ, воспроизводитъ одно конкретное; онъ дѣлаетъ то, что ежедневно совершается неорганическими, органическими и надорганическими силами въ ихъ различныхъ сочетаніяхъ: онъ творитъ или, по меньшей мѣрѣ, подражаетъ творчеству природы и самой природѣ.

Перенесенные въ науку и въ философію, пріемы искусства неизбѣжно вызываютъ тамъ величайшій безпорядокъ. Наука становится плохимъ романомъ, а философія превращается въ религію или въ жалкую метафизику; ибо, какъ мы уже видѣли, теологическія и первыя космогоническія системы обязаны отчасти своимъ возникновеніемъ весьма естественному для этой отдаленной эпохи смѣшенію философскихъ методовъ съ методами эстетическими. Такимъ именно способомъ религіозныя вѣрованія, вмѣсто того, чтобы реализовать, осуществить божественную идею, невольно встали на наклонную плоскость, приведшую ихъ къ олицетворенію Бога; и такимъ же точно способомъ и метафизическія системы создали свои одаренныя жизнью и дѣйствующія сущности. И тѣ и другія заимствовали у искусства его символическіе и синкретическіе пріемы. И тѣ и другія впали вовсе не въ то мнимое заблужденіе, въ которомъ ихъ упрекаютъ и которое состоитъ въ реализаціи или осуществленіи абстрактнаго (въ этомъ могло бы заключаться ихъ спасеніе), а въ тяжкую, хотя и неизбѣжную въ то время ошибку, которая состояла въ реализаціи конкретнаго.

Реализація конкретнаго, подражаніе природѣ, которому мы даемъ, смотря по обстоятель-

ствамъ, названіе либо техническаго, либо эстетическаго изобрѣтенія, составляетъ истинную задачу и дѣло искусства въ обоихъ значеніяхъ слова, т.-е. и изящныхъ искусствъ, и искусствъ полезныхъ или прикладныхъ. И выполненіе этой задачи, въ первой своей стадіи, какъ мы уже замѣтили, всегда направляется реализаціей абстрактнаго, составляющей прямую цѣль философіи и науки (что, говоря мимоходомъ, вполнѣ отвѣчаетъ іерархическому соотношенію четырехъ основныхъ формъ или ступеней общественной мысли и внутреннему содержанію нашего главнаго соціологическаго обобщенія). Но очевидно, что изученіе законовъ, управляющихъ историческимъ развитіемъ указанныхъ двухъ формъ изобрѣтательнаго творчества, есть дѣло соціологіи, равно какъ изученіе различныхъ пріемовъ, употребляемыхъ «реализаторами абстрактнаго» и «реализаторами конкретнаго», составляетъ уже скорѣе задачу психологіи и теоріи познаванія.

И въ самомъ дѣлѣ, первое вкравшееся въ умы подозрѣніе о томъ, что предметъ можетъ быть отличенъ отъ своего воспріятія, или та тревога и то безпокойство по поводу реальности вещей и правдивости идей, которыя описываются обыкновенно какъ начальный и робкій шагъ всякой философіи, не указываютъ ли уже на отдаленное и къ тому же преждевременное зарожденіе этой конкретной дисциплины: психологіи или идеологіи? Во времена Сократа и Платона психологическія работы, не находя твердой точки опоры въ скудныхъ и мало состоятельныхъ біологическихъ и соціологическихъ наблюденіяхъ той же эпохи, есте-

ственно должны были стремиться къ полному сліянію своего грубаго эмпиризма съ наивнымъ апріоризмомъ смутныхъ метафизическихъ умствованій. И дѣло оставалось въ такомъ положеніи въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ, до самой эпохи Юма, современника первыхъ англійскихъ физіологовъ, если даже не до эпохи Канта, современника Кабаниса, Биша и Галля.

Въ наше время уже нѣтъ особенной надобности защищать реальное существованіе отвлеченныхъ идей, и еще менѣе позволительно доказывать ихъ полную пустоту или безсодержательность. Сужденіе: «нельзя мыслить того, что не существуетъ», не только не представляетъ собою основного софизма, на которомъ зиждется заблужденіе реалистовъ, но является формулою простою, точною и вполнѣ логичною. И глубоко неправы тѣ, кто оспариваютъ ее такимъ мнимымъ сведеніемъ къ абсурду: «я мыслю Бога, я мыслю ничто, слѣдовательно, Богъ и ничто существуютъ». Сомнѣніе въ данномъ случаѣ недопустимо. И «Богъ» и «ничто» всегда занимали и занимаютъ до сихъ поръ время и пространство (наиболѣе общій критерій реальнаго бытія); эти идеи въ высшей степени живучи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ исторія и географія, и не требуется ни многихъ словъ, ни пышныхъ фразъ, чтобы установить и доказать такой выводъ.

Но въ мірѣ существуетъ не одна форма бытія, и на этомъ разнообразіи основано раздѣленіе наукъ. Психологическая форма бытія отличается отъ біологической и физико-химической уже тѣмъ, напримѣръ, что, предполагая и содержа ихъ въ себѣ, какъ логическое заключеніе предполагаетъ и содержитъ

въ себѣ свои посылки, она, тѣмъ самымъ, является и значительно болѣе сложною. Надо умѣть найти руководящую нить въ этомъ лабиринтѣ; надо, напримѣръ, оставаясь въ границахъ указанныхъ выше понятій, твердо знать, что одинъ и тотъ же «міровой субстратъ» развивается и расцвѣтаетъ въ концептахъ «бытія» и «не-бытія», «вселенной» и «Бога», подобно тому какъ одна и та же величина появляется, подъ различными знаками, въ обоихъ членахъ уравненія: $4=2\times2$. Надо знать, говоря другими словами, что цѣлый классъ понятій служитъ удовлетворенію, идетъ навстрѣчу потребности въ дуализмѣ, которая характеризуетъ человѣческій умъ и является, безъ сомнѣнія, основою или условіемъ другой его потребности — стремленія къ единству (совершенно подобно тому, какъ зло является условіемъ добра, а заблужденіе—условіемъ истины). Въ этомъ и состоитъ глубокій смыслъ идеи и термина относительности.

Нѣкоторые мыслители еще прибѣгаютъ къ весьма неудачному различенію «факта» и «идеи». Они именно утверждаютъ, что можно фактъ отвлечь отъ идеи, напримѣръ, фактъ бытія отъ соотвѣтствующаго понятія, и что мы тогда неизбѣжно окажемся передъ пустою формой, передъ средствомъ познанія, а не передъ его матеріей или содержаніемъ. Странный взглядъ, одновременно обращающійся съ фактомъ какъ съ идеею и отказывающійся признать за отвлеченною идеей значеніе факта! Тѣ же мыслители предостерегаютъ насъ противъ многочисленныхъ опасностей, которымъ мы подвергаемся, «облекая въ формы жизни отвлеченныя идеи». Мы не знаемъ, насколько можетъ быть пагубна увѣренность, что

міръ превращается въ наше представленіе о немъ и обратно (подобно тому, напримѣръ, какъ движеніе превращается въ теплоту и наоборотъ); но мы во всякомъ случаѣ думаемъ, что едва ли встрѣчается надобность придавать искусственную реальность идеямъ, которыя доказываютъ свое видимое и осязаемое существованіе путемъ аргумента ad oculos, прославленнаго древнимъ греческимъ мудрецомъ. И попытка отнять у нихъ реальное бытіе кажется намъ гораздо болѣе химерическою, чѣмъ смѣлою, кажется намъ способною лишь завлечь насъ въ логическую западню, въ которую обычно попадаетъ скептикъ, вынужденный сомнѣваться даже въ томъ, что онъ сомнѣвается. Ибо только съ помощью абстракціи и возможно отнять жизнь у тѣхъ или иныхъ абстракцій; а слѣдовательно, или первая абстракція обладаетъ жизнью и тогда живы и всѣ остальныя; или она ею не обладаетъ, и тогда сдѣланный съ помощью ея выводъ самъ себя обличаетъ, какъ обманчивая или ложная фикція.

Повторяемъ, между фактомъ «существованія» и фактомъ «знанія», а тѣмъ болѣе между идеей бытія и идеей познанія, нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго перерыва. Усматривать въ настоящее время между этими близкими и сходными между собою явленіями какую-то «непроходимую пропасть», значитъ стремиться воскресить (или сохранить какъ пережитокъ) самую сущность теологической мысли, агностицизмъ въ его чистѣйшемъ видѣ.

Возгоравшая порою борьба противъ успѣховъ знанія никогда не дѣлала, разумѣется, особенной чести человѣчеству. Однако она еще объяснялась въ тѣ далекія эпохи, когда религіозныя и метафи-

зическія системы соперничали между собою, стараясь, по примѣру художника, достигнуть «олицетворенія» великихъ фактовъ и процессовъ природы. Наука, уже тогда ясно видѣвшая всю невыгоду хаотическаго смѣшенія различныхъ методовъ мысли и стремившаяся все болѣе и болѣе къ одной лишь реализаціи абстрактнаго, такая наука въ эти сумеречные вѣка, по многимъ причинамъ, могла, въ самомъ дѣлѣ, возбуждать различныя подозрѣнія. Но послѣднія рѣшительно непонятны въ наши дни. Налицо не имѣется ни одного всесильнаго практическаго интереса, который могъ бы побудить насъ желать банкротства знанія. Неужели же, руководимые темнымъ и безсознательнымъ атавизмомъ, мы только хотимъ замедлить неизбѣжную дифференціацію четырехъ основныхъ ступеней общественной мысли, или отложить на время необходимое подчиненіе двухъ изъ нихъ — поведенія и искусства, которыя всегда будутъ допускать реализацію конкретнаго, двумъ другимъ — философіи и наукѣ, которыя впредь должны будутъ всецѣло посвятить себя одной лишь умозрительной задачѣ, т.-е. реализаціи абстрактнаго? Но вѣдь это было бы совершенно напраснымъ трудомъ: нельзя, нѣсколькими искусными движеніями, остановить развертывающуюся своимъ естественнымъ ходомъ историческую эволюцію. Науки надорганическаго міра, которыя не сегодня, такъ завтра должны будутъ окончательно сложиться и обосноваться, разсѣютъ малѣйшія, могущія возникнуть по этому поводу сомнѣнія.

КОНЕЦЪ.

Примѣчанія.

Примѣчанія.

(1) См. мою книгу: „Constitution de l'Ethique“ глава первая.

(2) „Constitution de l'Ethique“, стр. 22—24.

(3) *L. Arréat*, „Dix années de philosophie“, Paris, Alcan, 1901, стр. 29—30.—Огюстъ Контъ оставался строго послѣдовательнымъ, когда, ставя въ основаніе соціологіи біологію, старался свести предметъ или содержаніе первой къ конечнымъ выводамъ или результатамъ второй. И неразложимость соціальнаго явленія (которая одна придаетъ соціологіи характеръ абстрактной науки) не могла, логически, быть для Конта ничѣмъ инымъ, какъ только несводимостью, преходящей или постоянной, самыхъ сложныхъ жизненныхъ явленій къ ихъ наиболѣе простымъ формамъ. Это обстоятельство наноситъ сильный ударъ его знаменитой классификаціи наукъ, и вотъ, для отраженія его, Милль и Спенсеръ и вводятъ между біологіей и соціологіей, на равныхъ съ ними правахъ, основную науку психологіи.

(4) Совсѣмъ не таковы, на нашъ взглядъ, отношенія, наблюдаемыя и анализируемыя психологомъ: ибо ихъ можно свести, съ одной стороны, къ жизненному фактору, къ постояннымъ отношеніямъ между клѣтками или біологическими элементами, т.-е. къ органическимъ условіямъ, изучаемымъ біологіей; а съ другой—къ соціальному фактору, къ постояннымъ отношеніямъ людей между собою, т.-е. къ надорганическимъ условіямъ, изучаемымъ соціологіей. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, психологія не можетъ претендовать на значеніе основной науки; это наука производная или преимущественно дедуктивная. Отмѣтимъ между соціологіей и психологіей еще другую дифференціальную черту. Какъ извѣстно, во всѣхъ отрасляхъ знанія, законами называются тѣ краткія

формулы, въ которыхъ выражаются постоянныя отношенія извѣстнаго класса естественныхъ явленій либо между собою, либо къ явленіямъ, принадлежащимъ другимъ научнымъ категоріямъ. И когда, какъ это бываетъ въ наукахъ абстрактныхъ и индуктивныхъ, дѣло касается отношеній «несводимыхъ» на болѣе элементарныя отношенія, законы, связывающіе эти отношенія между собою, обладаютъ той же степенью научной цѣнности (или общности), какъ и законы, связывающіе ихъ съ отношеніями (равнымъ образомъ несводимыми), изучаемыми другими абстрактными науками. Наоборотъ, если дѣло касается, — какъ въ наукахъ конкретныхъ или дедуктивныхъ (напримѣръ, въ астрономіи, геологіи и психологіи), отношеній или явленій, которыя могутъ быть сведены на болѣе простыя и болѣе общія отношенія или явленія, то соотвѣтствующіе законы будутъ всегда законами частными, носящими порою ярко выраженный эмпирическій характеръ; они, сверхъ того, неизмѣнно обусловливаются болѣе общими законами, связывающими такія сложныя отношенія съ простыми отношеніями въ абстрактныхъ наукахъ.

(5) Впрочемъ, какъ я уже говорилъ въ своемъ недавнемъ трудѣ (Frédéric Nietzsche, Paris, 1903, стр. 118), «если моя bio-соціальная гипотеза, видящая въ разумѣ прямое порожденіе общественности, обладаетъ хотя бы самымъ малымъ реальнымъ основаніемъ, то соціологъ и психологъ должны, не вступая въ борьбу и не стремясь къ захвату чужой области, войти въ братское соглашеніе и полюбовно размежевать огромное, развертывающееся передъ ними общее поле наблюденій. И они могутъ легко достигнуть этого, если каждый изъ нихъ твердо рѣшится ограничиться изученіемъ какой-либо одной изъ двухъ основныхъ сторонъ, представляемыхъ всѣми естественными явленіями. Первая изъ нихъ — абстрактная точка зрѣнія, изслѣдованіе того или другого сравнительно простого элемента въ данной категоріи фактовъ; вторая — точка зрѣнія конкретная, изслѣдованіе «цѣлостнаго» факта, т.-е. всей совокупности образующихъ его элементовъ. Физикъ и химикъ изучаютъ, каждый въ отдѣльности, различные виды энергіи, движущей міромъ; но это нисколько не мѣшаетъ, напримѣръ, геологу, основываясь на ихъ открытіяхъ, произвести рядъ новыхъ наблюденій надъ соединеннымъ дѣйствіемъ физическихъ

и химическихъ силъ природы. Такимъ же точно образомъ и психологъ будущаго, опираясь на анализы и открытія біолога и соціолога, получитъ снова возможность изучить въ различныхъ экземплярахъ человѣческаго рода сложную игру жизненныхъ и соціальныхъ факторовъ. Соціологію тогда можно будетъ кратко опредѣлить, какъ родъ абстрактной психологіи, а психологію, какъ родъ конкретной соціологіи.

(5 bis) Я противополагаю конкретное знаніе знанію абстрактному. Но это различеніе не имѣетъ ничего общаго съ проблемою дѣленія соціологіи на части, такъ часто занимавшей соціологовъ и еще недавно вновь возбужденной гг. Дюркгеймомъ и Фоконнэ (Revue philosophique, №5, 1903). Нужно ли, по примѣру нѣкоторыхъ современныхъ писателей, выводить гипотетически законы соціальныхъ явленій и подобными полу - апріористическими схемами наполнять рамки особой науки, извѣстной подъ именемъ общей соціологіи? Или слѣдуетъ, наоборотъ, разсматривать соціологію какъ систему, corpus общественныхъ наукъ, простое нарицательное имя для множества индуктивныхъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью открытіе либо частныхъ, либо все болѣе и болѣе общихъ соціологическихъ законовъ? Такая постановка вопроса, по нашему мнѣнію, равносильна отказу его обсуждать; ибо формулировать его въ этихъ терминахъ— значитъ, для всякаго научнаго ума, разрѣшить его въ смыслѣ благопріятномъ дробленію, спеціализаціи изслѣдованій, даже доведенной до крайнихъ предѣловъ. Какъ справедливо говорятъ упомянутые выше авторы, соціальный міръ есть «міръ безконечный, о которомъ нельзя составить себѣ яснаго, не искаженнаго представленія, пытаясь охватить его разомъ и во всей полнотѣ; ибо въ такомъ случаѣ надо заранѣе согласиться на ознакомленіе съ нимъ лишь въ главныхъ, общихъ очертаніяхъ, надо удовольствоваться самымъ смутнымъ познаніемъ его. А потому необходимо, чтобы каждая часть его изучалась отдѣльно; каждая изъ нихъ достаточно обширна для того, чтобы быть предметомъ цѣлой науки. Такимъ образомъ, общая и единая наука, которую называютъ соціологіей, распадается на множество отдѣльныхъ, хотя и солидарныхъ вѣтвей; и отношенія связывающія между собою составныя части общественныхъ явленій, вліянія и реакціи, оказываемыя такими элементарными факторами

другъ на друга, могутъ быть сами опредѣлены лишь съ помощью изслѣдованій, которыя, даже захватывая двѣ или нѣсколько научныхъ областей, являются, тѣмъ не менѣе, вполнѣ спеціализированными» (loc. cit., стр. 474).

Индукція идетъ отъ частнаго къ общему, и соціологія, въ качествѣ абстрактной, а, слѣдовательно, главнымъ образомъ, индуктивной науки, должна (не только теперь, но и въ теченіе всего своего будущаго развитія) настойчиво преслѣдовать изученіе всѣхъ подробностей, малѣйшихъ частностей общественнаго факта. Она, поэтому, должна быть представлена значительнымъ числомъ спеціальныхъ дисциплинъ. Но разсматриваемый случай не только не составляетъ исключенія, онъ образуетъ общее правило: буквально то же самое мы видимъ во всѣхъ такъ называемыхъ основныхъ наукахъ. Гг. Дюркеймъ и Фоконнэ изо всѣхъ силъ стараются доказать, что не существуетъ никакой общей соціологіи внѣ или помимо того множества частныхъ соціологій, неясную и неполную номенклатуру которыхъ они и даютъ намъ. Но развѣ они когда-нибудь слыхали о физикѣ, существенно отличной отъ ученія о тяжести, отъ тепловой теоріи, отъ теоріи свѣта, отъ электрологіи, отъ акустики и т. д.? Или о химіи, отличной отъ химіи неорганической и отъ химіи органической (если слѣдовать старинному дѣленію) или отъ тѣхъ еще болѣе многочисленныхъ спеціальныхъ отдѣловъ, на которые распадается содержаніе этой науки въ наши дни? Слышали ли они, наконецъ, о біологіи, строго отдѣленной и независимой отъ эмбріологіи, отъ морфологіи, отъ анатоміи, отъ физіологіи, отъ патологіи, растительной, животной, общей, частной и т. д.? На самомъ дѣлѣ, слѣдовательно, можно было бы обернуть тезисъ гг. Дюркейма и Фоконнэ и сказать съ не меньшимъ основаніемъ, что подобно тому, какъ нѣтъ наукъ физическихъ, химическихъ и біологическихъ, стоящихъ внѣ физики, химіи и біологіи, такъ не можетъ быть и наукъ соціальныхъ (политической экономіи, права, исторіи, статистики, генетической соціологіи, соціальной морфологіи, криминологіи, коллективной психологіи, юридической этнологіи, сравнительной миѳологіи, исторіи религій и т. д.), сколько-нибудь о т л и ч н ы х ъ отъ соціологіи. Въ каждомъ изъ приведенныхъ случаевъ существуетъ лишь е д и н а я наука, безконечно раздѣляемая и подраздѣляемая на части, на

главы, на параграфы. Но настаивать дольше на подобныхъ взглядахъ было бы дѣломъ, очевидно, безполезнымъ. Избитыя истины, труизмы терпимы лишь тогда, когда ихъ не развиваютъ на длинномъ рядѣ страницъ.

(6) См. Эспинасъ, Être ou ne pas être, въ Revue philosophique, 1901, № 1 и отвѣты Тарда и Бугле (Le procès de la sociologie biologique). См. также новое и весьма интересное изслѣдованіе, посвященное этому вопросу молодымъ румынскимъ ученымъ Драгическо (Le déterminisme social, Paris, 1903 éd. de la Grande France).

(6 bis) Взгляды, изложенные въ этой главѣ, были предметомъ особаго доклада, сдѣланнаго мною на V соціологическомъ конгрессѣ, состоявшемся въ Парижѣ отъ 6 до 10 іюля 1903 г. Докладу этому были предпосланы слѣдующія соображенія, которыя, быть-можетъ, умѣстно будетъ воспроизвести и здѣсь.

«Вопросъ объ отношеніяхъ между соціологіей и психологіей, предложенный конгрессу организовавшимъ его бюро Международнаго Соціологическаго Института, не есть вопросъ праздный или безполезный. Онъ заключаетъ въ себѣ формальное признаніе того, что и въ настоящее время мы все еще стоимъ передъ неразрѣшеннымъ вопросомъ: каковъ истинный предметъ соціальной науки и чѣмъ онъ отличается отъ предмета психологическаго знанія? Имѣемъ ли мы тутъ точно дѣло съ двумя различными порядками явленій?

«Конечно, здѣсь, какъ и повсюду, первое и послѣднее слово принадлежатъ внимательному изученію, тщательному анализу и подробному описанію соотвѣтствующихъ фактовъ. Но извѣстно также, какую огромную помощь въ такихъ случаяхъ приноситъ гипотеза, теорія, предвидящая возможныя рѣшенія, формулирующая ихъ отчетливо, объединяющая общею цѣлью отдѣльныя изслѣдованія, указывающая дорогу ученому, предохраняющая его отъ грубыхъ ошибокъ. Если анализъ есть тѣло, то гипотеза—душа науки. Безъ предварительной или временной теоріи, постоянно сопоставляемой съ фактами, наилучше освѣдомленный и самый искусный наблюдатель будетъ походить на ловкаго стрѣлка, всѣ выстрѣлы котораго теряются въ пространствѣ за отсутствіемъ одного условія: за неимѣніемъ мишени, въ которую нужно цѣлить.

«Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, въ сочиненіи, появившемся ранѣе Началъ соціологіи Спенсера, какъ объ этомъ только что напомнилъ генеральный секретарь конгресса, я разсматривалъ нѣкоторыя задачи — ихъ можно назвать кардинальными — молодой общественной науки: вопросъ объ ея методѣ, объ ея раздѣленіи на части и т. п., и въ особенности вопросъ объ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ наукамъ, къ психологіи и къ біологіи.

«Итакъ, предстоящая разсмотрѣнію конгресса проблема зародилась не вчера. Но значитъ ли это, что она не разрѣшается моей такъ называемой біо-соціальной гипотезой, теоріей, получившей довольно широкое распространеніе, но прямыя слѣдствія которой ускользнули отъ вниманія большинства тѣхъ, кто принялъ ее въ принципѣ? Или, можетъ-быть, моя теорія оказалась вдругъ въ полномъ противорѣчіи съ фактами, ставшими извѣстными въ послѣднее время? Ни то, ни другое. И, тѣмъ не менѣе, объясненіе мое все же продолжаетъ оставаться простою гипотезой. Очевидно, что наши общественныя знанія еще не даютъ намъ возможности произнести надъ этой теоріей окончательный приговоръ.

«Можно спросить себя, отчего зависитъ такая медленность? Мнѣ лично кажется, что общій законъ развитія нашихъ знаній, содержащійся implicite въ знаменитой классификаціи наукъ Ог. Конта, даетъ на этотъ вопросъ вполнѣ точный и опредѣленный отвѣтъ. Онъ прямо указываетъ на существенное препятствіе, преграждающее путь соціологу.

«Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ развитіе физики долго задерживалось медленнымъ ростомъ математическаго знанія, а младенчество физики выразилось господствомъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, смутныхъ алхимическихъ грёзъ, и подобно тому, какъ біологія, прежде чѣмъ научно обосноваться, должна была цѣлыя столѣтія терпѣливо ждать первыхъ крупныхъ успѣховъ химіи, такъ точно и соціологія, въ настоящее время, не можетъ сдвинуться съ мѣста раньше чѣмъ біологія не рѣшитъ нѣкоторыхъ капитальныхъ задачъ, преимущественно въ области точнаго изслѣдованія психо-физическихъ явленій. Во многихъ отношеніяхъ и по многимъ вопросамъ, слово въ соціологіи еще принадлежитъ біологамъ.

«Въ сообщеніи, которое я буду имѣть честь сдѣлать конгрессу, я не отвергаю ни одного положенія, выставленнаго

въ моей Соціологіи. Но я постараюсь одновременно расширить и углубить мои тезисы, извлечь всѣ скрытыя въ нихъ послѣдствія, подвести подъ нихъ болѣе прочное основаніе, защитить ихъ новыми аргументами.

«Мое ученіе—если мнѣ позволено будетъ употребить такое громкое слово для обозначенія совокупности моихъ взглядовъ по занимающему насъ вопросу — значительно расходится съ ученіями, ставшими популярными уже потому, что они кажутся и болѣе ясными, и болѣе простыми. Но такой видимой ясности и простоты соціологъ и долженъ всего болѣе остерегаться. Исторія наукъ, подобно исторіи политической, въ своихъ главныхъ линіяхъ и крупныхъ чертахъ, неизмѣнно повторяется. И примѣръ, заимствуемый мною изъ исторіи старшей сосѣдней науки, біологіи, укажетъ лучше длинныхъ рѣчей, гдѣ лежитъ, на мой взглядъ, слабое мѣсто, въ чемъ заключается уязвимая точка современной соціологіи.

«Я еще менѣе вѣрю въ создателей наукъ, чѣмъ въ основателей государствъ: наука не создается однимъ человѣкомъ и въ теченіе одной человѣческой жизни; она строится вѣками и перестраивается безпрестанно. Это именно и случилось съ біологіей Биша, которая вскорѣ превратилась въ біологію Вирхова, а впослѣдствіи сдѣлалась біологіей Клода Бернара, Пастера, микробіологовъ и біохимиковъ. И то же самое происходитъ въ настоящее время, на глазахъ у всѣхъ, съ соціологіей Огюста Конта и его учениковъ.

«Въ поступательномъ движеніи біологіи можно отмѣтить до сихъ поръ четыре крупныхъ этапа или перегона: біологію органовъ, реформированную Биша; біологію тканей, которую Контъ ошибочно привѣтствовалъ, какъ окончательное увѣнчаніе зданія; клѣточную біологію, которая не замедлила занять мѣсто біологіи тканей; и, наконецъ, біологію химическихъ элементовъ и микроорганизмовъ, господствующую въ настоящее время. И вотъ, я часто спрашиваю себя, не совершаетъ ли довольно сходную съ этимъ эволюцію и соціологія, когда отъ внѣшнихъ явленій, бросающихся въ глаза и, повидимому, объясняемыхъ прямо и просто, она все болѣе и болѣе направляется къ явленіямъ внутреннимъ, скрытымъ, невидимымъ, неосязаемымъ и кажущимся намъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, непонятными и нѣсколько таинственными? Допустимъ на минуту, что развитіе соціологіи про-

исходитъ именно такимъ образомъ. Біологіи органовъ соотвѣтствовала бы въ такомъ случаѣ описательная соціологія, извѣстная подъ именемъ исторіи; біологіи тканей соотвѣтствовали бы интеллектуалистическая соціологія Конта, органистическая соціологія Спенсера, экономическая соціологія Маркса и вообще всѣ системы, которыя, будучи основаны на осязаемыхъ реальностяхъ, изобилуютъ ясными, отчетливыми выводами и вполнѣ удовлетворяютъ умы, по природѣ своей мало способные увлекаться чистыми отвлеченіями. Клѣточной біологіи, наконецъ, соотвѣтствовали бы «психологія народовъ» («Völkerpsychologie» нѣмцевъ), интерпсихологія Тарда, стоящая на строго индивидуалистической почвѣ, и всѣ вообще школы, выводящія коллективное изъ индивидуальнаго, соціальное изъ психологическаго, всѣ системы, которыя, уподобляя личность (т.-е. уже подвергшуюся вліянію общественности біологическую особь) живой клѣткѣ, нимало не озабочены разложеніемъ ея на элементарныя составныя части.

«Теорія, которую я сейчасъ набросаю въ ея главныхъ чертахъ, держится совсѣмъ иной точки зрѣнія. Въ психологическихъ явленіяхъ она видитъ біо-соціальную «конкретизацію», если можно такъ выразиться; индивидуальное она выводитъ изъ коллективнаго и психологическое изъ соціальнаго. Такъ называемая коллективная психологія должна въ ея глазахъ предшествовать психологіи индивидуальной, которая и сама, впрочемъ, можетъ быть разсматриваема какъ коллективная психологія особаго рода, изучающая, подъ именемъ личности, наиболѣе совершенную общественную группу. Дѣйствительно, такъ называемая «личность» или общественная особь есть существо коллективное по преимуществу. Она, въ каждую эпоху, представляетъ собою равнодѣйствующую длиннаго ряда группировокъ, современныхъ и историческихъ.

«Конечно, на первый взглядъ должно казаться, что большая часть явленій, называемыхъ общественными, могутъ легко быть сведены къ психологическимъ фактамъ. Но наша теорія оспариваетъ правильность такого заключенія. Она противополагаетъ ему обратный выводъ, сведеніе психологическаго факта къ общественному явленію,—сведеніе, которое, впрочемъ, остается частичнымъ, такъ какъ психологическій фактъ всегда болѣе сложенъ, чѣмъ общественный (онъ имѣетъ еще и чисто-біологическіе корни). Аналогичная ошибка ознаме-

новала собою исторію біологіи. Здѣсь, какъ извѣстно, также старались свести отвлеченное жизненное явленіе къ ряду болѣе конкретныхъ біологическихъ фактовъ: къ органу, къ ткани и, наконецъ, къ клѣткѣ. Но это было возможно именно потому, что перечисленные сейчасъ конкретные факты сводились уже отчасти къ жизненному явленію (и отчасти—къ явленіямъ физико-химическимъ или механическимъ). Въ цѣломъ организмѣ, въ органѣ, въ ткани, въ клѣткѣ — замѣчается жизнь, т.-е. рядъ болѣе простыхъ или элементарныхъ явленій и процессовъ, пока несводимыхъ къ фактамъ и процессамъ химическимъ. Равнымъ образомъ, во всѣхъ сложныхъ и уже болѣе конкретныхъ соціальныхъ фактахъ, называемыхъ нами психологическими явленіями, замѣчается «общественность», т.-е. рядъ явленій и процессовъ болѣе простыхъ, элементарныхъ и пока несводимыхъ къ фактамъ и процессамъ біологическимъ.

«Что же такое то соціальное, которому наша теорія приписываетъ столь значительную роль въ генезисѣ психическаго? Но что такое, спросимъ мы, жизненное, химическое, физическое (напр., тяжесть или вѣсъ)? «Общественность» есть фактъ не менѣе достовѣрный, чѣмъ жизнь, или химическія и физическія свойства матеріи. Если онъ до сихъ поръ представляется намъ неяснымъ и туманнымъ, то это, конечно, происходитъ оттого, что здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, человѣческое знаніе далеко еще не сказало своего послѣдняго слова.

«На помощь знанію приходитъ гипотеза, позволяющая аналитической мысли проникать все глубже и глубже въ тайну вещей. Слѣдуя примѣру новѣйшихъ біологическихъ ученій (біохимическія гипотезы), наша соціологическая теорія, въ свою очередь, прибѣгаетъ къ тому же испытанному научному средству. Итакъ, мы «предположительно» видимъ сущность абстрактнаго соціальнаго явленія (или того, что мы называемъ «общественностью») въ особомъ процессѣ взаимодѣйствія, зарождающемся и развивающемся между нервномозговыми энергіями (ощущенія, представленія и т. д.), образующими общее достояніе человѣка и всѣхъ животныхъ. Согласно нашей гипотезѣ, во всякомъ конкретномъ соціальномъ фактѣ—а таковыми намъ представляются прежде всего факты психологическіе—проявляется интерпсихо-

физицизмъ, зачаточная «междудуховность». Но послѣдняя развивается и усложняется по мѣрѣ того, какъ развиваются и усложняются, подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ, тѣ многочисленныя и многообразныя психическія энергіи, которыя она собираетъ и объединяетъ. Отъ психофизическаго взаимодѣйствія мы, такимъ образомъ, переходимъ къ тому, что можно назвать (въ отличіе отъ его прототипа) взаимодѣйствіемъ психологическимъ. Но, на нашъ взглядъ, всегда будетъ ошибкою смѣшивать это взаимодѣйствіе съ психологическимъ фактомъ или, что еще хуже, производить его отъ этого факта».

(7) Одновременно и неразумная и безсознательная цѣль есть contradictio in adjecto; это — желѣзный кусокъ дерева Шопенгауэра. Крайняя подвижность и измѣнчивость соціальныхъ явленій справедливо приписываются Стюартомъ Миллемъ напряженію и многократности тѣхъ реакцій, которыя въ соціальномъ мірѣ вызываются психологическими фактами, характерами людей и т. д. И, быть-можетъ, обратный дедуктивный методъ, рекомендуемый намъ англійскимъ мыслителемъ для соціологическихъ изслѣдованій, совпадаетъ уже во многихъ своихъ точкахъ съ методомъ, которому мы даемъ названіе «цѣлеисходнаго» (финалистическаго).

(8) Соціологъ, желающій избѣгнуть крайней путаницы понятій, долженъ поставить и разрѣшить слѣдующій вопросъ: каковы основныя формы, главные, существенные виды психологическаго взаимодѣйствія?

Въ моихъ довольно многочисленныхъ уже работахъ, начиная съ «Философіи вѣка» (Philosophie du Siècle), въ которой я формулировалъ, въ главныхъ чертахъ, теорію четырехъ факторовъ соціальной эволюціи, и кончая «Обоснованіемъ этики» (Constitution de l'Ethique), я настойчиво боролся съ трудностями, сопряженными съ рѣшеніемъ подобной задачи.

Я не хотѣлъ бы утомлять читателя возвращеніемъ къ уже сказанному. Но занимающій насъ вопросъ настолько теменъ, почва, на которую онъ обычно ставится, такъ загромождена старыми предразсудками и такъ благопріятна для внезапнаго расцвѣта мнѣній, считавшихся давно похороненными, что становится почти невозможнымъ—не рискуя видѣть свою

мысль нелѣпо искаженною—избѣжать нѣкоторыхъ повтореній.

Прибавлю, что изложеніе моей теоріи соціальныхъ факторовъ въ Philosophie du Siècle (1890, гл. IX—XI, гл. XVI и особенно гл. XVII: L'hégémonie de la science и гл. XVIII: La série intellectuelle) было подготовлено критикою нѣкоторыхъ господствующихъ взглядовъ позитивизма въ L'Ancienne et la Nouvelle Philosophie (1887, II часть, гл. I—V; III часть, гл. III—IV). См. также La Recherche de l'Unité (1893, гл. XI и XII).

(8 bis) Constitution de l'Ethique, стр. 37.

(9) Можно упрекнуть «цѣлеисходный» методъ въ томъ, что онъ—методъ по преимуществу раціоналистическій. Но если экспериментація въ физическихъ наукахъ, по замѣчанію Штейнталя (Steinthal: Zeitschrift für Völkerpsychologie, 1887, стр. 224), можетъ быть сравниваема съ осязаемой абстракціей, то не менѣе правъ, конечно, и Бугле (Les sciences sociales en Allemagne, 1896, стр. 82), видящій въ абстракціи общественныхъ наукъ идеальную экспериментацію. Мы никогда, впрочемъ, не должны забывать того, что если міръ, въ конечномъ анализѣ, есть наше представленіе о мірѣ (до такой степени, что можно было сказать, что весь міръ содержится въ насъ, въ насъ однихъ, и что внѣ насъ существуетъ лишь хаотическое скопленіе вибрирующихъ молекулъ, изъ которыхъ ни одна не знаетъ своей сосѣдки), то это справедливо только потому, что все, что проникаетъ въ нашъ умъ, исходитъ, такъ или иначе, изъ міра. То, что называется «идеей», есть послѣднее и наиболѣе совершенное интегрированіе міра. Мы можемъ сказать, что міръ—въ насъ, въ насъ однихъ; но если мы не хотимъ быть глубоко нелогичными, намъ нужно тотчасъ же прибавить, что мы заключены въ немъ (въ мірѣ), какъ слѣдствіе заключено въ своей причинѣ, какъ выводъ содержится въ своихъ предпосылкахъ. И мы не только не создали цѣликомъ и изъ себя, какъ это часто утверждали, понятій времени и пространства, величины и движенія, а извлекли эти концепты изъ реальностей (если угодно, изъ несвязнаго скопленія вибрирующихъ молекулъ), которыя насъ окружаютъ и естественнымъ продуктомъ, сложнымъ выраженіемъ которыхъ мы сами являемся. Внѣ живого существа, каждая

молекула игнорируетъ остальныя. Пусть такъ; но въ живомъ существѣ, или скорѣе въ существѣ мыслящемъ—а рѣчь идетъ о немъ одномъ—онѣ кончаютъ тѣмъ, что познаютъ другъ друга, что сознаютъ себя частями одного великаго цѣлаго. Итальянскій соціологъ Джіованни Бовіо былъ тысячу разъ правъ, придавая огромную важность слѣдующей простой формулѣ, резюмирующей всѣ усилія философской мысли въ XIX вѣкѣ: «Мысль есть отраженная въ ней природа, исторія есть движущаяся въ ней мысль»; или утверждая, что мысль есть отношеніе, допустимое только между двумя фактами: между «естественнымъ фактомъ», изъ котораго она вытекаетъ какъ слѣдствіе, и «историческимъ фактомъ», для котораго она служитъ и является уже причиной. Германъ Постъ, основатель новой соціологической спеціальности (этнологической юриспруденціи), на котораго ссылается Дюркгеймъ въ Revue philosophique (1903, n⁰ 5), держится того же мнѣнія: «Это одинъ изъ основныхъ тезисовъ новѣйшей этнологіи,—говоритъ онъ,—что думаемъ не мы, а что черезъ насъ думаетъ міръ».

(10) A system of Logic ratiocinative and inductive, 1-е изд., американск., стр. 575.

(11) И еще недавно въ статьѣ, помѣщенной въ Revue philosophique, мартъ 1902 г. и озаглавленной: Qu'est ce que la philosophie? стр. 225—244.

(11 bis) Op. cit., passim.

(12) См., напр., по этому вопросу: Les Fondements de l'Ethique, стр. 107—108.

(13) Надѣюсь, что эти строки попадутъ на глаза нѣкоторымъ критикамъ, которые, заблуждаясь относительно сущности моей доктрины, зачислили меня въ адепты новой вѣры: религіи науки. Приписываемое мнѣ убѣжденіе кажется мнѣ просто-напросто нелѣпымъ. Я очень желалъ бы, чтобы оказывался всякій почетъ ученымъ, философамъ, поэтамъ и практическимъ дѣятелямъ, т.-е., на самомъ дѣлѣ, всему человѣчеству; но я еще требую, чтобы при равныхъ заслугахъ съ этими различными разрядами тружениковъ обращались совершенно одинаково. За всѣмъ тѣмъ, позитивистская религія человѣческаго рода кажется мнѣ самою милою и очаровательною наивностью нашего вѣка. Она ломится въ открытую дверь, она разоблачаетъ уже давно ставшую прозрачною

тайну: глубоко антропоморфный и агностическій смыслъ всѣхъ религіозныхъ поклоненій, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ.

(14) Даже прижатый къ стѣнѣ произвольными и противорѣчивыми положеніями эмпирической науки, умъ философа выходитъ изъ затрудненія логическимъ путемъ, провозглашая, напр., вмѣстѣ съ св. Августиномъ, что нелѣпость, безсмыслица является единственнымъ основаніемъ теологическаго вѣрованія (или что всякая религіозная вѣра покоится на постулатѣ, непріемлемомъ для разума: Credo quia absurdum).

(15) Въ этомъ спорѣ возможенъ еще другой выходъ. Можно расширить, распространить смыслъ понятія «познаніе», включивъ въ него, сверхъ обычно обозначаемыхъ имъ разрядовъ явленій (науки и философіи), и другіе близкіе къ нимъ разряды: искусство и человѣческое поведеніе. См. по этому поводу Constitution de l'Ethique, стр. 161.

(16) Это значитъ также, что историкъ философіи, усвоивъ себѣ точку зрѣнія историка науки, прійдетъ къ выводу, что философія была въ прошедшемъ тѣмъ же, чѣмъ были нѣкогда всѣ отрасли знанія: математика, физика, химія, біологія и т. д.,—«простою статочностью, возможностью, вещью, о которой нельзя утверждать, что она уже есть, но о которой можно сказать, не боясь ошибиться, что она когда-нибудь возникнетъ» (Constitution de l'Ethique, стр. 167—168).

(17) Этотъ взглядъ, само собою разумѣется, представляется мнѣ сплошь ошибочнымъ. См. по этому поводу мою статью, озаглавленную: Что такое философія? (Revue philosophique, мартъ 1902 г., стр. 236): «Синтезъ философа объединяетъ логическими узами какъ гипотетическія, такъ и достовѣрныя части наукъ; но даже въ томъ случаѣ, когда онъ можетъ связать между собою только простыя предположенія, онъ изъ-за этого еще не становится гипотезой. Онъ имѣетъ, быть-можетъ, внѣшній видъ и форму гипотезы, такъ что, въ случаѣ надобности, его можно характеризовать какъ предположительный синтезъ. Но въ немъ не обитаетъ живая душа гипотезы,—душа, состоящая всегда изъ наличной возможности провѣрить на опытѣ данное предположеніе».

(18) Наука, философія и искусство суть, безспорно, общественныя явленія. Съ извѣстной точки зрѣнія, эти различ-

ные виды психическаго взаимодѣйствія составляютъ даже главный предметъ соціологическихъ изслѣдованій. Древніе, съ Платономъ и Аристотелемъ во главѣ, правильно связывали эстетическую область съ нравственными ученіями, съ одной стороны, и съ метафизикою—съ другой. Въ настоящее время искусство, область эстетики, часто трактуется какъ простой придатокъ къ психологіи. И дѣйствительно, искусству (вмѣстѣ съ двумя великими источниками, изъ которыхъ оно черпаетъ свое содержаніе, точнымъ знаніемъ и мірообъемлющими синтезами) нельзя отказать въ яркомъ психологическомъ характерѣ, когда мы разсматриваемъ его не въ первой фазѣ развитія, какъ одну изъ разновидностей психологическаго взаимодѣйствія, а въ послѣдней эволютивной стадіи, т.-е. какъ соединенный или конкретный продуктъ общественной мысли, съ одной стороны, и физіологическихъ условій—съ другой.

(19) См. уже упомянутую статью въ Revue philosophique, мартъ, 1902 г., стр. 230—231: «Вдобавокъ элементы, образующіе эту радость дѣйствія, подвижны и мѣняются сообразно съ временемъ, мѣстомъ, средой. Это—эстетическая относительность, проистекающая изъ философской относительности (зависимость философіи отъ знанія) и изъ относительности научной (зависимость человѣческаго духа отъ природы)».

(20) Это пониманіе сущности прекраснаго не мирится съ логическими погрѣшностями и тягостными двусмысленностями, которыми пестрятъ банальныя разглагольствованія на эстетическія темы, сходящія иногда за глубокомысленныя научныя теоріи. Это пониманіе снимаетъ съ различныхъ реалистическихъ школъ взводимыя на нихъ нелѣпыя обвиненія, оно оправдываетъ безконечное разнообразіе эстетическихъ «жанровъ» и «манеръ», оно раскрываетъ причины постоянно подтверждаемаго опытомъ факта: что Богъ и Сатана, ослѣпительный свѣтъ дня и глубокая тьма ночи, добродѣтель и преступленіе, Христосъ и Іуда, Виргинія и Мессалина, симпатичный герой и отвратительное чудовище, жизнь и смерть, наслажденіе и страданіе, а также и посредствующія ступени между этими крайностями, всѣ безразлично существа, Санхо-Пансы, Фальстафы, Бувары и Пекюше и т. д., однимъ словомъ, природа въ ея мельчайшихъ проявленіяхъ до не-

одушевленныхъ предметовъ включительно, что все это, повторяю,—разъ оно стало объектомъ искусства, и разъ только послѣднему удалось открыть намъ родовую или типическую сущность такихъ явленій,—вызываетъ въ насъ тотъ же трепетъ восторга, одинаково трогаетъ насъ и возбуждаетъ нашу дѣятельность.

(21) Philosophie de l'art, 4-е изд., стр. 119.

(22) Мѣсто, отводимое нами эстетическимъ понятіямъ въ ряду факторовъ общественной жизни, освѣщаетъ многія явленія въ исторіи. Искусство всегда давало обильные плоды у расъ и народовъ, обладавшихъ обширными или глубокими религіозными и философскими идеями и вѣрованіями. Оно укоренялось, оно пышно расцвѣтало въ тѣхъ странахъ, гдѣ щедрая природа искушала естественную лѣнь человѣка, толкала его къ созерцательной жизни, отвращая отъ прямого дѣйствія, т.-е., въ сущности, тамъ, гдѣ всего болѣе и острѣе ощущалась нужда въ эстетическомъ возбужденіи. Такимъ образомъ подтверждалась, съ одной стороны, зависимость искусства отъ философіи, а съ другой—зависимость практической дѣятельности отъ искусства. Классическій примѣръ Нидерландовъ нисколько не противорѣчитъ нашему тезису, ибо и въ этой странѣ съ бѣдной и скупой почвой никто не думалъ объ искусствѣ ранѣе завоеванія богатства; а послѣднее для общественныхъ классовъ, которые имъ пользуются, съ избыткомъ замѣняетъ безвозмездные дары природы.

Тѣсная солидарность, соединяющая эстетическія проявленія какъ съ трудами ученаго и философа, которыми они вдохновляются, такъ и съ практической дѣятельностью, которую они возбуждаютъ и которой придаютъ общую окраску,—солидарность эта находитъ себѣ еще новое выраженіе въ постоянно возрастающихъ трудностяхъ, встрѣчаемыхъ въ наше время на своемъ пути техническимъ выполненіемъ малѣйшаго произведенія искусства. Какъ справедливо замѣчаетъ Фаусто Сквилаче въ своей книгѣ Sociologia artistica, современное искусство стремится превратиться въ такое же не легко дающееся и требующее продолжительной подготовки занятіе, какъ и научныя изслѣдованія и всѣ другія наши работы. Творчество художника уже перестало быть той забавой и непринужденной игрой, тѣмъ доступнымъ почти каждому развлеченіемъ, о которыхъ намъ прожуж-

жали уши старыя эстетическія теоріи (стр. 189). Уже на ряду съ народнымъ искусствомъ возникаетъ искусство эзотерическое, ищущее вдохновенія въ утонченныхъ философіяхъ избраннаго и просвѣщеннаго меньшинства. Говорятъ даже о необходимости противодѣйствовать этому стремленію, которое, будто бы, одинаково вредитъ интересамъ и художниковъ и народныхъ массъ. Но было бы въ тысячу разъ лучше, при большей увѣренности въ конечномъ успѣхѣ, если бъ люди дали себѣ трудъ, который для всѣхъ «интеллигентовъ» долженъ былъ бы служить высокою радостью, великою прелестью жизни,—трудъ раскрыть глаза массамъ, поднять ихъ духовный уровень, укрѣпить ихъ двойственную и шаткую нравственность, подведя подъ нее прочный фундаментъ новой, вызванной быстрыми успѣхами знанія, философіи. Значительный шагъ на этомъ пути будетъ сдѣланъ въ тотъ день, когда люди откажутся содержать, на средства государства и спеціально ad usum невѣжественной массы, огромную толпу той черной и бѣлой братіи, которую недавнія пренія во французскомъ парламентѣ публично заклеймили названіемъ «профессоровъ и учителей лжи».

Въ своемъ новомъ трудѣ, остроумно трактующемъ о нѣкоторыхъ вопросахъ эстетики, г. Реми де-Гурмонъ опредѣляетъ искусство, какъ вѣчное исключеніе. Читатель уже знаетъ, какой смыслъ мы придаемъ этому термину, который мы переводимъ словомъ: выборъ. Но когда г. де-Гурмонъ, сверхъ того, говоритъ намъ, что «ни народъ не созданъ для искусства, ни искусство не создано для народа», потому что «народъ не цѣнитъ исключеній» (Le problème du style, 1902, стр. 195), то на такой остракизмъ мы отвѣчаемъ: народъ, какъ и любое избранное меньшинство, имѣетъ искусство своей философіи, подобно тому, какъ онъ имѣетъ философію своей науки. Огромное превосходство всѣхъ этихъ факторовъ въ одномъ случаѣ и очевидная несостоятельность ихъ въ другомъ порождаютъ иллюзію, что у народа нѣтъ ни искусства, ни философіи, ни науки.

Укажемъ еще, мимоходомъ, на одинъ взглядъ г. де-Гурмона, заслуживающій быть отмѣченнымъ. «Искусство,—говоритъ онъ,—есть то, что даетъ ощущеніе прекраснаго и въ то же время новаго, ощущеніе невѣдомой еще красоты... Копія съ прекраснаго произведенія есть всегда вещь

безобразная. Это актъ трусости, вызываемый восхищеніемъ передъ актомъ энергіи». Далѣе, напоминая слова Ренана: «Умъ человѣка никогда не бываетъ нелѣпъ безъ причины, и всякій разъ, когда творчество нашего сознанія кажется лишеннымъ смысла, это значитъ, что его не сумѣли оцѣнить и понять», г. Реми де-Гурмонъ поясняетъ ихъ слѣдующимъ комментаріемъ: «Нелѣпъ безъ причины,—вотъ главное въ этой фразѣ: едва ли найдется хоть одинъ современный художникъ или писатель, который, если онъ только обладаетъ оригинальностью, не подвергался бы двадцать разъ великому оскорбленію глупцовъ и людей черствaго сердца:—шарлатанъ, говорятъ они на своемъ языкѣ, какъ Ренанъ говорилъ на своемъ: безпричинно нелѣпъ». Op. cit. стр. 205—207.

(23) См. уже цитированную статью въ Revue philosophique, мартъ 1902 г., стр. 238.

(24) П. Милюковъ, Изъ исторіи русской интеллигенціи, Спб., 1902, стр. 77.—Знаменитая теорія Платона, согласно которой любовь возникаетъ вслѣдствіе внезапной встрѣчи двухъ страстно ищущихъ другъ друга половинъ одной и той же души, даетъ скорѣе дѣтское толкованіе великой тайнѣ (синкретической и символической) любовнаго союза.

(25) «Нѣжно любимая дочь,—говоритъ въ Ренановомъ «Prêtre de Némi» Антистій Карментѣ,—любовь—богиня тысячеликая; ей поклоняются подъ огромнымъ множествомъ названій. И да стыдно будетъ тому, кто считаетъ нечистымъ высокое «дѣйствіе», чрезъ которое самый обыкновенный и самый виновный человѣкъ удостоиваются быть продолжателями духа человѣчества. На каждой ступени безконечной лѣстницы любовь преображается и живительнымъ елеемъ смазываетъ суставы вселенной. Все, что въ этомъ мірѣ совершается прекраснаго и добраго, творится силою того принципа, который влечетъ и притягиваетъ одного къ другому двухъ дѣтей».

Я написалъ гдѣ-то, что эстетика Льва Толстого, отрицая красоту, обезглавливаетъ искусство. А теперь я долженъ прибавить, что знаменитый авторъ «Крейцеровой сонаты», объявляя войну единственному здоровому виду любви, которая должна быть одновременно физической и психо-соціальной (любовный платонизмъ является аномаліей, явленіемъ

уродливымъ),—лишаетъ искусство одного изъ его основныхъ и наиболѣе популярныхъ проявленій. Толстовская теорія искусства, ссылающаяся на Христа и Евангеліе, обрушивается такимъ образомъ на все зданіе эстетики, стараясь развалить его съ обсихъ концовъ, и сверху, и снизу.

Про любовь говорили, что она слѣпа по самой природѣ своей, между тѣмъ какъ искусство часто носитъ характеръ прорицанія, пророчества, интуитивнаго пониманія вещей (ссылаются по этому поводу на Гомера, Эсхила, Софокла, Данте, Шекспира, а изъ современниковъ на Бальзака, Золя, и т. д.; см. напр., Fausto Squillace, Sociologia artistica стр. 232). Но слѣпота, поражающая любовника, касается лишь одного опредѣленнаго предмета, и она соотвѣтствуетъ неотвязчивой идеѣ, преслѣдующей художника, и его эклектическому воображенію, которое, не копируя рабски дѣйствительность, всегда усиливаетъ ея основныя черты. Художникъ также закрываетъ глаза на нѣкоторые реальные признаки и качества явленій, но дѣлаетъ онъ это только для того, чтобы широко раскрыть ихъ на другіе. Такимъ же образомъ поступаетъ и любовникъ, проницательность котораго во всѣхъ вопросахъ, не стѣсняющихъ его спеціальнаго эстетическаго порыва, поистинѣ изумительна и равняется ясновидѣнію величайшихъ поэтовъ. Это свойство искусства объясняется отчасти уже тѣмъ среднимъ, нейтральнымъ положеніемъ зрителя и третейскаго судьи, которое художникъ занимаетъ между практическою дѣятельностью, съ одной стороны, и созерцательною жизнью мыслителя и ученаго—съ другой, и которое мало-по-малу пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ всѣ отличительныя черты высшей мудрости!

Скажемъ нѣсколько словъ по поводу особаго разряда душевныхъ состояній или аффектовъ, какъ-то, любви къ ближнему, милосердія, благожелательности и т. д. Эти явленія не находятъ себѣ мѣста среди эстетическихъ фактовъ; они относятся къ другому порядку вещей, къ поведенію, къ технической дѣятельности; это—проявленія послѣдней, заключительной фазы общественной мысли. Различныя отрасли или формы искусства, въ томъ числѣ любовь и дружба, возбуждаютъ и усиливаютъ эти виды дѣятельности и сопровождающія ихъ чувства; они могутъ даже явиться

ихъ источникомъ (въ сотрудничествѣ, однако, съ общими вѣрованіями и съ пріобрѣтенными знаніями).

Разсматривая «ревность», какъ пережитокъ варварскаго способа защиты исключительнаго права на «любовную» форму художественной собственности, мы признали, что древнее чувство это заслуживаетъ порою такъ называемыхъ «смягчающихъ обстоятельствъ». Но это не мѣшаетъ намъ рѣшительно осуждать его въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и мы съ большою радостью отмѣчаемъ совершающуюся въ этомъ направленіи въ умахъ современнаго человѣчества глубокую перемѣну, стремящуюся лишить и «любовную» форму собственности, подобно всѣмъ остальнымъ, ея исключительнаго и крайняго характера. Мы привѣтствуемъ усилія, имѣющія завѣдомою цѣлью вернуть любви высокую привилегію всѣхъ прочихъ эстетическихъ богатствъ, а именно: свойство ихъ, въ отличіе отъ матеріальныхъ благъ, не истощаться и не исчезать вслѣдствіе болѣе широкаго, *или даже всеобщаго* пользованія ими.

(26) См. Constitution de l'Ethique, стр. 5 и 44, и Revue philosophique, мартъ 1902 г., стр. 232.

(27) См. по этому вопросу интересныя замѣчанія проф. Бюхера, въ его книгѣ: Arbeit und Rhytmus, Leipzig, 3-е изд. 1902. См. также капитальный трудъ А. Эспинаса: Les origines de la technologie, Paris, Alcan, 1897.

(28) Constitution de l'Ethique, стр. 45; а также стр. 48—50 и 65—68.

(29) Здѣсь рѣчь идетъ, разумѣется, не о томъ, что̀ иногда неточно называется «свободою мысли» (безграничною по самой природѣ своей), но именно и только о «свободѣ дѣйствія», о свободѣ осуществлять нашу мысль во всѣхъ областяхъ общественной дѣятельности: экономической, юридической, политической, технической и т. д.

(30) См. въ особенности Fondements de l'Ethique, стр. 166; Constitution de l'Ethique, стр. 95—98 и 100; и Frédéric Nietzsche, стр. 29—33.

(31) Илья Мечниковъ, знаменитый біологъ, теоріи и открытія котораго, принося людямъ огромную пользу, возбуждаютъ всегда живѣйшій интересъ,—Мечниковъ раздѣляетъ, повидимому, наше мнѣніе. «Подвигаясь къ истинной цѣли своего существованія,—говоритъ онъ въ концѣ своей новой

книги (Etudes sur la nature humaine, Paris, Masson, 1903, стр. 390—91),—люди утратятъ значительную долю того, что они считаютъ своей свободой... Чѣмъ точнѣе и опредѣленнѣе дѣлается знаніе, тѣмъ труднѣе становится съ нимъ не считаться. Было время, когда всякій могъ свободно учить тому, что китъ—рыба; но съ тѣхъ поръ, какъ доказательно установлено, что китъ—млекопитающееся, такая ошибка уже недопустима. Съ того времени, какъ медицина сдѣлалась наукой точной, свобода врачей гораздо болѣе ограничена. Мы уже видѣли врачей, осужденныхъ за то, что они не слѣдовали правиламъ асептики и антисептики. Нѣкоторыя свободы, какъ свобода не прививать оспу, плевать на полъ, пускать собакъ безъ намордниковъ и многія другія, достойны временъ некультурныхъ и должны будутъ исчезнуть вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи».

Едва ли нужно говорить, что въ цитированномъ отрывкѣ слово свобода сохраняетъ свое ходячее, двусмысленное и неточное значеніе. Имѣется, слѣдовательно, полное основаніе для замѣны его либо терминомъ «безразличная» или «выжидательная терпимость» (соблюденіе нейтралитета до выясненія будущихъ результатовъ научнаго изслѣдованія), либо (что, повидимому, болѣе отвѣчаетъ истинной мысли автора)—терминами «произволъ» и «деспотизмъ».

Терпимость есть невѣдѣніе, т.-е. слабость, уже сознающая себя таковою; а произволъ есть невѣдѣніе, т.-е. слабость, которая ложно считаетъ себя знаніемъ и силой. Поэтому-то терпимость и произволъ, въ концѣ-концовъ, должны одинаково и во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ уступить мѣсто силѣ знанія и той свободѣ дѣйствія, въ которую воплощается эта сила.

(32) Цитировано де-Греефомъ въ его „Problèmes de philosophie positive, Paris, Schleicher, 1900, стр. 12. Напомнимъ, что нѣкоторые взгляды Спинозы, не говоря уже о позднѣйшихъ мнѣніяхъ Огюста Конта, допускаютъ подобное же толкованіе.

(33) Цѣпь причинъ и слѣдствій можетъ быть короткой, длинной, неопредѣленной, безконечной,—разъ она существуетъ, она вполнѣ заслуживаетъ названіе эволюціи.

(34) Старый методъ Платона долго оставался классическимъ. Кантъ, въ свою очередь, пользовался имъ. Сверхчув-

ственныя реальности греческаго мыслителя, вѣчные типы вещей превратились у него въ ф о р м ы (терминъ, специфически художественный) нашего познанія. Кромѣ того, онъ, какъ извѣстно, вдосталь возился съ блѣдными тѣнями недоступныхъ нуменовъ и своими учеными заклинаніями вызвалъ къ новой жизни безкровные призраки Бога, души, свободной воли. Всего этого должно было съ избыткомъ хватить для славы (и популярности) одного мыслителя.

(35) И. Мечниковъ въ цитированной выше книгѣ (E t u d e s s u r l a n a t u r e h u m a i n e, e s s a i d'u n e p h i l o s o p h i e o p t i m i s t e, Paris, Masson, 1903) подвергаетъ тщательному біологическому и философскому изслѣдованію три разряда вопросовъ: 1) дисгармоніи въ устройствѣ и въ функціяхъ различныхъ органовъ человѣческаго тѣла, а также въ проявленіяхъ нѣкоторыхъ инстинктовъ, каковы: семейный, соціальный и особенно инстинктъ самосохраненія; 2) крушеніе попытокъ, дѣлавшихся религіями и философскими системами съ цѣлью уменьшенія зла, причиняемаго дисгармоніями органическаго порядка; 3) роль біологіи въ томъ же предпріятіи.

(36) Меня уже не разъ упрекали за то, что я пишу книги, въ которыхъ читателю такъ же трудно разобраться, какъ путешественнику пройти чрезъ густую лѣсную чащу. Я охотно преклоняюсь передъ приговоромъ такой критики, считая его вполнѣ заслуженнымъ. Но такъ ли уже велика моя вина? И прибѣгая къ тому же сравненію, развѣ непремѣнно нужно, чтобы всякій «лѣсъ» превращался въ мѣсто прогулки для толпы, въ садъ съ симметрическими линіями, вытянутыми по шаблону? Еслибъ мнѣ когда-нибудь вздумалось составить учебникъ или научно-популярную книгу, я, конечно, постарался бы, слѣдуя общему примѣру, придать ей «прямолинейность», «общепонятность» («утоптанность») и другія потребныя качества.

(37) O p u s c i t, стр. 191.

(38) Нуменъ, мыслимый какъ реальность, изъятая изъ-подъ всякаго, даже косвеннаго вліянія чувствъ, уподобляется нулю полученному путемъ послѣдовательнаго удаленія изъ даннаго конкретнаго аггрегата всѣхъ свойственныхъ ему аттрибутовъ Но этотъ нуль самъ является, въ свою очередь, аггрегатомъ значительно «сокращеннымъ» и иного рода чѣмъ первый, а именно—словомъ, н а з в а н і е м ъ вещи.

(39) Къ положеніямъ, еще выдерживающимъ это предварительное испытаніе (характеризуемое, къ несчастію, гораздо болѣе замалчиваніемъ, нежели дѣйствительно живою и плодотворною критикою), я долженъ сопричислить и мою теорію четырехъ основныхъ формъ общественной мысли, разсматриваемыхъ не только какъ извѣстныя сочетанія органическихъ и надорганическихъ явленій, но и какъ факторы всякаго прогресса, всякой цивилизаціи.

(40) Синтетическая и аподиктическая мысль можетъ оказывать вліяніе (даже въ своей теологической или метафизической формѣ) только на результаты, добытые аналитическою и гипотетическою мыслью. Результаты эти философская мысль стремится свести къ одному знаменателю, согласовать между собой: такимъ образомъ, творчество философа связано съ творчествомъ ученаго законом строгаго соотношенія. Но этотъ законъ, дѣйствіе котораго я ближе изслѣдовалъ въ сочиненіи: L'Ancienne et la Nouvelle Philosophie, производитъ на насъ впечатлѣніе и обращаетъ на себя наше вниманіе лишь тогда, когда первоначальное смѣшеніе двухъ соединяемыхъ имъ разрядовъ понятій уступаетъ, наконецъ, мѣсто ихъ строгому различенію.

Анализъ составляетъ душу спеціальной науки. Онъ останавливается лишь предъ послѣдними дѣленіями вещей, передъ ихъ неразложимыми элементами, найти и опредѣлить которые и является его цѣлью. Но онъ достигаетъ этихъ элементовъ не легко и не сразу.

Онъ часто дѣйствуетъ ощупью, прибѣгая къ помощи безчисленныхъ гадательныхъ опытовъ, онъ подвергается множеству испытаній, дѣлающихъ его все болѣе и болѣе глубокимъ и проницательнымъ.

Въ своемъ начальномъ фазисѣ аналитическая мысль смѣшана съ зачаточнымъ опытомъ. Она разлагаетъ конкретныя реальности на длинный рядъ поверхностныхъ свойствъ или признаковъ, грубо дѣйствующихъ на наши чувства. И она ни мало не сомнѣвается въ томъ, что мозгъ человѣка вѣрно и точно отражаетъ въ себѣ внѣшній міръ.

Въ другомъ, болѣе позднемъ фазисѣ развитія, когда опытъ уже безсознательно опирается на коллективный разумъ и коллективную логику (сравненіе между собою многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ, употребленіе дифферен-

ціальныхъ методовъ и т. д.), аналитическая мысль разлагаетъ міръ на рядъ элементарныхъ ощущеній, въ которыхъ она видитъ столько же «отвѣтныхъ реакцій» живого организма на внѣшнія раздраженія. Она сводитъ, такимъ образомъ, явленія къ одному изъ «производителей» всякаго знанія, къ элементу органическому или жизненному. Разумъ признаетъ міръ с в о и м ъ представленіемъ о мірѣ. Но дальше этого онъ не идетъ. Превзойдя безсознательно-монистическій нуменизмъ перваго фазиса, онъ противополагаетъ ему дуалистическій (въ самомъ корнѣ своемъ) феноменизмъ.

Вселенная становится для него загадкою, непроницаемой въ своей сущности и познаваемою только въ своемъ органическомъ результатѣ или проявленіи. Формула: «міръ есть мое представленіе о мірѣ» означаетъ въ дѣйствительности: «міръ не есть или легко могъ бы не быть моимъ представленіемъ о мірѣ».

Но наступаетъ въ исторіи аналитической мысли и третій періодъ, обязанный своимъ возникновеніемъ прогрессу спеціальныхъ отраслей знанія. Вселенная представляется намъ тогда общимъ или сложнымъ продуктомъ нашихъ ощущеній съ одной стороны, и нѣкоторыхъ постоянныхъ отношеній между ними и ощущеніями другихъ мыслящихъ существъ, насъ окружающихъ, съ другой. И всѣ наши знанія поэтому уже могутъ быть аналитически и окончательно сведены къ двумъ производителямъ: къ элементу органическому—ощущенію, и къ элементу надорганическому—«общественности». Въ частности, ощущеніе можетъ разсматриваться какъ стенограмма, такъ сказать, той вселенной, значительную или ничтожную (это зависитъ отъ качественной или количественной точки зрѣнія) долю которой мы сами составляемъ.

Предположеніе, что эта стенограмма извращаетъ записанную ею дѣйствительность, является во всѣхъ отношеніяхъ гипотезою праздною и столь же мало основательною, какъ и допущеніе, напримѣръ, что устная рѣчь и письмо имѣютъ главною задачей или функціей—искажать выражаемыя ими идеи. Это можетъ быть и это бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, квалифицируемыхъ какъ анормальные, но это не общее правило... Послѣднее же содержится въ уравненіи: міръ есть н а ш е представленіе о мірѣ,—уравненіи, цѣнность котораго всецѣло основана на постоянной возможности рас-

положить его члены въ обратномъ порядкѣ и сдѣлать выводъ, что наше представленіе о мірѣ *есть* міръ.

Въ цѣломъ рядѣ интересныхъ статей (какъ большая часть того, что пишетъ этотъ глава умственнаго «торизма» во Франціи), Фердинандъ Брюнетьеръ ставитъ свои извѣстные соціальные и религіозные идеалы подъ покровительство мысли Огюста Конта. И онъ кончаетъ утвержденіемъ, что «*использованіе позитивизма*, этой метафизики,— говоритъ онъ, — которая доводитъ насъ до самаго порога Храма, будетъ первымъ шагомъ двадцатаго вѣка на пути къ возстановленію и укрѣпленію вѣры". (L'*Equation fondamentale* въ *Revue des Deux Mondes*, 15 сент. 1903 г.).

Слѣдуетъ быть благодарнымъ писателю, обращеніе котораго въ позитивисты—болѣе знаменательное, чѣмъ обращеніе весьма многихъ другихъ—подтверждаетъ еще разъ суровую справедливость нашей критики контовскаго позитивизма. Брюнетьеръ ссылается и опирается теперь на Конта, какъ онъ ссылался и опирался недавно на Боссюэ. Является ли это у него осторожною предзвятостью мнѣнія, искусною тактикою или полнѣйшей и жестокой неосвѣдомленностью? Какъ бы то ни было, но онъ ни словомъ не обмолвливается о широкой и плодотворной эволюціи философскихъ догмъ послѣ смерти Конта. Въ частности, движеніе, которое получило названіе неопозитивизма (или еще гиперпозитивизма) для него, повидимому, не существуетъ вовсе.

(41) Это доказательство, — позволяю себѣ прійти въ этомъ отношеніи на помощь не всегда твердой памяти нѣкоторыхъ современныхъ писателей—было дано мною въ книгѣ о «Непознаваемомъ» (L'*Inconnaissable*, 1889 г.).

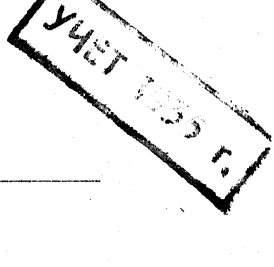
(42) Эти самые умы, однако, исповѣдуютъ уже невольно часть истины. Хотя и не уравнивая полной цѣпи положительныхъ понятій со всей цѣпью понятій отрицательныхъ, многіе философы устраняютъ уже, считая ихъ обманчивыми, нѣкоторые члены въ томъ или другомъ рядѣ. Но попытки эти, еще проникнутыя старымъ пессимистическимъ и агностическимъ духомъ, всегда отличались нѣкоторой безпомощностью и несогласованностью между собою. Одни (такъ было съ позитивизмомъ) отрицали единство и свободу. Но они не отважились выбросить за бортъ многія аналогичныя понятія

(Богъ, нуменъ, первоначальная причина, конечная цѣль); они предпочли объявить ихъ непознаваемыми, что въ глазахъ снисходительныхъ судей могло сойти за смягченный или искусный способъ ихъ отрицанія. Другіе (такъ было съ кантовскимъ агностицизмомъ) отвергли, по отношенію къ значительной части міра явленій, всякую имманентную необходимость, замѣнивъ ее трансцендентальнымъ двойникомъ ея, категорическимъ императивомъ. Въ общемъ результатѣ получилось разнообразіе сочетаній, довольно сходное съ тѣмъ, которое достигается группировкою на разные лады ограниченнаго ряда чиселъ.

Погруженныя въ полусвѣтъ или полумракъ такихъ компромиссовъ, самыя обыкновенныя проблемы принимали грозный видъ, пріобрѣтали чрезвычайные или колоссальные размѣры. Такой фантасмагорическій характеръ часто приписывается имъ еще и теперь. Не приходится ли слышать, напр. что работа знанія по преимуществу отрицательная, что «знаніе не можетъ появиться, не разрушивъ чего-либо»? И не выводится ли отсюда заключеніе, что между жизнью и знаніемъ существуетъ рѣзкій конфликтъ, что они постоянно борются другъ съ другомъ? Но если наука порою и революціонируетъ міръ, внося въ него то или другое замѣшательство, то вѣдь и органическія силы природы производятъ въ ней изо дня въ день не менѣе значительные перевороты; и если жизнь всюду яростно борется со смертью, то вѣдь и надорганическія силы, представленныя знаніемъ, не менѣе энергично защищаются противъ того, что можно назвать надорганической смертью, противъ грубаго произвола или невѣжества. Жизнь и познаніе истребляютъ и разрушаютъ безпрестанно только для того, чтобы безпрерывно производить и строить. Ихъ антагонизмъ (если можно говорить по этому поводу объ антагонизмѣ) начинается тамъ, гдѣ одно изъ этихъ началъ вторгается въ область другого. Но подобный захватъ—если не хотятъ порвать съ самой элементарной логикой—мыслимъ единственно лишь въ предѣлахъ знанія, Рѣчь можетъ итти, на самомъ дѣлѣ, только о конфликтѣ и поверстаніи компетенцій между біологическимъ знаніемъ и его методами, съ одной стороны, и соціологическимъ знаніемъ и его методами—съ другой.

Мы часто слышимъ еще, что «философская проблема» распадается на два большихъ поиска. Первый состоитъ изъ вопроса: въ чемъ смыслъ жизни? равносильнаго вопросу: возможно ли объясненіе вселенной? Второй же состоитъ изъ вопроса: какъ жить? т.-е., другими словами, можетъ ли быть прочно установлено какое-либо нравственное ученіе и на какихъ началахъ?

Но такъ какъ трудно представить себѣ человѣческій умъ безъ чего-либо — неяснаго зародыша или безформеннаго эмбріона,—что отвѣчало бы понятію о философіи и о нравственности, то эта двойная и грозная проблема оказывается на практикѣ уже разрѣшенною въ тотъ самый моментъ, когда она ставится. Повѣримъ, однако, нашему искателю и допустимъ въ видѣ гипотезы, что его томленіе вызвано желаніемъ—въ концѣ-концовъ, довольно естественнымъ—разсѣять туманъ, скрывающій отъ насъ будущее, и что его вопросъ долженъ быть формулированъ такъ: возможны ли о к о н ч а т е л ь н о е объясненіе вселенной и навсегда н е п р е л о ж н а я нравственность? Читателю, который заинтересовался бы этой проблемой, весьма отличной отъ первой, но весьма не новой и поднимавшейся уже тысячу разъ, мы позволимъ себѣ дать слѣдующій совѣтъ: пусть онъ обратится съ тѣмъ же вопросомъ къ естествоиспытателямъ: могутъ ли они себѣ представить окончательную и не идущую впередъ, переставшую прогрессировать физику, химію или біологію



СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Отъ издателя 3
Произведенія Е. де-Роберти (статья ректора Новаго Брюссельскаго университета Де-Греефа) 6
Соціологія Е. де-Роберти (статья проф. Блонделя) . . . 18
Задачи соціологіи (рѣчь Е. В. де-Роберти на торжествѣ открытія Психо-Неврологическаго института) . . . 32

Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Надорганическое въ природѣ.

Глава I.—**Введеніе.**

Общественный эмпиризмъ.—Его относительная безплодность.—Неудача, постигшая позитивную школу и аналогичныя попытки.— Основные тезисы моей соціологической теоріи 63

Глава II.—**Гипотеза о природѣ надорганическаго явленія.**

Дифференціація сознанія и ея послѣдствія у живыхъ существъ, одаренныхъ высшей нервной организаціей.—Надорганическое явленіе.—Психофизическое взаимодѣйствіе и взаимодѣйствіе психо-

Стр.

логическое.— Психоцеребральный фактъ и фактъ разумный.— Взгляды позитивной, органической и психологической школъ. — Біо-соціальная гипотеза.— Динамизмъ и телеологія. — Первоначальные выводы.— Различные способы пониманія надорганическаго явленія.— Фактъ отвлеченный и фактъ конкретный.— Психологія и естественная исторія обществъ. — Другая сторона вопроса. — Специфическая природа «общественности». — Автогенезисъ духа. — Организація и соціализація. — Психологія коллективная и психологія индивидуальная. — Человѣческое поведеніе 68

Глава III.— **Свойственный соціологическому изслѣдованію спеціальный повѣрочный методъ.**

Индуктивный (или историческій) методъ въ соціологіи. — Дедуктивный методъ. — Потребность въ раціональномъ объясненіи. — Обратная индукція или телеологическій методъ.— Логическая категорія конечныхъ причинъ.— Возвратъ къ причинной точкѣ зрѣнія.— Монизмъ и телеологія 98

Глава IV.— **Общій законъ эволюціи.**

Одинъ изъ законовъ познанія.—Причинная и цѣлеисходная связь между явленіями. — Историческое первенство цѣлеисходнаго ряда.— Смѣшеніе цѣлеисходнаго познанія съ дѣятельностью, имъ обусловливаемою.— Роль цѣлеисходнаго мышленія въ раскрытіи причинныхъ отношеній.— Выводъ перваго общаго соціологическаго закона.— Дополнительная теорія факторовъ цивилизаціи. — Провѣрка этой теоріи съ помощью цѣлеисходнаго метода.— Заключеніе 111

КНИГА ВТОРАЯ.

Главные виды общественной мысли.

Глава I.— **Мысль аналитическая и гипотетическая.**

Стр.

Спеціализація мысли.— Субъективное и объективное знаніе.— Эмпиризмъ и апріоризмъ.— Альтруистическая природа знанія.— Его первоисточникъ: о п ы т ъ.— Двусмысленность этого термина. – Опытное изслѣдованіе и прикладное знаніе.— Относительность знанія и ея послѣдствія. — Религія науки 129

Глава II.— **Мысль синтетическая и аподиктическая.**

Философскій синтезъ. — Его аподиктическій характеръ (утвердительный или отрицательный).— «Метанаучное» значеніе всякой философіи.—Религіи и метафизическія системы. — Общественная палеонтологія.— Всеобщія идеи.— Ихъ логическая роль.— Истинный смыслъ слова: п о з н а в а т ь.— Синтезъ в н у т р и - н а у ч н ы й и синтезъ м е ж д у н а у ч н ы й.— Философское умозрѣніе какъ «функція» познанія.— Достовѣрность и ея эволюція.— Сомнѣніе.—Его роль въ наукѣ.—Возможно ли философское сомнѣніе? — Эмпирическая увѣренность и ея превращеніе въ вѣру.—Скептицизмъ.—Борьба за р а ц і о н а л ь н у ю д о с т о в ѣ р н о с т ь.— Будущая философія.—Одна основная ошибка Огюста Конта 137

Глава III.— **Мысль синкретическая и символическая.**

Искусство и два его источника: философія и наука.— Понятія красоты и безобразія и ихъ конкретное осуществленіе.— Искусство, какъ соединительное звено между всѣми видами «аподиктическаго синтетизма» и всѣми формами «цѣленсходнаго прагматизма». — Зачаточное искусство, соот-

Стр.

вѣтствующее эмпирическому знанію (эпоха слѣпой вѣры).— Болѣе развитое искусство, соотвѣтствующее болѣе раціональному знанію (эпоха философіи, слывущая нынѣ подъ названіемъ эпохи точныхъ наукъ).— Соціологическое явленіе задержаннаго или «возвратнаго» умственнаго движенія и законъ, имъ управляющій.— Возрастающее значеніе эстетическаго фактора 153

Глава IV. — **Пробѣлъ въ номенклатурѣ искусствъ. Любовь и дружба какъ эстетическія явленія.**

Произвольный характеръ эстетическихъ классификацій.— Дуалистическая и эмпирическая психологія.— Страсти и чувства.— Народный прототипъ изящныхъ искусствъ. — Синкретизмъ любви. — Альтруизмъ и двулицый эгоизмъ. — Любовь какъ стимулъ къ дѣйствію. — Поэзія народа. — Выборъ, очищающій половой инстинктъ. — Ревность. — Аморализмъ, одинаково свойственный любви и другимъ формамъ искусства. — Вліяніе философіи. — Ходячіе афоризмы 161

Глава V. — **Практическая и телеологическая мысль.**

Три корня дѣйствія: искусство, философія и знаніе.— Эстетика и техника.—Искусство въ тѣсномъ и въ широкомъ или производномъ смыслѣ слова.— Первое, будучи прототипомъ второго, сливается съ нимъ въ начальномъ фазисѣ практической и телеологической эволюціи. — Основное различіе между д ѣ й с т в і е м ъ, какъ примѣненіемъ знанія (или философскихъ взглядовъ и эстетическихъ вкусовъ), и о п ы т о м ъ, какъ предварительнымъ п о и с к о м ъ за истиной. — Эти двѣ области соприкасаются какъ крайнія точки круга.— Научная необходимость выпрямить кругъ и изучать его какъ прямую линію.— Дѣйствіе, «синтетизированное» философіей и «синкретизированное» искусствомъ.— П о в е д е н і е и его содержаніе: трудъ. 168

Стр.

Глава VI. — Соціологическое опредѣленіе идеи свободы.

Эволюція, ведущая отъ невѣжественной и импульсивной дѣятельности къ поведенію сознательному и строго мотивированному. — Иллюзія свободной воли.—Метафизическое значеніе идеи свободы.— Новое опредѣленіе этого понятія.— Угнетеніе и свобода какъ крайнія формы одного и того же соціальнаго процесса. — Право на возмущеніе.— Сомнѣніе, облеченное въ форму «терпимости».— Заключеніе 177

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Предвѣстники новаго нравственнаго порядка

(основаннаго на знаніи соціологическихъ законовъ).

Глава I. — Дифференціальное объединеніе нашихъ познаній и его послѣдствія.

Продукты мысли аналитической и гипотетической и продукты мысли синтетической и аподиктической.—Формула Спенсера и законъ причинности.— Два крупныхъ историческихъ факта.—Эмпиризмъ.— Апріоризмъ. — Позитивная теорія. — Теологія и метафизика. — Философія и искусство. — Вторженіе технической точки зрѣнія въ область причиннаго изслѣдованія.— Власть свѣтская и власть духовная. — Своеобразная ошибка Ог. Конта.— Сила общественнаго мнѣнія. — Постепенная дифференціація (спеціализація, обоснованіе) соціологіи и философіи 191

Глава II. — Упадокъ религій и метафизическихъ системъ.

Ископаемая наука и философскіе синтезы, ее представляющіе. — Антилогія: знаніе и сознаніе. — Медленное вымираніе вѣры и апріоризма. — Кризисъ современной духовной жизни. — Автономія

Стр.

нравственнаго знанія. — Агностицизмъ и пессимизмъ. — Метафизическая идея о безконечномъ прогрессѣ. — Дисгармоніи органическаго или жизненнаго порядка. — Дисгармоніи надорганическаго или нравственно-общественнаго порядка. — Замкнутый логическій кругъ 201

Глава III. — Ложныя теоріи познаванія.

Односторонній (біологическій) характеръ современныхъ теорій познаванія. — «Феноменизмъ» и иллюзія, искажающая нуменальное бытіе. — Классификація наукъ Ог. Конта. — Ошибочное различеніе между формальнымъ и матеріальнымъ знаніемъ. — «Нормативныя» и «объяснительныя» науки. — Содержаніе науки, философіи, искусства и техники. — Методологическая дифференціація . 209

Глава IV. — Гносеологическіе тезисы нео-позитивизма.

Увлеченіе гносеологіей у новѣйшихъ философовъ. — Главные тезисы моей теоріи познанія. — Борьба съ Непознаваемымъ. — Ложная антиномія между надорганическимъ и органическимъ, между познаніемъ и жизнью. — Теорія абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ.—Коллективный опытъ и традиція.— Біо-соціальная наслѣдственность и иллюзія «формъ познанія». — Знаніе объективное и знаніе субъективное.—Біологическая особь и мысль «асоціальная». — Опредѣленіе конкретнаго съ помощью абстрактнаго. — Психическое взаимодѣйствіе и коллективный опытъ. — Общій выводъ . . 216

Глава V. — Идейный нигилизмъ.

Характерная иллюзія ума. — Фанатизмъ конкретнаго факта.— Заблужденіе платонизма.— Реальное тожество родовыхъ понятій наивысшихъ степеней отвлеченія.—Лже-специфичность надотвлеченныхъ концептовъ. — Религіозное и агностическое увлеченія. — Реализація абстрактнаго. — Раз-

Стр.

личныя значенія этого термина. — Практическая реализація и реализація эстетическая.— Какимъ образомъ реализуется конкретное?—Подражаніе природѣ. — Религіозныя и метафизическія олицетворенія.—Эстетическое творчество и изобрѣтательность техническая. — Роль соціолога и роль теоретика познаванія. — Глубокій смыслъ идеи относительности.— Бытіе и знаніе 240

Примѣчанія (1—42) 259

